

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СНОВИДЕНІЙ

*СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
РАЗСКАЗОВЪ И РАЗМЫШЛЕНІЙ,
ПРИВОДЯЩИХЪ КЪ ПРИЗНАНІЮ
ДУХОВНАГО ХАРАКТЕРА СНОВЪ*

Въ шести томахъ
Томъ первый

**Матеріалы для опытной психологіи
и естественно-научной апологіи христіанства**

Составилъ
бакалавръ богословія
Михаилъ КОЖАЕВЪ

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая улица, свой домъ
МОСКВА, 1906.

Михаил КОЖАЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

В шести томах

Том I

Репринтное воспроизведение издания 1906 г.

Тула
«ШАР»
2006

...А утро не соврёт: оно всему голова...

Борис Гребенщиков¹.

Когда нам что-то снится, мы не знаем, что видим сон. Во сне мы можем даже гадать по своему сну и лишь проснувшись знаем, что то был только сон. Но есть ещё великое пробуждение, после которого узнаёшь, что в мире есть великий сон. А глупцы думают, что они бодрствуют и доподлинно знают, кто в мире царь, а кто пастух. До чего же они тупы! И вы, и Конфуций – это только сон, и то, что я называю вас сном, тоже сон. Такие речи кажутся загадочными, но если по прошествии многих тысяч поколений вдруг явится великий мудрец, понимающий их смысл, для него вся вечность времён промелькнёт как один день!

Чжуан Цзы, II².

*В оформлении обложки использован
рисунок Леонардо да Винчи «Кондотьер»*

¹ Аквариум. «Беспечный русский бродяга» (2006). «Voulez vous coucher avec moi».

² Чжуан-цзы. Даосские каноны / Пер., вступит. ст., коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 69 – 70.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СНОВИДЕНИЙ

КПСС, том I

Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно, в виде каких-то ощущений, без перевода на человеческий язык, тем более на литературный... многие из ощущений наших, в переводе на обыкновенный язык, покажутся совершенно неправдоподобными.

Ф. М. Достоевский. «Скверный анекдот»³.

На протяжении нескольких лет в моей душе теплилось желание собрать в единый свод те сновидения, которые я смог вспомнить и зафиксировать в письменном виде. Почти три года тому назад я начал сохранять свои сны. Вставал в середине ночи, чтобы начертать несколько строк на листе бумаги, печатал содержание своих видений. Но всё это время в творчестве я был занят совсем другими вещами.

Когда в 2005 году я работал над журналом «Клепсидра», запечатлённые мной сновидения уже занимали почти сотню страниц. Дело осложнялось тем, что сделанные записи во многом являлись конспективными, иногда совершенно запутанными, а подчас и вовсе – потерянными для расшифровки. Поэтому любые попытки в каком бы то ни было виде издать эти сны – хотя и бы в «неканоническом», даже черновом варианте – ещё в самом начале сходили на нет. Сведёние же сновидений в один сборник откладывалось в связи с другими литературными проектами.

Наконец, уже в нынешнем году, когда удачно изданная «Клепсидра» начала находить определённый общественный резонанс, я смог отвлечься от посторонних занятий и полностью сосредоточиться на обещанной (в журнале, на с. 4) книге под именем «КПСС».

³ Как эпиграф цитата взята в день покупки в «Букинисте» собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 12-ти томах 3-го июня 2004 г. и прочтения рассказа «Скверный анекдот», т. 2, с. 357.

Название сборника было придумано уже давно. По аналогии с устойчивым выражением «полное собрание сочинений» я создал другое, но тем не менее претедующее на такую же известность и запоминаемость, имя – «Полное собрание сновидений». Выходящее сейчас в свет издание представляет собой только первый том из грандиозного шеститомного сборника, планируемого в отдалённом будущем, рабочим обозначением для которого я выбрал классическое слово «корпус». Поэтому откуда появилась аббревиатура «кПСС», догадаться, в целом, несложно, если за общее название сочинения принять «корпус Полного собрания сновидений».

Главнейшим мотивом к началу работы над книгой стало знаменательное событие 4-го июля 2004 г., которое я записал в черновике «Полного собрания сновидений». В тот день я приобрёл в магазине «Букинист» двенадцатитомное собрание сочинений Ф. М. Достоевского и был увлечён замечательным рассказом «Скверный анекдот». В нём, среди прочего, содержится удивительно точное описание того, как косноязычно звучит то, что думает и чувствует человек. Я думаю, что эпиграф, позаимствовавший эту цитату, как нельзя лучше оправдывает мою невозможность объяснить свои сновидения так, чтобы они были понятны постороннему человеку. Тем не менее я честно стараюсь выполнить всё, что в моих силах, и готов со смирением принять строгий и беспристрастный читательский суд.

Человек проводит во сне треть своей жизни. Страшно подумать: тридцать лет бытия совершенно выпадают из наших биографий! Как правило, снам уделяют если и не мало, то явно недостаточно внимания, поэтому ночная часть нашего земного пути переходит в забвение, превращается в руины. А ведь так важно ничего не упустить, всегда дышать полной грудью и с радостью смотреть на окружающий мир. «Полное собрание сновидений» – это, можно сказать, моя лепта в деле сохранения той исторической памяти, которая лучше всего характеризует эпоху и даёт представление о том, чем жили, что чувствовали и к чему стремились люди... неважно, какого века. Своей книгой я про-

длеваю себе жизнь на столько ночей, сколько сновидений я в ней описываю.

Однако я должен сразу предупредить, что читатель, вопреки моему обещанию, следующему из заголовка книги, не встретит здесь, на этих страницах, действительно, полного собрания моих снов. Скорее, верно будет утверждать обратное: то, что в издании собрана далеко не полная коллекция ночных видений. Красота названия в данном случае перевесила суть содержания. Но, говоря объективно, вряд ли возможна фиксация всех человеческих сновидений даже за какой-нибудь определённый короткий отрезок времени. Я не говорю о снах детских или отроческих, всем понятно, что запомнить их все – совершенно невыполнимая задача. Каждый из нас с трудом, наверное, вспомнит и полдюжины таких видений.

Но дело отнюдь даже не в этом. Существует мнение, что сны являются человеку каждую ночь, только не каждый из них человек видит, воспринимает. Допустим, нас посетило сновидение, но скольких усилий стоит его запомнить, тем более что все мы сталкивались с той печальной особенностью, что если сон забывается при пробуждении, то восстановить его в памяти в течение дня не представляется никакой возможности. С прискорбием я должен заметить, что сохранённый в сознании фрагмент – если его не зафиксировать – с лёгкостью может покинуть нас в течение всего одного получаса.

Я скажу даже больше. Тот факт, что сновидение записано (а у меня собралось, думаю, больше двадцати листов с конспектами или полными описаниями различных эпизодов), совсем не гарантирует, что оно может быть восстановлено при его литературной обработке. Сон невозможен без сновидца, поэтому текст, отображающий его содержание, меньше всего подходит под определение действительного артефакта. Представьте себе, что учёные обнаруживают деревянную табличку с текстом, состоящим из четырёх заглавных букв латинского языка: «I.N.R.I.». Несомненно, для европейского сознания эта аббревиатура может обозначать только «Иисус Назарянин, Царь Иудейский». Теперь же представьте, что в тексте записанного сновидения

присутствует только небольшое сокращение. Может показаться удивительным, но очень часто оно попросту не поддаётся восстановлению: мысли, которые вкладываются в укороченный вариант слова изначально, не узнаются по прошествии времени, на их место встают другие, не подходящие к контексту сновидения. Наконец, главная причина «непонимания» зафиксированных снов заключается в том, что при новом чтении в сознании не возникает соответствующей картинке, фрагмент оказывается «забытым».

Но каковы бы ни были причины «потерь» сновидений, важно следующее. Из числа многих сотен и даже тысяч эпизодов осознанных, сохранённых в памяти и записанных – в качестве цельных «текстов» (в широком смысле слова, например, как устно передаваемые предания) до заинтересованных «читателей» доходят только скудные единицы.

Поэтому в своём труде я попытался собрать как можно больше своих сновидений, и в сумме они составили почти сотню небольших по объёму рассказов. Среди прочих в их число вошли «сны наполовину», то есть те видения, которые я по пробуждении утром или даже ночью записал, но по прошествии времени дешифровать не смог. Эти сновидения, являясь недоступными для толкования символами, никак не связывают между собой текст и тот образ, который должен возникать при его прочтении. Сны оказались погребёнными под своей мало что значащей словесной оболочкой, хотя и сохранены сейчас как некий «необъяснённый, непонятный язык». Специально выделенный для таких записей раздел называется «Забытые сны» и располагается непосредственно перед примечаниями к текстам основных, восстановленных в памяти сновидений.

При их составлении я столкнулся с определёнными рабочими проблемами, о которых, я думаю, следует упомянуть особо. Так, в специальной литературе встречается такой способ пересказа сновидения, когда его содержание и комментарии к отдельным образам или событиям перемежаются, составляя единую канву повествования. Подобный приём, несомненно, оправдывается теми задачами, которые ставят перед собой авто-

ры: преимущественно им нужно попытаться объяснить, какое происшествие в реальности послужило источником, материалом для сновидения. В моём же случае истолкование того или иного фрагмента не является целью, согласно которой этот фрагмент должен быть выстроен. Мне представляется невероятно красивым, удивительным и чудесным сам сон, даже независимо от того, чем он вызван. Поэтому в настоящей книге я стараюсь показать, не побоюсь этого слова, *эстетическую* прелесть сновидения, его художественную самодостаточность. Для меня гораздо интереснее исследовать, а вначале созерцать сон как мольберт, как холст, как красочное полотно. И если про шедевры Сальвадора Дали говорят «фотографии сновидений», то про самые яркие мои сны можно сказать даже больше – что они «мультифильмы» (недаром довольно часто мне снятся персонажи «Симпсонов»).

Однако указанный взгляд на вещи является моим авторским кредо, точкой зрения составителя сборника. При этом я вовсе не пытаюсь отказать сновидению в его активной включённости в душевную деятельность человека. Напротив, мне сильно импонируют сочинения тех классиков психологии, в которых они развивают различные теории сна, указывая на глубокую взаимосвязь дневных событий, мыслей и переживаний с их подчас причудливыми воплощениями ночью.

Здесь же моё стремление сохранить все известные мне мотивы сновидения естественным образом столкнулось с художественным (а не формальным) способом представления сна. Тогда я решил отвести в конце книги специальный раздел «Примечания» к сновидениям. Поэтому для пытливых умов имеет смысл после прочтения текста самого сна обращаться к его примечаниям: в них я обязательно указываю время, когда мне приснился тот или иной эпизод, а также основные комментарии, позволяющие разъяснить наиболее сложные образы. В случаях, когда пояснение нецелесообразно выносить в конец, замечание приводится непосредственно в тексте – десятым кеглем в скобках (именно так, как напечатан настоящий отрывок).

Кроме того, в примечаниях всегда присутствует ссылка на рукописный источник в тех случаях, когда сновидение было записано по пробуждении на бумагу. Как правило, сны, которые хорошо запечатлевались в моей памяти, я набирал как электронный текст на компьютере. Однако всякий согласится, что сложно, проснувшись в четыре часа ночи, встать, включить компьютер и начать печатать своё сновидение: это гораздо затратнее по времени, а, главное, по необходимым для сонного человека усилиям. Поэтому я обычно оставляю в тумбочке чистый лист и карандаш, делая письменное закрепление сновидения максимально комфортным (хотя иногда, признаться, совершить даже это – геройский поступок для любящего поспать).

В итоге, когда пришло время собирать и систематизировать материальные источники текстов сновидений, я обнаружил два основных их типа – 1) листы КПСС и 2) блокнот. Есть ещё такие экзотические «носители», как игральная карта или подставка для фотографии, но их мы должны оставить в стороне в силу их гениальности и неподводимости под какие бы то ни было формальные рамки. .

У меня дома лежит пачка чистых листов, которые не заканчиваются уже более двух лет. Я использую их для писем, для рисунков и черновиков, а их количество, кажется, даже и не уменьшается. Именно на этих листах я и записывал свои сновидений, после чего собрал в одну папку все бумаги и пронумеровал их по следующей схеме: «*КПСС т. I лист №1*», «*КПСС т. I, лист №2*» и т. д. Свод этих документов и составляет такой указанный выше источник, как «листы КПСС».

Другим хранителем сновидений является блокнот, который я получил в ходе второго тура конкурса потанинской стипендиальной программы в декабре 2003 г. Здесь ссылка следует на пронумерованные страницы, например: «*блокнот, с. 19*», «*блокнот, с. 26*» и т. п. В любом случае в примечании обязательно указывается, что сновидение «*содержится в рукописи*».

Стоит, впрочем, отметить, что сновидения, записанные на бумаге, составляют едва ли десятую часть от всех закреплённых эпизодов. Все остальные фрагменты печатались непосредствен-

но в электронный документ и получили общее название «черновика». В исправленных и обработанных текстах будут часто встречаться выражения, стоящие в скобках, типа «в черновике есть заметка» или «черновик сообщает об этом так». В подобных случаях под словом «черновик» следует понимать исключительно пратекст записанного сновидения, на основе которого создавался тот или иной подготовленный рассказ.

По сравнению с первой записью сна текст окончательной редакции отличается по нескольким формальным признакам. Так, изначальное изложение сновидения всегда вмещалось в один абзац вне зависимости от его объёма. Конечно же, в настоящей книге для удобства чтения все рассказы поделены на отдельные смысловые блоки. Далее, любая прямая речь в черновике выделялась кавычками, в то время как в последующей правке она, как правило, вынесена после тире. Я не думаю, что эти детали имеют некое первостепенное значение, но тем не менее они могут быть небезынтересны для исследователей, например, как проявление синкретичности сознания автора.

Отдельно от всех остальных эпизодов следует отметить такие два жанра сновидений, нашедших отражение в настоящем томе, как *«интермедия»* и *«дремота»*. Многие сновидения, несомненно, заслуживающие особенного интереса и почтения, являются очень краткими. На письме они занимают всего несколько строк. Ставить их вместе с рассказами в три или четыре страницы, на мой взгляд, не совсем верно, тем более что таких снов не так уж и мало. Поэтому оптимальным выходом из этой ситуации мне представляется группировка таких сновидений в единый раздел, который и называется «интермедией», так как оказывается между двух отдельных рассказов. В интермедии собран яркий калейдоскоп весёлых и лёгких фрагментов, призванных, по крайней мере, развлечь читателя.

Другой жанр – «дремота» – вбирает в себя все те обрывочные звуки и образы, которые только вовлекают человека в сон, манят его из дремоты погрузиться в полное расслабление тела. Обычно в таком пограничном состоянии (от вечера к ночи или, напротив, от ночи к утру) грезятся какие-то радиопередачи или

анонсы, исконная речь древних народностей или некие поучения. «Дремота» также вносит в цельный свод книги некое разнообразие, представляет в определённом смысле альтернативные сны.

Все сновидения книги идут друг за другом в хронологической последовательности. И только «Интермедия» и «Дремота», являясь собранием разновременных эпизодов, по очевидным причинам не подчиняются этому правилу.

При работе над книгой в жанре художественной мозаики я тем не менее по мере сил изучал специальную литературу, привлекая к ней, однако, и любые другие источники, в которых что-либо упоминалось о сновидении. Использование таких материалов выразилось, в частности, в составлении эпиграфов к снам. Хотя я и пытался достичь эффекта, когда выбранная цитата переплетается с содержанием эпизода, однако такая связь соблюдается и наблюдается далеко не всегда.

Среди фундаментальных трудов по теме сновидений, с которыми мне удалось поработать, я считаю необходимым выделить, по крайней мере, два. Чтобы избежать предсказуемости и штампов, я назову сначала книгу: *Дьяченко Г., свящ. Область таинственного. М., 1900 – 1992*. В ней, на страницах 450 – 562, в части «Явления душевной жизни во сне» представлены четыре главы: 1) «Жизнь души во сне»; 2) «Вещие сны»; 3) «Сомнамбулизм» и 4) «Гипнотизм». Представляя читателю наиболее общие, то есть самые научные, проверенные и подтверждённые факты и законы в области сновидений, автор привлекает самую обширную литературу по предмету. Кроме того, он апеллирует к огромному числу книг и статей, сейчас практических недоступных. Умело оперируя разнообразными, в том числе крайне редкими сведениями, Дьяченко достигает двойного эффекта. С одной стороны, священник создаёт глубокий и одновременно простой язык повествования, благодаря которому его произведение буквально читается на одном дыхании. С другой стороны, писатель передаёт все важнейшие знания о сновидениях, которые накопились к началу XX века.

Несложно догадаться, что если это издание не было указано первым из двух, то оно точно будет названо вторым. Конечно, при работе с «*Полным собранием сновидений*» я не мог не воспользоваться сочинением: *Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999*. Несмотря на многие известные мне критические замечания к этому труду, я всё-таки должен признать, что концепция, предложенная Фрейдом, в целом, удовлетворяет моим запросам как снотолкователя. Хотя главная мысль психолога – что сновидение представляет собой реализованное желание – далеко не всегда находит подтверждение на моём примере, но многие идеи Фрейда помогли мне расшифровать образы или действия во сне, которые были мне до того непонятными.

Важнейшей же ценностью, которую я почерпнул из «*Толкования сновидения*», является тот дух толкования, который придаёт уму гибкость, делает возможным увидеть истину в парадоксе, а, главное, не действовать по аналогии – а уметь применять постигнутые правила в различных случаях. Кроме того, Фрейд со значительной долей конструктивной критики относится к практике народных толкований и сонников, а также к теориям своих предшественников, что позволяет увидеть в авторе человека с трезвым разумом и тонким мышлением.

Хочется также поделиться своим небольшим открытием в деле сравнения указанных источников. Не может не удивлять обилие мест в «*Области таинственного*» и «*Толковании сновидений*», которые дословно, буквально повторяют друг друга. Этот факт тем более замечателен, что обе книги в своих первых изданиях вышли в свет в 1900-м году, что значительно снижает вероятность использования одного автора другим или наоборот. Скорее всего, как это представляется мне, и Фрейд, и Дьяченко пользовались сводом широко распространённых материалов, в том числе и в периодической печати, который можно условно обозначить как их общий «*пратекст*».

Важно отметить и другие источники, к которым я обращался во время создания «*Полного собрания сновидений*», тем более что цитаты из них активно включаются в рассказы в качестве эпиграфов.

Конечно же, в первую очередь следует назвать творчество *Бориса Гребенщикова* и группы *Аквариум*. Из почти сорокаальбомного кодекса «патриарха русского рока» я выбирал те места его песен, которые так или иначе обыгрывают тему сновидений. Естественно, этими отрывками я предваряю те мои сны, в которых среди действующих лиц встречаются БГ и музыканты *Аквариума*.

Несколько крайне интересных наблюдений о сновидениях содержатся в даосских канонах, авторство которых принадлежит *Чжуан-цзы* (в переводе В. В. Малявина; М., 2002). А так как книга его сочинений стала известна мне благодаря увлечению Гребенщиковым, то я считаю уместным указать данный источник сразу вслед за произведениями *Аквариума*, хотя – как человек православный – и чувствую настоятельную необходимость поменять китайского философа со следующим писанием.

Известно, что *Библия* изобилует описанием снов и их толкованиями. Иосиф объясняет фараону его сновидение; другой Иосиф, Обручник, получает указание выйти в Египет во сне; возвращаясь к апостолам после Гефсиманского моления, Христос находит Своих учеников спящими. Несомненно, священная книга христиан – прекрасный иллюстративный источник к феномену сновидений.

Наш мир необыкновенно разнообразен и богат. Его проявления не должны ограничиваться привычными нам границами. Напротив, всегда следует активно познавать, совершать удивительные открытия и быть готовым к восприятию самых необычных явлений. Книга, которая может перевернуть традиционное представление о снах, – «Искусство сновидения» *Карлоса Кастанеды* (конспект которого содержится в доступных мне «Лекциях и интервью»; М., 2006). Тот парадокс, что сон может быть альтернативной реальностью, притом имеющей по отношению к обычной онтологическое превосходство, наглядно демонстрируется Кастанедой на основе учения дона Хуана, индейца из племени яки.

Безусловным классиком в игре со сновидениями от литературы представляется *Николай Гаврилович Чернышевский*. Три

сна Веры Павловны в его романе «Что делать?», действительно, стали образцовым приёмом, позволяющим показать переживания героя вложенными в сюжет ночных видений. Отрывки из этих трёх сновидений были поначалу выбраны для эпиграфов к моим рассказам, хотя и не имели к ним прямого отношения, являясь самодостаточными, имеющими право быть напечатанными ещё раз, в чужом произведении, уже в силу своей гениальности. Однако в силу довольно сумбурного окончания работы над книгой сны Веры Павловны были вынесены на отдельную страницу в качестве литературной иллюстрации к моему труду.

Наконец, список авторов, в той или иной степени интересующихся сновидениями, я думаю закончить одновременно учеником и ниспровергателем своего учителя – *Карлом Густавом Юнгом*. Во многом являясь продолжателем дела Фрейда, Юнг критиковал психолога-классика за увлечённость идеями сексуальности и смерти и предложил концепцию «коллективно-бессознательного» в том числе и в приложении к сновидениям. Об этом он пишет в своей книге «Воспоминания, сновидения, размышления» (Киев, 1994). (Другое произведение Юнга, «Архетип и символ», доступно мне только в перепечатке в другом издании, поэтому в ссылках на него отсутствует указание страниц). Принадлежа к восточному – не какому-нибудь японскому, скорее, к греческому – типу мышления, я не склонен *выбирать* между позициями Фрейда и Юнга; разум подсказывает мне *объединить* их, вбирая лучшее с той и другой стороны. Тем же принципом, в целом, руководствуясь я и в тех случаях, когда сталкиваюсь с противоположными воззрениями на один предмет в различной литературе о сновидениях.

В настоящем издании присутствуют ссылки и на книги, не имеющие отношения к снам, – это те произведения, которые я читал перед тем, как заснуть. Все подобные труды вынесены в примечания, но их авторов также можно встретить в именном указателе в книге. Впрочем, об этом следует сообщить некоторые важные подробности.

Насколько я могу судить из опыта, сновидения очень редко бывают лишены одушевлённых персонажей. Человек – вот

главный участник сюжета сна. При этом сознание, как кажется, построено таким образом, что во сне возникают самые разные личности как по социальному положению, расовой принадлежности, возрасту, так и по степени их известности. В моих сновидениях особенное место занимают герои эпохи. Наверное, только музыкантов Аквариума я видел более десятка, не говоря уже о том, сколько дюжин раз мне являлся Гребенщиков. Актёры и актрисы, писатели и поэты, цари и императоры, римские папы и православные святые – все эти лица поразительным образом вплетаются в мои сновидения. Поэтому я со своей стороны составил небольшой именной указатель, в который, помимо фамилий и титулов, включил интересные, подчас эксклюзивные сведения о данных людях, а также страницы настоящего издания, на которых они мне «сняты».

Для удобства использования я разделил действующих лиц указателя на три категории и для каждой назначил соответствующий вид. Первую группу составляют деятели, означенные выше, – реальные люди, наши современники или уже почившие. Ко второму типу героев сновидений принадлежат персонажи вымышленные: литературные, мультипликационные и прочие. Графически я выделяю их особенность *наглядным курсивом*. Наконец, третью, самую малочисленную общность составляют лица, не участвующие в сновидении, однако повлиявшие на него косвенно: книгу этого автора я мог читать перед сном, фильм этого режиссёра – смотреть. С учётом этого обстоятельства представители данной страты обозначены мелким, контрастным шрифтом.

На основании всего сказанного важно понимать различие между простым упоминанием в сновидении того или иного человека и его онтологическим значением для сна. Бывает, что для красоты речевого оборота или для лучшей яркости образа может быть назван некий художник. Пускай им будет Сальвадор Дали. Я сколько угодно могу ссылаться на эпизоды его гениальных полотен, уподоблять густоту часам из «Постоянства памяти», неуловимых женщин – муравьям из «Метаморфозов Нарцисса», хищных зверей – тиграм из картины «Сон, вызванный полётом

пчелы вокруг граната, за одну секунду до пробуждения». Упоминание при этом создателя шедевра никак не повлияет на его включение в именной указатель: он имеет онтологического статуса именно для сна. Пока мне не приснится Дали как человек и как участник моего видения, его имя не появится в списке, сколько бы раз я ни упоминал его в тексте книги.

В связи с этим огромный интерес представляет вопрос, как часто нам снятся типичные или, наоборот, неповторимые, эксклюзивные явления нашей жизни. Очевидно, что по обилию в сновидении тех или иных образов или персонажей можно судить, чем заняты мысли человека, к чему стремится его душа. Чтобы ввести в своём роде «математический коэффициент» «важности» различных предметов и людей во сне я создал специальную статистическую главу, в которой собрал наиболее частые объекты видений и разделил их по степени частотности. Единичные явления, вызывающие во мне некие тёплые чувства, я при этом всё же старался сохранить для истории. Важной чертой статистики является субъективно внесённая мной градация людей и образов в соответствии с моим личным представлением об их сакральности (сокровенности, «sacrum») и всеобщей доступности (открытости, «vulgus»), а также отдельная категория для известных лиц – «persona magnifica». Данное разделение может заинтересовать, скорее, исследователей законов психической деятельности автора. В теории, читатель, желая выявить все места, в которых встречается привлекающий его «предмет», сумеет добиться этого именно при помощи «статистики». Однако составление указателей на каждое сновидение, включающее этот «предмет», – к сожалению, непосильная для меня задача, тем более что я изо всех сил старался издать книгу до наступления Нового, 2007-го года.

Говоря о различных дополнениях к текстам сновидений, следует сказать, что непонятным для меня самого является раздел, рассказ или эссе – я сам не знаю, как лучше назвать этот очерк, – «НеоИзм». Приблизительно два года назад мне приснился сон, из которого отчётливо я зафиксировал только кружащихся в мистическом танце суфиев. Однако я хорошо

помню, что в этом видении мне открылись все глубинные, действительно значимые тайны мироздания. Я обозревал символическую связь вещей, смычку мировых культур в едином знании. Не могу сказать, почему, но я выделяю этот сон из всех остальных. Мне представляется, что в нём существует реальный выход в мир, пограничный со всем сущим. Постепенно сновидение как факт сознания стало обрастать определённой традицией истолкования, спустя время оно вообще стало пролегоменом к зачатку, возможно, нового направления в искусстве, синтезированного на основе творчества Гребенщикова и основанного на опыте почитания буквы «И». В нашей жизни присутствуют явления, которые мы с трудом можем объяснить; сложно сказать, что послужило их причиной, почему сейчас они представляются именно такими, как есть. Несомненно, литературный пассаж «НеоИзм» относится к числу одного из таких феноменов, в связи с чем я как автор даже не могу ничего прокомментировать на этот счёт. Что и говорить: чистая импровизация.

Сделав необходимые пояснения о структуре и особенностях книги, я считаю возможным сказать несколько замечаний и объявлений о «Полном собрании сновидений» как о едином корпусе в шести томах. Нынешний, первый том, по моему мнению, задаёт тон всей серии, задавая главные принципы для последующих книг, но и ставя эксперименты с целью выяснить, что впоследствии нужно будет исправить, а что, наоборот, – закрепить и развить. Раскрою секрет, что второй том вряд ли появится в ближайшие три-четыре года, но основные формальные его параметры известны уже сейчас: они воплощены в настоящем издании. И, наверное, главное, что планируется сохранить для пяти последующих томов, – это объём книги в 256 страниц.

Моим близким известна моя любовь к числам и математическим играм и головоломкам, по мере сил я стараюсь заботиться о своих вычислительных способностях. Поэтому 256, являясь восьмой степенью двойки, четвёртой – четвёрки и квадратом шестнадцати, особенно привлекает мой интерес, тем более что содержит в себе окончание $x56$, которое я почитаю за священное в связи с рождением моего любимого писателя Бориса Акунина

в 1956-м году. Когда работа над «Полным собранием сновидений» только начиналась, я уже предполагал зафиксировать объём книги этим числом страниц. Каково же было моё удивление, когда я в газетной статье обнаружил следующее высказывание Дмитрия Диброва: «Подсчитано, что в «Мастере и Маргарите» 256 персонажей. Позвольте, но ведь это совершенно компьютерное число – столько градаций цвета, например. Притом за полвека до появления компьютера. Странная числовая рифма, не так ли?»⁴. Так окончательно было решено издавать под заданным параметром все шесть томов серии.

Понимание того, что «Полное собрание сновидений» будет состоять из шести книг, пришло в некотором смысле спонтанно и неожиданно. Я вспомнил, что в «занавеске» (последней странице) «Клепсидры» есть магическое упоминание игральные костей, и представил себе маленький кубик с чёрными кружками от одного до шести на его гранях. С этого времени игральная кость была закреплена как символ соответствующего тома КПСС. Так, том I стал обозначаться как .

Наконец, главной изюминкой всей серии – всех шести томов – является то (и об этом я хочу предупредить всех сразу), что в каждой книге неизвестно в каком месте будет вставлен «ложный сон». Выдуманный от начала до конца, не имеющий никакого реального прототипа сон. Если «Полное собрание сновидений» окажется выложенным в интернете, тогда, я думаю, посетители соответствующего сайта смогут проголосовать за то сновидение, которое они считают ненастоящим, подделкой.

Пока же я предлагаю читателю следующий вариант. Учтывая, что элементы ложного сна не входят в статистику, а персонажи – в именной указатель, я могу посоветовать проверить сны по ключевым словам. Особенно просто выполнить это в электронном варианте книги. Психологи могут найти те органические несоответствия в композиции, которые могут выдать сознательную мистификацию с моей стороны. В любом случае верный ответ не будет известен вплоть до публикации следую-

⁴ Комсомольская правда. №32 (23669) 2006 г. С. 10. В номере содержится ссылка на сайт: www.livejournal.com с именем пользователя dmitrydibrov.

щего тома. А в нём будет специально названо не только само сновидение, послужившее яблоком раздора, но и те читатели, которые оказались непогрешимыми в своих предчувствиях. Всем им я торжественно обещаю подарить, разумеется, очередной том КПСС, но также и любимые и дорогие мне книги.

Уже сейчас я предвижу случай, когда в качестве подложного сновидения многими будет называться «НеоБизм». Я вполне понимаю, что моё примечание не окажется авторитетным и его немедленно подвергнут жесточайшему сомнению, однако я считаю нужным всё-таки его опубликовать: «НеоБизм» – не выдуманный сон, он, действительно, имел место; не стоит рассматривать его критически и записывать в ложные. Несомненно, найдутся люди, которые подумают: «Да он просто вводит нас в заблуждение. Специально предупреждает: «Нет, это не “НеоБизм”»; а на самом деле именно это сновидение и скрывает в себе подвох». Думаю, оставленный мной комментарий послужит для них отрезвительным словом. «Подделка» кроется только в общем своде сновидений.

Таким образом, ложный сон первого тома «Полного собрания сновидений» будет объявлен во втором, второго – в третьем и т. д. Однако пытливый читатель, несомненно, задастся вопросом: а из какого источника будет возможным узнать придуманное сновидение заключительного, шестого тома? Я готов ответить на этот вопрос безо всяких промедлений. Ложный сон последней книги собрания будет оглашён... уже в настоящем издании – в том, которое вы держите сейчас в руках. Открыв содержание шестого тома «Полного собрания сновидений», вы мгновенно узнаете страницу это сна, найдя в списке название: «Парадокс Гомера». Итак, все карты открыты, можно сдавать по новой и начинать партию по игре с тёмным и светлым одновременно.

Михаил Кожаев
19-е декабря 2006 г.,
в день святителя Николая,
архиепископа Мир Ликийских,
чудотворца

Кафедра теологии Тульского государственного университета открыта в 2001-м году. В декабре 2006-го был произведён первый выпуск студентов в числе одиннадцати специалистов. На кафедре преподают следующие сотрудники:

- *протоиерей Лев Махно* – заведующий кафедрой, «Библистика», «Литургика»;
- *протоиерей Александр Нагайцев*, «Каноническое право»;
- *священник Евгений Лаленков*, «Догматическое богословие»;
- *Юрий Викторович Земцов*, «Этика и аксиологии в религии», «История древней христианской Церкви», «История и теория христианского искусства»;
- *Людмила Петровна Фролова*, «История Русской Православной Церкви»;
- *Ольга Андреевна Балахнина*, «Латынь», «Древнегреческий язык»;

а также ▪ секретарь и, можно сказать, «хозяйка» кафедры *Елена Викторовна Брысова*.

В моей группе со-обучаются следующие студенты (фамилии даны в алфавитном порядке): Евгений Бедняков, Валерия Бочкарёва, Андрей Бухтояров, Виктория Гайдар, Анастасия Дубовицкая, Ксения Казакова, Татьяна Карпеева, Павел Картавых, Иван Лобанчиков, Ольга Назарова, Антон Насонов, Александр Пейль, Ирина Петрова и Олег Тарнопольский.

Фотографии и подробную информацию обо всех обозначенных выше преподавателях и студентах кафедры можно найти на сайте теологии: www.teologia-tula.ru.

Наконец, в разделе «Статистика» категория родственников приведена в максимально обширном виде: сюда входят мои родители, бабушки и дедушки, а также брат и его жена. Считаю немаловажным привести некоторые данные о них.

Отец: Михаил Васильевич (род. 1959 г.), токарь на Косогорском металлургическом заводе (КМЗ). Награждён медалью к ордену «За заслуги перед отечеством».

Мать: Ольга Александровна (в девичестве – Лаврова) (род. 1959 г.), сейчас домохозяйка.

Брат: Роман (род. 1980 г.), электрик на том же заводе.

Бабушка по материнской линии: Валентина Петровна Ефимова (род. 1931 г.), пенсионерка.

Дедушка по отцовской линии: Василий Иванович Кожаев (1920 – 2006 гг.), плотник.

Примечательно, что мой брат родился в один день с отцом (26-е апреля), а моя бабушка – с женой брата (20-е марта).

Дедушка умер в августе 2006 г. после продолжительной болезни. В двадцать лет ему на пилораме выбило все зубы, а во время войны – оторвало ногу. Но несмотря на все удары судьбы, он жил настоящей, полной жизнью. От третьего брака на моей бабушке у него родилось трое сыновей, один из которых стал мне родителем. Дедушка скончался у нас на руках и был похоронен рядом со своей супругой на окраинном кладбище города Чернь Тульской области. В знак моей непреодолимой любви к нему я поместил его позднюю фотографию в нашей квартире на первой странице настоящей книги. Пусть для всех читателей это будет знаком, что он не умер, а остался жить во мне, о чём символично сообщает моя фотография, сделанная в наукограде Дубне в нынешнем феврале.

Дедушка. За несколько лет до моего рождения

Синий дом

В доме рядом спит лжец и видит страшный сон – ему снится, будто он говорит правду.

Луис Велес де Гевара. Хромой Бес, II⁵.

Вне пространства, как будто он и есть всё пространство вселенной, стоит синий дом (его прообраз – дом в деревне Кресты Чернского района, в котором я отдыхал летом в позднегимназические годы). Внутри время словно растворено в киселе: если его опрокинуть, оно будет не быстро просыпаться, а медленно вытягиваться к земле; словом, как часы на картине Сальвадора Дали «Постоянство памяти». Соответственно, стены комнат мягче настоящих: как плюшевые игрушки; если о них удариться, они не причинят боли, а спружинят и бережно оттолкнут, как новый диван. Я передвигаюсь, плавая в спокойной густоте дома, и сам сон кажется мне синим.

Занесённый невещественными волнами к последней комнате, я открываю дверь, и передо мной открывается огромная аудитория, слушателей на сто или больше. На скамьях ни души, и я разворачиваюсь в поисках чего-то необыкновенного. Двигаясь по узкому коридору, я встречаю крошечную, но хорошо освещённую каморку. В самом её конце установлена торжественная кровать: уменьшающимся кверху в размере подушкам нет числа, белее снега сияющие перины слеplены в метровый покой. Под дышащим же своей чистотой одеялом спит дряхлая старуха: со впалыми губами и морщинистой кожей бледного цвета, какой бывает у умершего или обескровленного осьминога. Но старуха именно спит, а не мертва: я чувствую это внутренним знанием; и поэтому равнодушно, но и без душевного волнения взираю на неё.

Время стихает, становится маленьким ребёнком, проснувшимся очень рано, ещё до родителей, и поэтому перемещающимся на носочках. Следуя в своём любопытстве далее, я оказываюсь в пустой комнате, освещённой будто молочным светом, проливающимся сквозь небольшие окна. Моё внимание привлекает старинный комод. Я подхожу к нему ближе и вижу лежа-

⁵ Плутовской роман. М., 1989. С. 393.

щую на нём медаль за войну 19367 года: эта дата выбита на её золотой поверхности. Беру медаль в руки: она чуть больше моей, за окончание гимназии. Положив награду обратно, я возвращаюсь в коридор, чтобы продолжить путешествие, и только тут замечаю двух мужчин, всё это время стоявших в комнате.

– Ларий (Ларин), – совершая поклон, называет мне свою фамилию первый.

– Барлав, – с почтением представляется другой.

«Болгары», – думаю я про себя и, не отвечая ни слова, выплываю. Бросая на них прощальный взгляд, я замечаю, что за их спинами боязливо прячутся две женщины. Недоумевая, я поднимаю брови и отворачиваюсь.

Случайно попадая в одну из многочисленных комнат совсем ведь не большого дома, я замечаю на стене старый советский стабилизатор тока: цвета молока с трёхминутной пенкой пластмасса со множеством дырочек. Однако в моём сознании прибор обретает новую функцию – он становится обогревателем (в оригинале: «нагреватель»). «Зачем он здесь?» – думаю я и перелистываю последнюю страницу сна, переходя до пробуждения в небытие.

Оконный монастырь

Когда душа начнёт чувствовать себя здорово, тогда начнёт и сновидение иметь чистые и безмятежные.

Максим Исповедник⁶.

На кухне накрыт праздничный стол. За ним сидят мои родители, брат с женой, бабушка и я. В воздухе царит умиротворённо-семейное настроение; пьём чай. Неожиданно, как важное известие в газетной хронике, бабушка устремляет внимательный и горячий взгляд на жену брата и (не знаю или, скорее всего, не помню к чему) начинает говорить, постепенно оборачиваясь ко мне:

– Знаешь, её я люблю больше, чем тебя, – примерно так звучит её фраза.

Раненный словом, я встаю из-за стола и ухожу в слезах.

⁶ Добротолюбие избранное. Для мирян. М., 1997. С. 239.

В следующее мгновение я еду на 28-м автобусе от магазина «Нива», что на Первомайской, домой, на Косую Гору. Это действие я осознаю очень смутно, как и всё окружающее меня. Понимаю только, что на Зелёнстрое, со стороны бензоколонки, останавливается 114-й автобус, из которого доносится Аквариум. А кроме того, в салоне мало людей и я успеваю добежать и прыгнуть внутрь, так как этот маршрут проходит мимо места, от которого до моего дома минут пятнадцать пешком. Ловкий, я вбегаю в открытую дверь, но автобус разворачивается и едет в другую сторону, вниз по проспекту. Ситуация отягощается ещё и тем, что в нескольких метрах стоит кондуктор, а у меня нет денег. Но, к счастью, водитель останавливает на улице Вознесенского, и я выхожу. (Во сне я не даю отчёт, что это улица Вознесенского, – конечно, это то самое место, только я не определяю его именем).

Как ни странно, я двигаюсь вниз, хотя мой дом совсем в другом направлении. Проходя по мосту к остановке Пединститут, я спрашиваю себя: а сколько сейчас времени?; и тянусь к сотовому телефону. Но на поясе у меня висит телефон без экрана, поэтому я начинаю ощупывать (в черновике: «гладить и побивать») карманы и в левом отделении головного убора, похожего на белую шляпу советских времён, нахожу телефон с экраном где-то на задней части аппарата. На часах 15:35, но при этом на улице темно и слишком насыщенно-золотисто горят фонари. В моей голове тут же формулируется самовопрос: не сон ли это?, потому что если всё происходит в действительности, то у меня будут большие проблемы с родителями (хотя, возможно, во сне подобное ощущение не имело места). Но основное чувство, появляющееся от у-знания времени, – безотчётный страх.

Почти перейдя мост, я встречаю милиционера и спрашиваю у него, какое сегодня число. Он отвечает мне, что 02.02 (именно так: «02.02» (в таком виде дата отображается на моём телефоне), а не «2-е февраля»); хотя я не понимаю, как возможно передать словами сведения, которые в моём сознании загорелись бы виденьем чисел). Я киваю головой и начинаю переходить дорогу. Одновременно сзади раздаётся голос милиционера, сооб-

щающий о запрещающем сигнале светофора. Но случилось так, что дорогу я уже перешёл, а красный свет заметил только сейчас, равно как и осознал слова правоохранителя. Думая, как бы лучше выйти из ситуации, я поворачиваюсь вполборота и громко извиняюсь. Однако на милиционера мои оправдания действуют несколько странным образом: он перебегает за мной и приказывает лечь лицом в снег (это первое во сне свидетельство о снеге). Я пытаюсь объяснить, что иду на остановку на противоположную сторону улицы, чтобы уехать домой; но милиционер с минуту молчит, а затем спрашивает, к какой Насте я хочу поехать. Я повторяю, что хочу ехать домой, а не к Насте, — и меня отпускают!

Но отпущенный из беспощадных лап правосудия, я возвращаюсь к прежнему и, вместо того, чтобы действительно идти домой, направляюсь в сторону педа и дальше. Проходя по узкому тротуару между зелёной клумбой (тогда какой снег?: клумба не из вечнозелёных растений) и стеной дома с двумя или тремя то ли дверями, то ли воротами, я оказываюсь подхваченным людским потоком, несущим меня помимо моей воли. В то же время сзади раздаётся относительно громкий голос Кости (не зовущий меня, а громкий сам по себе: во сне его обладатель так разговаривает). Я поворачиваюсь и начинаю скучать.

Просыпаюсь в своей кровати примерно через час или два. В окне особенно золотистое по сравнению с январскими днями солнце. Комната точно такая же, как и перед сном. Первая моя мысль, рождающаяся по пробуждении: не сплю ли я? С негромким, как будто испугавшимся самого себя и затихнувшим, скрипом открывается дверь. К моей постели подходит матушка и укоряет, ругает меня: два человека (или: два лица; не помню уже наяву) (то есть она и отец) понадеялись, что ты напоишь деда чаем, а ты даже не потрудился сделать этого!

Не знаю, как; но уже через секунду мы с родителями и бабушкой едем в неизвестное место, в лес или сад, в котором на последней поляне к центральному дереву привязаны верёвки от крайних деревьев. Причём углы исходящих от крайних деревьев связок всегда одинаковы. Матушка говорит, что хорошо бы так:

и одну туго натянутую верёвку кладёт поверх другой (соседней) так, что первая немного обвисает. Мама начинает дёргать за верёвку, и откуда-то издалека начинает доноситься колокольный звон. Я выхожу от последней поляны к открытой перспективе и вижу обветшалую стену (одну, без остальных трёх!) как будто старого монастыря. В стене два окна; я заглядываю в одно из них и встречаю глазами монастыри и купола, золотящиеся на будто красно-плавящемся солнце летнего вечера. (Практически дословная, детальная цитация иллюстрации издания: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. В 2-х книгах. М., Харьков, 2000. Кн. 2). Причём эта панорама видна только через окно: когда я, подходя к стене, смотрел со стороны, храма не было. Я осеняю себя крестным знаменем. И просыпаюсь.

Огненная цистерна и Театр одного зрителя

Больной, который через две недели был поражён апоплексическим ударом, имел целый ряд ужасных снов, в одном из которых он был скальпирован индейцами.

<...>

Один субъект видел во сне, что его дом и сам он, сгорая, превращаются в пепел; через несколько дней он заболел воспалением мозга⁷.

Эпизод первый. Сверху и под углом (как если бы объектив камеры сна был укреплен на троллейбусных проводах) я вижу трассу, похожую на кольцевую автодорогу. Она разделена на три полосы, и по средней едет напоминающий «Камаз» грузовик ржаво-зелёного цвета: кузов у него ржавый, а задняя часть (как у «Татры») зелёная. Машина резко вырывается со светофора вперёд, но в дальнейшем едет совсем не быстро. Манеру движения этого автомобиля, что называется «в прямом эфире», комментирует голос Василия Уткина (которого я никак не мог услышать на трансляциях чемпионата Европы по футболу 2004 г.):

– Как внимательно наблюдает водитель скоростной режим, как аккуратно выполняет правила дорожного движения. А знали бы вы, что сделал он всего час тому назад!

⁷ Дьяченко Г., свящ. Область таинственного. М., 1900 – 1992. С. 465.

Создаётся впечатление, что и наблюдаемая картинка, и звук в совокупности играют роль вступления, или предисловия. Потому что дальше начинается показ именно того случая с грузовиком, о котором было сообщено интригующей ноткой.

Рисунок 1.

На магистральной разделительной полосе шириной метра в три сочной зелёной травы стоит пропускной пост (даже во сне похожий на пункт дпс) белого цвета с зелёной поперечной полосой. Я и несколько незнакомых мне человек (силуэты, не поддающиеся моему распознаванию) находимся перед этим постом справа от газона. Несмотря на то, что данная дорога – магистраль, наша проезжая часть очень узкая: по ней проедет максимум один автомобиль, а, возможно, это даже пешеходная зона. На встречном пути состояние дел куда лучше, машины свободно могут двигаться в два-три ряда. Между тем, человек в форме выглядывает из окошка постового возвышения и запретительно машет нам рукой в служебной перчатке. Этот жест означает, что нас не пропускают; но не пропускают не на широкую полосу (то есть налево через газон), а дальше будки по прямой. Однако я и несколько других людей (важно заметить, что образ видения в сновидении не объективный, а личностный: моя оценка берёт верх в ущерб остальным персонажам) срываемся с места и решительно пересекаем вожделенную черту, оказываясь таким образом за «спиной» поста.

Тупым клином газон сужается, и две стороны магистрали сливаются в одну. На отдалении я замечаю (не зрением, но внутренним знанием) проезд, примыкающий к дороге слева. Быстро и целенаправленно я устремляюсь к перекрёстку, но

столь же быстро начинаю замедляться и, наконец, останавливаюсь. Моё единственное желание – увидеть тот самый грузовик, фигурировавший во вступлении. По инерции я делаю ещё два шага, и будто в связи с этим дорога уходит вдаль, а по её бокам, как грибы, мгновенно вырастают двухэтажные дома. Возникает ощущение, что эти желтоватые, с примесью двухлетнего коричневого нароста нависают надо мной, по крайней мере, они практически полностью закрывают мне боковой вид.

Проходит несколько секунд, как я замечаю, что дорога, на которой я нахожусь, не автомобильная: подо мной шпалы и стальные рельсы. Я поднимаю голову, оборачиваюсь – и сейчас же перед моими глазами появляется поезд. Как ни странно, состав не прорастает медленным зерном из точки горизонта и размером даже не с монету в вытянутой руке – он уже ближе, чем на середине пути до меня; даже странно, что я не слышал его раньше и замечаю только теперь. Застигнутый врасплох, я мобилизуюсь и добегаю до пересечения с асфальтовой дорогой. По ней же, оказывается, и движется умеющий так заинтриговать грузовик. Но он не зелёный: он весь ржавый. Причём на этот раз к его «основе» (из предисловия) присоединены ещё и два прицепа, крытых тентом и столь же массивных. Бросаю взгляд на приближающийся вагон – поезд тоже ржавый. Я прохожу по краю асфальтовой дороги вглубь, так что угол левого двухэтажного дома закрывает мне вид поезда. И только здесь я замечаю, что на пересечении путей установлен шлагбаум (точь-в-точь как на переезде в деревне Кресты, где я часто отдыхал летом до продажи дома), но он не автомобильный, а – железнодорожный в прямом смысле слова: преграждает движение составу. В это время грузовик приближается к полотну, а из-за угла появляется несущийся на огромной скорости поезд.

Несмотря на молниеносность происходящего, я отчётливо вижу машиниста – это Олег Зарницкий (в реальности он победитель конкурса едоков: быстрее других претендентов Олег съел четыре килограмма майонеза). Рядом с ним в рубке ещё двое, но они как будто в тени и их видно хуже. Поезд в одно моргновение достигает шлагбаума, как на полном ходу в первый вагон врзается грузовик. Оба

технических участника происшествия взрываются и начинают гореть. Посреди огня я встречаю несколько языков пламени красно-синего цвета: в игре «Diablo-II» ими обозначаются порталы. И в этот момент схема дорог меняется ещё раз.

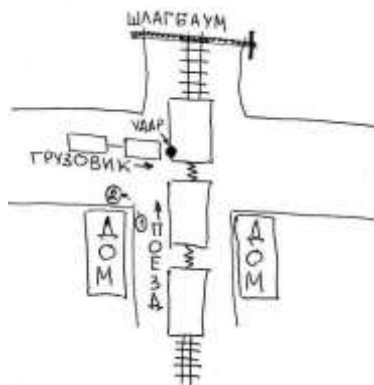

Рисунок 2.

Перед моим взглядом железная дорога, форменно списанная с крестовской у въезда в деревню. Однако будка железнодорожника, в оригинале стоящая за переездом, теперь стоит и за, и перед полотном, так что закрывает часть движущегося (в сторону Орла) состава. Поезд едет обесточенный и неуправляемый и горит. Периодически то на крыше, то по бокам возникают человеческие силуэты, пытающиеся потушить пожар. Лучшее в памяти закрепляется человек, борющийся со стихией на задней платформе последнего вагона: он открывает люк цистерны, но оттуда вырывается пламя и поджигает мужчину; тогда он закрывает люк, и бушующий огонь скрывается внутри. И так происходит несколько раз.

Эпизод второй. Сегодня премьера. Провинциальный театр презентует новую, довольно неожиданную и, скажем так, нетрадиционную постановку. На сцене происходит очень странное действие: человек пятнадцать актёров на протяжении всей пьесы не произносят ни слова – они бегают и прыгают по сцене, все в разноцветных халатах, напоминающих японские, и мимикой передают чувства и эмоции.

В зрительном зале я сижу ряду в десятом, на ближнем месте к центральному проходу. Рядом со мной Иван Супонин (мой одноклассник по гимназии). Мы не переговариваемся между собой и, по всей видимости, различно воспринимаем происходящее. Мой сосед откровенно скучает. Я же постоянно испытываю ощущение тонкой, но сильной мистериальности, экзальтированности всего происходящего. Для меня это выступление – событие чрезвычайной внутренней важности.

Неожиданно не только для зрителей, но, кажется, и для самих актёров из правых кулис появляется женщина и произносит первые слова за прошедшие полчаса. Она что-то говорит про Дмитрия Донского, и после этой фразы весь зал (все довольно молодые люди) буквально вскакивает со своих мест следовать в буфет (как я мог понять, почему именно в буфет, я не имею ни малейшего представления), однако все стоят. На сцене в этот момент солирующий актёр замирает, внимательно глядя на зрителя и боясь далее выступить для пустых кресел; но спектакль продолжается. Спустя несколько секунд «любители театра» разворачиваются и поспешно выходят. В зале я остаюсь один или почти один: возможно, сохранилось ещё несколько пережитков прошлого, но я вижу их смутно.

Наблюдая за игрой актёров, я замечаю, как относительно рядом ко мне подсаживаются два человека. Если я сижу на первом месте к проходу, то они занимают приблизительно пятое и шестое. Одного из них, дальнего от меня, я вижу отчётливо – это отец Лев. Он находится ко мне лицом, повернувшись на кресле в мою сторону. Второго же, ближнего ко мне, я различаю плохо: всего лишь ощущаю его присутствие, вижу его длинную бороду, но воспринимаю будто один силуэт. Между тем, я знаю, что он не митрополит, но и никак не епископ – архиепископ. Сурово и хмуро молчащий архиепископ. Отец же Лев убеждает меня покинуть зал, и аргументы его примерно таковы:

– Вот, – говорит он, – Иван (сидевший рядом со мной на втором месте, пока не ушёл со всеми) побывал на Дмитрие Донском, был в Греции и Испании, а ты не был.

По мере того, как произносится эта фраза, я понимаю, что «Дмитрий Донской» – это обозначение православной святыни, но вовсе не понимаю, какое отношение к православным святыням имеет Испания.

Несмотря ни на что, я не поддаюсь на уговоры и продолжаю наслаждаться действием, хотя и ощущаю тяжёлый взгляд отца Льва. Неожиданно подо мной проламывается кресло, и я оказываюсь в комическом положении человека кое-как сидящего, но в любой момент могущего провалиться в геенну огненную (без покаяния, после осуждения церковными иерархами) через окончательно сломавшееся сиденье. На мгновение я замираю в воздухе, держась одними локтями на боковых ручках, но слышится грозный и зловещий хруст, и со словами: «Ну, если уж кресло сломалось, то я пойду» я ухожу прочь.

Para bellum (вариации на военную тему)

Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. Мечтания есть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума; по которым предметы перемешиваются, одни вытесняют другие или изменяются в другие; от них не бывает пользы, и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением. Их тщательнейшие ревнители презирать должны...

Сон первый. На дворе глубокая тёмная ночь. Посреди то ли какого-то болота, то ли просто грязной и мокрой земли стоит забор из сетки-рабицы. Что и от чего он ограждает, я не знаю. Снаружи забора стою я и Твардовский; а рядом с нами – несколько военных, которых сложно распознать в темноте, к тому же дождь как будто размыл краски их личностей. Единственное, что можно сказать об этих солдатах, – то, что они в мрачно-серой немецкой форме времён второй мировой войны и с автоматами на плечах. Времени, за которое можно успеть лишь окинуть взглядом людей, Твардовскому вполне хватает, чтобы окатиться внутри ограждения. Более того, кто-то незаметно кидает ему под вырытую ниже сетки дыру бутылку водки, и он, схватив её, победоносно вертит в руках, насмехаясь над ошеломлёнными автоматчиками. Стоя с другой, враждебной стороны забора, я

тем не менее тоже начинаю прыгать от радости и махать руками в знак солидарности. Реакция вооружённых солдат в этот момент меня совсем не интересует.

...Видения – такие сновидения, которые во всё время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают события будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя её в умиление представлением страшных видов, и видящего его делают самоуглублённым и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщательные ревнители должны считать такие видения драгоценными...

Сон второй. Декорации меняются; и я оказываюсь во дворе своего дома. В этом доме (сданном в эксплуатацию, кстати, в 1986 г., к моему рождению) двенадцать подъездов и пять этажей. Вместе со знакомым (хотя я только предполагаю, что это мой знакомый: я не помню его лица) мы стоим у девятого подъезда. Обстановка вокруг розовая: я чувствую, ощущаю это, хотя и не вижу – это не бросается в глаза. Неожиданно со стороны моего, первого подъезда (но значительно дальше) в нашу сторону начинают лететь пушечные ядра. В течение того времени, пока снаряды находятся в воздухе, – всего несколько секунд – я принимаю самое твёрдое решение вбежать на второй этаж девятого подъезда и ворваться в самую левую (из четырёх на площадке) дверь. Под пушечным громоподобным огнём огромными полушагами-полупрыжками мы вдвоём достигаем выбранной мною квартиры и, как замеченные на месте преступления, проносимся внутрь, словно в спасительное убежище.

Интерьер комнат напоминает скромную советскую стройку: мебели нет вообще, а на стенах – и то, не везде – наклеены бедненькие неприглядные обои. Тем не менее от вида такой обстановки на душе светло и даже как-то легко. В спальне у окна стоит кровать, под одеялом на ней лежит женщина. Не ведаю, откуда я знаю это, – но буквально подсознательно вижу, что она беременна. Через секунду к нам, ещё ничего не успевшим понять и придти в себя, вбегает жилистая, лицо в морщинах, дряхлая француженка-цыганка. Не говоря ни слова, она подбегает к отдыхающей женщине и пытается ударить или извлечь у неё

плод. Я делаю шаг вперёд в знак защиты будущей матери, но цыганка поднимает костлявый кулак и угрожает убить меня. Не обращая внимания на её угрозы и запугивание, я набрасываюсь на старуху и начинаю душить её. Соппротивление продолжается недолго, и цыганка, обмякшая, замертво падает на пол.

Спасённая женщина благодарит меня, и со всех сторон – из-под одеяла, из-за подушки – появляются невинные дети: сначала четверо, потом целых семеро. Поведение малышей принимает воинственный вид: они начинают шипеть и демонстративно выбрасывать когти. В этот момент мой спутник изумлённо скатывает губы трубочкой и исчезает, тая, как молочный призрак. Я понимаю, что, чтобы обороняться от грудничков, мне нужно забрать пистолет у задушенной старухи. Но (обратите внимание) возникает вопрос: какой? Дело в том, что у убитой всего один пистолет, и спрятан он у неё в одеждах; поэтому выбор оружия не фактический, а метафизически вольный: какой загадаю, такой и получу. Автоматический?, рассуждаю я – не подходит к эпохе: чувствуется, что это классический XIX век. Револьвер? – тоже не то (почему-то). И я сам, личным свободным приказом, во сне (хотя, естественно, происходящее осознаётся как реально переживаемая действительность) решаю: этим огнестрельным оружием будет двухзарядный капсульный пистолет, какие были в почёте в начале позапрошлого века. (На моей памяти это первый подобный эпизод (прецедент), когда во сне я лично делаю выбор, каким будет его продолжение). Неизвестно, кто взял бы верх в наметившемся сражении, – но меня спасло сновидение, которое на этом закончилось.

...Откровения суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещённой души, представляющие дивные некие Божественные дела и разумения тайновидства сокровенных Божиих тайн, сбытие наиважнейших для нас вещей и общее переменение мирских и человеческих дел.

Никита Стифат⁸.

Сон пятый. Зелёное поле во время дождя. В военном сражении сошлись две противоборствующие стороны, человек по

⁸ Добротолубие избранное. Для мирян. М., 1997. С. 239 – 240.

пять с каждой. Всех участников баталии припомнить довольно сложно, но, как минимум двух, кроме меня самого, я могу назвать. Это Гомер Симпсон (pro) и его супруга Марж (contra), разделённые баррикадой вражды. Все происходившие события сохранились в моей памяти смутно (в черновике есть заметка: «Надо, видимо, посмотреть одну из ближайших серий “Симпсонов”»), перед глазами возникают только снующие туда-сюда пушечные ядра и пороховой дым. Но я отлично помню вопрос, который задал жене своего товарища по оружию.

– Кто первый из людей преодолел установленную Богом гравитацию? – с лукавым видом спросил я у Марж. Та ничего не ответила, и я оказался в щекотливой и неудобной ситуации: если бы миссис Симпсон не решила мою загадку, то наверняка спросила бы меня. А мне очень не хотелось отвечать на этот вопрос самому, потому что ответом служила суфийская притча, рассказанная мне несколько дней тому назад моим приятелем Дмитрием Борисовым (а к суфийской мудрости я отношусь с большим почтением).

(Эта притча, по словам моего информатора, приведена у Идриса Шаха. Общий её сюжет примерно следующий. Один человек пришёл к молодожёнам, обещавшим за определённую плату обучить любому возможному ремеслу, и попросил их научить его святости. Не зная, как быть, жена предложила наёмнику работать на них десять лет, чтобы узнать секрет. Человек согласился и трудился на эту семью в поте лица своего ровно десять лет. По истечении срока он попросил награды, и жена, поняв, какой ценной бесплатной силы может лишиться, уверила в необходимости поработать ещё десять лет. Тот же аргумент был предъявлен ею и в третий раз. Когда прошло уже тридцать лет, работник, так же скромно, как и прежде, спросил секрет святости. Жена, не имея больше возможности откладывать награду и дальше, решила избавиться от странного слуги и приказала ему залезть на самое высокое дерево в саду и спрыгнуть вниз. Поверив начальнице, кроткий работник забрался на самую верхушку и спрыгнул. Каково же было удивление уже постаревших за прошедшее время супругов, когда мимо них пролетел освободившийся наёмник и, описав круг в воздухе, поблагодарил за то, что они научили его святости).

Я стал думать, какую отговорку можно привести на возможный встречный вопрос Марж: «Ну и кто же был этим первым?»; и решил назвать Икара. Но Икар разбился, и поэтому мне было бы неудобно и, в целом, просто несправедливо утвер-

ждать, что он вообще преодолел гравитацию. Но, наконец, Марж нарушила границу фронта, прилетев к Гомеру по ветру на воздушно-ситцевом корабле неизвестной конструкции, и, по всей видимости, так сильно соскучилась, что обняла своего сладкого и совсем позабыла про мой вопрос и правильный ответ. Долгий поцелуй влюблённых увенчал примирение двух армий.

Однако факт перемирия был принят, наверное, не всеми, (может быть, как всегда взбунтовался арьергард), потому что на поле снова полетели пушечные ядра. Недалеко от нас от взрыва образовалась воронка, которая тут же (как будто живая) из асимметричной и бесформенной превратилась в строго квадратную шахту (сверху напоминающую вход в коллекторы в Лут Голейне во втором действии «Diablo-II»). Двое персонажей из «Симпсонов» – сослуживец Гомера Карл и полицейский – подбежали к этой яме и начали усердно рыть землю вглубь. Всего за несколько секунд они выкопали метров тридцать, если не все сто (во сне со счётом всегда какие-то недоразумения и логические несоответствия). Перестрелка продолжалась без них, но, когда прекратился дождь, объявили перекур и решили вытащить землекопов. Может быть, я точил зуб на кого-то из них, но я солгал, сказав, что внизу был только один человек. Неизвестная женщина с подозрением покосилась на меня и заглянула в вырытый вертикально тоннель. Мой обман не выявился: снизу вылез лишь полицейский и почему-то также решил промолчать о своём напарнике.

Не знаю, зачем, я предложил выкопать земляные ступеньки в шахту, и, как ни странно, моё предложение поддержали. Вскоре из небытия появился представитель контролирующей инстанции по подземным ступеням – мой одноклассник Антон в тёмных очках (в них он был на практике за два дня до сна). С серьёзным видом он подошёл к началу ступеней и внимательно посмотрел вниз. Чувствуя тяжесть ситуации и страх открытия правды, я что-то спросил у проверяющего в надежде отвлечь его. Антон ответил немногословно, но важно. Кивком головы я поблагодарил его ответ и галантно пропустил его вперёд, после чего со всей силы толкнул его в спину: с грохотом полетело

грузное тело в шахту. С миловидной и успокаивающей улыбкой я обернулся к ничего не видевшим воякам, не обращая никакого внимания на происходящее внизу.

Бумажный коридор японских женщин

Сказывали о некотором старце, что он вступил в скит, имея с собою сына-младенца, только что отнятого от груди. Воспитанный в монастыре, сын не знал, что существуют женщины. Когда он возмужал, демоны показали ему ночью образ женщины. Он сказал это отцу, который удивился. Однажды он пошёл с отцом в Египет и, увидя женщин, сказал отцу: «Авва! вот те, которые приходили ко мне ночью в скиту». Отец отвечал: «Это мирские монахи...»⁹.

Странные звуки разбудили меня в дышащую природной жизнью ночь. Я открыл глаза и увидел тонкие стены комнаты из папиросной бумаги. Поднявшись и одев халат, я отодвинул почтительную дверь и вышел в коридор. Мерные удары, развеявшие мой сон, исходили от медного монастырского колокола, звавшего послушников на ночную молитву. Я сделал несколько шагов и заглянул в соседнюю келью. Три высокие стройные женщины – японки! – облекали свои тела в красочные кимоно. Синий тигр косил глазами в сторону золотого журавля на спине одной красавицы, красные змеи извивались вокруг совершенной ноги другой. Помрачительная прелесть изгибов и плавность движений этих обворожительных женщин остановили меня на полпути к моему молитвенному долгу. Однако поневоле мне пришлось оторвать от них взгляд: мимо меня по коридору прошла другая японка, в столь же красочных церемониальных нарядах. Я окинул глазом всё одноэтажное здание и только теперь заметил, что в каждой комнатке, как минимум, по одной женщине, что здесь их десятки!

Тяжёлый путь – быть аскетом.

⁹ Добротолюбие избранное. Для мирян. М., 1997. С. 427.

Куриная тухлятина

Мейеру (Опыт объяснения лунатизма. Галле, 1758, с. 33) снилось однажды, что на него напало несколько человек: они растянули его на земле и между большим и вторым пальцами ноги вколотили в землю шест. Проснувшись, он увидел, что между пальцами ноги у него торчит соломинка¹⁰.

Тихим солнечным днём я захожу на кухню вместе с отцом. (А, надо сказать, к тому времени прошло уже несколько дней, как я пристрастился к варёным яйцам с майонезом). Я подхожу и открываю холодильник. В правом верхнем углу – там, где находится петля дверцы морозильного отдела, – на вытекшем из-под скорлупы белке висит куриное яйцо. Однако оно далеко не свежее и даже не варёное. Яйцо тухлое! По виду оно похоже на болтень (яйцо под наседкой, в котором умер зародыш). На бледной оболочке зияет какая-то рваная трещина: оттуда вытекла разложившаяся зелёноватая масса, и вонь просто нестерпимая. Отец уверенным шагом подходит ко мне и начинает медленно и осторожно снимать яйцо, совсем не брезгуя им и не обращая никакого внимания на его вид и запах. Трещина на скорлупе расходится, и изнутри, разрывая мертвенную белесоватую плёнку, начинает вытекать-вываливаться отвратительная болотная дрянь жабо-слизистой консистенции.

Зловонный смрад настолько ужасен, он до такой степени затрагивает смутные человеческие представления о собственном гное в зародышевом состоянии, что меня начинает воротить и крутить изнутри. Одним прыжком я достигаю мойки и рвусь, как отчитываемый. Такой боли – я даже не уверен, не расщеплюсь ли я на куски, – я никогда не испытывал. (Это рядом не стояло с алкогольным отравлением. Я предполагаю даже, что некоторые роды могут проходить легче). Я блюю бурой жижей, какую редко встретишь и на самых гадких воображаемых монстрах. Первая порция рвоты вырывается из меня залпом, за ней вторая, и ещё более невыносимый, несдерживаемый ком подходит к горлу, щекоча внутренности своими жидкими разложениями. Блевотина хлещет изнутри, как забившая скважина, меня буквально рвёт на части.

¹⁰ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 39.

Кажется, мозг сейчас сдохнет от напряжения. Меня выворачивает наизнанку, из горла один за другим начинают вываливаться те же противные прогнившие желтки, что и в яйце, которое я только что видел. Испортившийся зародыш, погибший куриный младенец с бледными хрящиками – все они находятся в моём желудке и все с жуткими криками выскакивают наружу. Мои силы иссякают, я перестаю владеть собой. Моё чрево начинает бурлить, как кипящий чан, и исторгать отходы блевотины с силой, сравнимой разве что с напором пожарного шланга. И в этот момент я просыпаюсь.

Просыпаюсь и понимаю, что во сне закинул шею назад и кровь, поэтому, притекла к голове. Может быть, это отработанный механизм по исправлению неудобств, напрямую не воспринимаемых во сне?

Марафон от Кремля до Первомайской и Поезд и Сталин

В ночь, когда умер Аттила, императору Марциану приснилось, что сломался лук гуннского завоевателя.

К. Г. Юнг¹¹.

Первый сон. Добрый день, дорогие зрители! Сегодня нам предстоит увидеть один из самых интересных забегов – это мужской марафон (в то время проходила олимпиада 2004 г. в Афинах). Мы находимся на центральной улице Тулы, на проспекте Ленина. Это совсем близко от местного кремля, памятника архитектуры XVI в., о котором нам рассказали, что он ни разу не был захвачен за свою историю. Как вы видите, участники соревнования (в майках, коротких стильных шортах и с изящными номерами на груди) уже расположились на старте, между пересекающимися проспектом улицами Советской и Каминского. Маршрут забега довольно сложный: практически всё время спортсмены будут подниматься в гору; однако дистанция прямая, с минимальным количеством поворотов. Бегунам предстоит преодолеть расстояние от того места, где они сейчас находятся, – вы видите их на своих экранах, – до улицы Первомайской (в реально-

¹¹ Юнг К. Г. Архетип и символ.

сти между ними около километра; ещё одно подтверждение в пользу иррациональности работы сновидения в отношении чисел и метрики).

Итак, выстрел возвещает о начале марафона, и атлеты устремляются вперёд. Первым бежит Михаил Кожаев, за ним плотной группой ещё двадцать – двадцать пять спортсменов. Может быть, такая толчея объясняется тем, что забег проходит по узким тротуарам, а не по автомобильной дороге, которую власти решили не перекрывать даже для такого мероприятия. Что ж, мы увидели старт гонки и вернёмся к событиям на трассе после репортажа о прыжках в высоту.

<Через пятнадцать минут>. Дорогие зрители, мы возвращаемся в Тулу, где проходит забег на сорок два километра. Участники преодолели уже пять из них, и мы можем с гордостью и надеждой на благоприятный исход сообщить, что марафон возглавляет наш соотечественник, Михаил Кожаев! Как раз сейчас вы видите, как он пронесится мимо магазина «Букинист» (в действительном масштабе от старта до этого места метров семьдесят). За ним, метрах в десяти, следует польский легкоатлет. Вдвоём они значительно оторвались от преследователей, которые всё ещё идут плотной группой. Однако мы вынуждены прервать свою трансляцию с улиц города и переключить вещание на стадион, где сейчас начинаются третьи попытки в метании молота.

<Через двадцать минут>. И вновь, и вновь мы с вами возвращаемся в Тулу, на красочные улицы этого гостеприимного города. Уже двенадцатый марафонский километр позади, а впереди (извиняюсь за подобный каламбур), – впереди российский бегун, Михаил Кожаев. Он уже видел театр драмы, который оператор показывает сейчас крупным планом для вас, дорогие зрители; и приближается к первому светофору на перекрёстке проспекта Ленина и Пушкинской улицы. К сожалению, наш легкоатлет начинает выдыхаться. Он бежит чуть ли не в два раза медленнее, чем прежде, хотя, возможно, это вызвано увеличением подъёма на трассе. Да, сейчас марафонцы бегут практически вверх по ступеням...

Интервью с М. Кожаевым после финиша:

Корр.: Михаил, почему Вам не удалось сохранить лидерство до конца гонки?

М.: Я приближался уже к Первомайской, когда из-за переулка прямо перед моим носом появился новый бегун: он на ходу поправил свой номер и умчался вперёд. Я уверен: его появление просто не заметили, поэтому присудили медаль! Уже свернув с проспекта, я увидел ещё, как минимум, двоих таких же нарушителей. Я буду отстаивать свою победу: весь пьедестал появился на трассе за пять километров до финиша!

Корр.: Гм, Вы ничего не употребляли до старта?

М.: Я говорю чистую правду. Это заговор! Эти трое как из-под земли взялись. Их несанкционированный вброс на дистанцию – провокация. Я ни в чём не виноват, я победитель!

Второй сон. Столько свечей не встретишь и в свечной лавке, а здесь они все ещё и горят... Сегодня прощальный офицерский бал в бывшем доме дворянского собрания. Всего двадцать лет назад, ещё до Мировой войны, в этом здании, наверное, проходили заседания по губернским делам. А сейчас военная элита советской России отмечает свой отъезд на фронт. Может быть, то будет новая Мировая?

На ступенях огромной центральной залы я встречаю своего давнего знакомого. Теперь он полковник.

– Знаешь ли ты, – спрашивает он у меня, – как я называю нынешние 30-е?

– Нет, – безразлично отвечаю я.

– Я называю их ХХХ-ми! Сейчас ведь только ХХ век, а эти годы как век – ХХХ-й! Чувствуешь ли ты дыхание эпохи?

С этими словами он спускается вниз, к общему собранию. Я же, наоборот, следуя на второй этаж и там уже прохожу в левое крыло. Меня встречает длинный коридор, оживлённый проходящими парами и снующей прислугой. Направляясь в глубь этого жилого тоннеля, я по ходу здороваюсь с несколькими офицерами и с умильной улыбкой киваю их дамам. Мимо пробегает старик-официант, но почему-то не с блюдами, а с канделябром; и только теперь я замечаю, как красочен и светло освещён

щён коридор и как, в то же время, напряжены и даже испуганы люди, встречающиеся мне на пути.

Неожиданно слева открывается дверь комнаты: открывается мне навстречу, и я не вижу, кто из неё выходит. Но персонажи в противоположном конце молниеносно вытягиваются в струну и берут под козырёк. Животный трепет, исходящий от них в это мгновение, передаётся и комнатам: их двери сжимаются от страха, а сами помещения превращаются в миниатюрные каюты. Наконец, таинственная рука с внешней стороны ложится на ручку и не торопясь, с важностью запирает за собой дверь.

Передо мной во всём своём величии возникает сам Сталин! Лукавая полуулыбка не сходит с его лица, но прежде в глаза бросается его бычья грудь: ордена можно плавить на пушки. Усы дышат скрытой решительностью, угрозой, согнутая в локте шюя в любой момент может стереть твою душу в порошок. Правая рука Сталина неторопливо, будто в задумчивости, заползает змейёй в карман и достаёт оттуда трубку. Наступает абсолютная тишина, минусовая тишина: оголённый нерв с напряжением понимает, что в любую секунду может быть испепелён одним взглядом, одной возможностью взгляд вождя. Молчание нарастает, от такой паузы могут случаться массовые инфаркты.

– Не помните, куда я положил табак? – наконец разрушает тонкий хрусталь возможной грозы Сталин.

Один офицер с дрожащими руками, взятыми в замок, делает движение корпусом к генералиссимусу и называет то место. Сталин благодарит его, кивая одними только веками, и уходит, аршинным шагом преодолевая по полкоридора. Повсюду взрывается ликующий и громоподобный шёпот.

После случившейся картины я решаю пойти спать. Моя комната располагается здесь же, на втором этаже, но в левом крыле. Я возвращаюсь к ступеням, ведущим в главную залу, безмятежно прохожу мимо них и оказываюсь в параллельном коридоре. Отперев собственным ключом дверь, я запираюсь изнутри и как есть, в одежде, ложусь на постель. Через полминуты другой офицер – я слышу – заходит в соседний номер и кладёт тяжёлый предмет на столик. Я пытаюсь узнать квартиранта, но

тот молчит и, кажется, даже не двигается. Мне становится ещё интересней, и я прислоняюсь ухом к тонкой стене. Наконец, мужчина тихо покашливает, и я понимаю: это Сталин! Ледяная кровь пробегает по моему сердцу, я замираю одной сведённой мышцей, как если бы меня ужалила ядовитая южноамериканская змея. Предельно тихо, маленькими поползновениями я достигаю края кровати и беззвучно съезжаю на пол. Затем так же осторожно встаю на ноги и подхожу к открытому окну.

Ясная ночь дышит жизнью своего свежего воздуха. Настроение природы настолько умиротворённое, что, кажется, дом медленно течёт по реке времени и судьбы. Знакомые декорации привлекают мой взгляд. Я всматриваюсь и обнаруживаю на улице тульский проспект Ленина. В совершенном недоумении я высовываю голову в окно и поражаюсь: пока гости праздновали, дом незаметно превратился в трёхэтажный бронированный поезд. Состав быстро движется по проспекту в сторону кремля, сейчас он уже на месте торгового центра «Парадиз» (ситуация на год выхода книги: в год сношения этого здания ещё не было). Поезд гремит листовым железом, бьющегося под напором ледяного январского ветра. Мне с третьего этажа вагоны представляются огромным кораблём, несущимся по океану.

БГ: разговор с парижанином; и Аквариум: концерт на НТВ

...се, Ангел Господень является во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его (Мф. II, 13).

Первый сон. Эти дряхлые улицы так приятно пахнут провинцией. Спокойная и размеренная жизнь, неторопливая и удивительно-старинная. Тула, начало XX века. От собора Всех Святых до храма Двенадцати Апостолов нельзя проехать на извозчике: это преступление против по-евангельски простой и имперски уездной действительности. По этим проулкам живых домов мимо деревянных подъездцев необходимо гулять пешком, трепетно и жадно взирая вокруг. Через сто лет само это время будет почитаться классическим. Губернские города всегда

сохраняют насыщенный запах сургучных государственных печатей: они пахнут высочайшими указами и местными газетами. Этот воздух заставляет ходить здесь кругами-квадратами.

Вдвоём со знакомым студентом мы идём по одной из таких улиц, мирно беседуя о каких-то безделицах. На небольшом перекрёстке прямо перед нами падает окурочок, одновременно с этим женщина на третьем этаже углового дома с шумом закрывает окно и с недовольной гримасой смотрит на нас. Ничуть не стесняясь, я – как-то без ажитации, но элегантно – вскидываю руку в возмущённом жесте и начинаю кричать курящей даме французские проклятия (заметка в черновике: «Во французском языке я не знаю и артикля»). При этом мы с товарищем не останавливаемся и столь же неспешно продолжаем свою прогулку.

Через несколько секунд навстречу и мимо нас пробегают пожарные и проезжает брандмейстерская машина. Огонь уже охватил и продолжает распространяться по третьему этажу дома, который мы только что прошли. (Впрочем, данное заключение предположительно: во сне не было никакого прямого – через зрение, слух, осязание – намёка на то, чтобы шёл пожар). Мой спутник предлагает мне вернуться и посмотреть на руины. Я соглашаюсь, и столь же вальяжно мы возвращаемся к предвосхищаемым углям, догорающим на третьем этаже.

Однако, вопреки нашим ожиданиям, дом потушен, а всё его имущество сохранено для будущих поколений и для истории. Из небольшой толпы разочарованных наблюдателей отделяется красивый молодой человек с огоньком в глазах: но не от пожара, а от чистого сердца.

– Как мне отблагодарить Вас, – жмёт он мне руку, – за вызванный расчёт! Но только – я удивлён – как, каким чудом Вам удалось предсказать пожар: ведь огня ещё не было!?

«Парижанин», – решаю я про себя. Странно: ведь собеседник говорит по-русски безо всякого акцента, а о его французском можно только догадываться. Тем не менее я явственно ощущаю факт этого неким другим, ещё неизвестным мне чувством подсознательного, но сверх-«психологического» контакта.

Втроём мы стоим вкруг: незнакомец, я и мой «сопровождающий» (какой-то серый и молчаливый). Но есть ещё место и для четвёртого. И сюда подходит и становится... БГ. Я довольно естественно воспринимаю его появление (что совершенно невероятно в <реальной> жизни); кажется даже: я просто внимательно смотрю на него и снова перевожу взгляд на парижанина. Незнакомец берёт паузу, чтобы отдышаться и, видимо, продолжить свою речь, и я пользуюсь случаем вмешаться в его монолог.

– Знаете ли Вы Аквариум? – спрашиваю я молодого человека.

С безразличием (с бóльшим участием реагируют на вопрос: Вы сегодня завтракали?) он отвечает тоном незаинтересованного прохожего:

– Да, я слышал песню «Город золотой».

(Несомненно, это реакция на событие прошедшего дня. Мой приятель и информатор Дима Борисов рассказал мне о записи музыкантами песни для нового альбома в ночном телеэфире («Растаманы из глубинки») и упомянул, что тогда же Аквариум сыграл «Под небом голубым» в стиле reggae).

– Хотите увидеть БГ? – с полурелигиозной сенсацией в голосе даже не спрашиваю, а предлагаю я парижанину.

Вы будете смеяться, но он отвечает:

– Нет. Я уже один раз видел.

Не снижая уровня сенсационности – даже, напротив, выводя вулкан откровения из глубин духа в лёгкие – я выпрямляю осанку и самым торжественным образом объявляю, указывая ладонью:

– Борис Борисович Гребенщиков!

После этих слов природа искривляется под действием чудесного явления, и вместе с тем меняется облик самого музыканта. БГ из современного (сну) иконографического типа превращается в помолодевшего на десять лет лондонского джентльмена, точь-в-точь, как в клипе «Гарсон №2». Гребенщиков поправляет свои безукоризненные бакенбарды, на его лбу появляется рабочая испарина, и он весело подмигивает нам своим хитрым глазом из-под исчезнувших очков.

(В пять утра я встал выпить чаю. Лёг и спал до половины седьмого).

...се, Ангел Господень во сне является Иосифу в Египте и говорит: встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву, ибо умерли искавшие души Младенца (Мф. II, 19 – 20).

Второй сон. Нет ничего разумнее, чем ближе к ночи заняться стиркой. Старая машинка звучит, как подземный бур в поисках угля, а тут ещё мама зачем-то зовёт в ванну. Нехотя я выхожу из своей комнаты-кабинета.

– Почему ты не говорил мне, что пишешь детские книги? – в руках мамы, действительно, красочная книжечка с плотными пожухшими листами текста. – Я прочитала несколько страниц – это прекрасное произведение! Зачем ты скрывал его от меня?

Человек я, конечно, скромный, но дело в том, что я, действительно, в первый раз вижу это издание и никак не могу понять, что происходит. В это время у соседей сверху начинает громко звучать музыка – из-под потолка моей ванной до меня доносится Аквариум. Конечно же: сегодня музыкальный марафон «Сострадание», и в нём принимает участие Гребенщиков. Как я мог об этом забыть! (В реальности марафон был назначен на следующий день). Сломая голову я влетаю в зал к отцу и отбираю у него пульт, судорожно пытаюсь найти нужный канал – нтв. Краем глаза я успеваю посмотреть на часы: на них около без десяти десять вечера (минутная стрелка почти сравнялась с часовой). Я делаю звук до максимума, и в нижней части экрана высвечивается предельное значение громкости: 117 (в реальности в моём телевизоре деления имеют графическую, а не числовую градацию). Кроме того, только сейчас я замечаю, что на ковре стоит компьютер, и непонятно, зачем его принесли сюда, в зал. Не разбираясь в подробностях, я резко сдвигаю его ногой в сторону: чтобы не мешался лишний раз.

Тем временем Аквариум уже заканчивает свою первую песню. Поражённый ядом внезапности и судорогой бессилия, я даже не пытаюсь найти видеокассету, чтобы запечатлеть хотя бы часть выступления группы: пока я включу магнитофон, пока присоединю кабель к телевизору – всё ведь уже закончится.

Может быть, поэтому я так жадно внимаю всему, что говорят и играют музыканты. А в перерыве между песнями Гребенщиков в свойственном ему стиле деланного отчуждения произносит фразу, претендующую стать хрестоматийной (видимо, это про Аквариум):

– Не девочки в приходе уже, – говорит БГ.

И тут же начинается новая песня. Причём «новая» – в том смысле, что в эфире она исполняется впервые. Животные жилы басовой партии погружают слушателя в подземную притаённость, электрогитарические проигрыши извиваются серебряной леской, перкуSSIONные бубенцы африкански танцуют, – и густой, словно дымящийся голос изливает глубокие слова (это вторая строка):

– Я боюсь бензин, потому что он живой и вблизи от меня.

И тут же барабаны взрываются громовыми ударами, избивающими тело песни. «У кого же я буду искать кассету с записью!» – с отчаянием, граничащим со злостью, думаю и наполовину жалею я.

Джон Леннон и книжный магазин

О снах и различных способах истолковывания их издано было множество сочинений; в одной Королевской библиотеке в Париже находится около двухсот шестидесяти томов по этому предмету¹².

– Посмотри, – с интересом спрашиваю я у знакомой девушки N, – это, случайно, не Джон Леннон?

– Где? – уточняет та и всматривается в направлении моей руки. – Да, наверно, это он.

И возвращается к нанесению крема для загара на кожу. Ну и девушки пошли в наше время: перед ней Джон Леннон, а она инструкцию по применению косметических средств читает. (Появление во сне Джона Леннона вызвано, по крайней мере, двумя причинами: песней Олега Сакмарова, услышанной на концерте группы Sak-mar, на котором я недавно присутствовал (i), и телевизионной передачей про Марка Чэпмена, убийцу музыканта (ii)). Впрочем, то же самое относится практически ко всем отдыхающим на этом пляже. На берегу не-

¹² Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 421.

большой речки много молодых людей (причём – странно – ручные часы каждого из них различаются на 5 – 10 – 15 минут), и никому из них нет дела до гитариста «The Beatles» (равно как и ему до них, к слову говоря). Слева от меня сидит Олег Сакмаров, и я спрашиваю у него разрешения сфотографироваться с Ленноном. Флейтист пожимает плечами и через секунду одобрительно кивает головой, как бы говоря: почему бы и нет? С замиранием сердца я встаю и, пройдя пару раз туда-сюда, наконец решаюсь подойти к легендарному битлу.

– Извините, Джон, – начинаю я, мучая в руках фотоаппарат; но музыкант понимает меня и указывает ладонью на место рядом с собой. Воодушевлённый, я передаю камеру брату и усаживаюсь к Леннону. Мы сидим лицом к реке, и получается, что солнце светит на нас с левой стороны, а брат стоит с правой, так что свет попадает прямо в объектив.

– Перейди, пожалуйста, сюда, – по-хозяйски диктую я единоутробному и указываю рукой на позицию, которую тот должен занять. Тем временем я приобнимаю музыканта и беззаботно улыбаюсь, пока не наступает долгожданный щелчок заснятого кадра. (Поза съёмки с Ленноном идентична фотографированию с Олегом Сакмаровым на концерте в Москве).

Поблагодарив Джона Леннона, я как ни в чём не бывало подбегаю к знакомой девушке, уже закончившей с необходимой защитой своей кожи, и беру её за руку, чтобы увлечь в неглубокую речную пучину. С разбега мы прыгаем в воду и плывём держась за руки, долгое время обходясь на глубине без воздуха. Наконец, через минуту мы всплываем и оказываемся у уличного игрового автомата на остановке ДК на Косой Горе. Не обращая внимания на свой пляжный вид, мы идём по улице М. Горького по стороне бывшего магазина «Юбилейный» и разговариваем о чём-то несущественно-лёгком. Из-за стекла оранжевой палатки свежей прессы выглядывает газета, на обложке которой изображена Йоко Оно, держащая на руках маленького ребёнка. За палаткой торговый ряд заканчивается, и мы переходим дорогу к книжному магазину (посещал за несколько дней до свидания). Подходя ко входу я произношу глубокомысленное суждение:

– Мы уже умерли: во-первых, мы беспрепятственно плаваем под водой и парим по воздуху, а, во-вторых, мы видим Джона Леннона...

Девушка смотрит на меня с такой улыбкой, как если бы взрослый человек смотрел на ребёнка, и первой входит внутрь магазина. Здесь я беру с полки книгу за 10 руб. (Помню, что её название состоит из двух словосочетаний, связанных между собой союзом «и»). С выбранным изданием я прохожу в другой зал (отгороженный от предыдущего не к месту стоящим шкафом) – узкий и с кассой в конце. За чековым аппаратом вижу девушку, работающую в распечатке текстов в университете. Между тем моя спутница подходит ко мне с книгой за те же 10 руб. Мы оплачиваем наши приобретения и напоследок подходим к высокой полке: здесь стоят книги религиозного содержания.

Поутру (во сне) матушка сообщила мне третий довод в пользу загробного характера нашей деятельности у реки и в книжном магазине:

– В-третьих, все вы были свободны: в первую очередь, в своих передвиженьях, – сказала она мне.

«Незавершённые песни»

Душами полон весь воздух, называются они демонами и героями, и от них посылаются людям сны и знамения.

Пифагор¹³.

III. В продаже появился новый альбом Аквариума под названием «Незавершённые песни». Шёлково-красная обложка диска исписана вертикальными рядами бело-кремовых иероглифов, создавая настроение насыщенного спокойствия. Картину молчаливого японского сада венчает ветка сакуры с розовыми лепестками. Лейт-мотивом альбома является девиз Бориса Гребенщикова «Хочешь, покажу Трипутру Рахасью?» и сидящий в

¹³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 315.

одноимённой откровенной позе гуру на обратной стороне обложки.

Новый Патриарх!

Somnus est simillima mortis imago¹⁴.

Сон первый. В храме сегодня многолюдно: всего на два дня привезли мощи святого чудотворца. К раке с мощами скопилась огромная очередь верующих, чтобы её выстоять, нужен час или даже больше. В толпе молятся при зажжённых свечах, перешёптываются, кое-где слышны пересуды. Один мужик с крестьянской бородой спрашивает у соседа:

– А жив ли тот, чьи мощи-то?

Некоторые негодующе отворачиваются, осеняя себя крестным знаменем, как бы отрешиваясь от подобного невежества; другие вполголоса, даже как-то радостно смеются. Смеюсь и я.

Сон второй. В выпуске новостей на канале НТВ срочное включение с Красной площади. На фоне собора Василия Блаженного и кремлёвской стены стоит монах в очках из толстой роговой оправы (точь-в-точь как у Дюши Романова в 80-е). Борода у отшельника совсем небольшая и кудлатая. Корреспондент сообщает, что это главный претендент на патриарший трон, овдовевший со смертью нынешнего патриарха. Внизу экрана появляется ярко-зелёная надпись: «Рахимат Ольга (Курбицын). Архимандрит Курдынского монастыря».

Псевдо-Эйовин

...если спящий пугается во сне, например, разбойников, то хотя эти разбойники и иллюзорны, но страх вполне реален.

Штрикер¹⁵.

В послеобеденное время в киевском метро многолюдно. Каждый пассажир у тебя на ладони, ты сам на ладони у всех. Тем более удивительно наблюдать, когда в вагон входит мировая знаменитость...

¹⁴ Сон есть точнейший образ смерти (лат.).

¹⁵ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 89.

На одной из станций в средней двери появилась грациозная Эйовин (героиня «Властелина Колец» Дж. Толкина, сыгранная в экранизации дочкой «Аэросмита» актрисой Лив Тайлер) – женщина с прекрасным лицом. Она не обратила на окружающих никакого внимания и просто встала у стекла, взявшись за поручень. У меня округлились глаза (как если бы я услышал в магазине мелодию «албанского радио», начинавшую один из «Аэростатов»), и моя вытянувшаяся спина беспощадно вжалась в сиденье. Эйовин ехала недолго и вскоре направилась к выходу. Незаметно я последовал за ней.

Выйдя в город, мы оказались на площади с самоваром на углу тульского кремля. Я держался поодаль, пытаюсь не отставать, но и не приближаться слишком близко, и был наказан за свою нерасторопность. Королева поймала такси и уехала в сторону оружейного завода. Кровь остыла в моих жилах, и, не найдя лучшего выхода, я бросился останавливать двигавшийся троллейбус, чтобы догнать «женщину с прекрасным лицом». Красивая литературная брань встретила меня из кабины водителя. «Даю хорошую дубинку, гони!» – пообещал я мужчине, и тот, закрыв за мной дверь, сломя голову помчался по улице Металлистов.

Я нагнал Эйовин у подземного перехода, ведущего к дк тульского оружейного завода. Но было поздно: королева превратилась в миловидную оленя и играла трагическую роль на травяном газоне около остановки. Как говорится в 136-м псалме, «при реках Вавилона, там сидели мы и плакали». Плакал и я по судьбе женщины с прекрасным лицом.

Интерсити – Хитровка

Олимпия, мать Александра Великого, будучи беременна им, видела во сне, что её муж Филипп приложил к животу её печать с изображением льва, что означало храбрость, неустранимость и славу того, который должен был победить мир¹⁶.

¹⁶ Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 423.

Через люк в полу первого этажа льётся дневной свет и доносятся заговорщицкие звуки. Здесь, в подвале, безоконные стены покрыты застарелым коричневым мхом, а под ногами ржавая вода и постоянная грязь дополняют опостылевший быт канализационного лабиринта. (В целом, обстановка вполне напоминает подземные «дома» Хитровки, описанные Борисом Акуниным в «Любовнике смерти»). Поэтому так приятно прикоснуться к светлой и свежей, солнечной жизни. Между тем наверху слышится шум, как если бы уставший работник волочил за собой тяжёлый предмет, и глухое кряхтенье. А через секунду чёрный от сажи мешок с глухим ударом падает вниз прямо передо мной. Присмотревшись, я обнаруживаю, что это не мешок, а обезглавленное, с отрубленными руками и ногами изуродованное туловище мужчины. Я даже не успеваю отреагировать на находку, как сверху со стоическим безразличием сваливается грязная нога, согнутая в колене. За ней ещё одна, с прорезанной кожей между пальцев. Не дожидаясь, когда к уже упавшим частям тела присоединятся руки и голова (а головы, может, и нет...), я перехожу из одной гнилой комнаты в другую и наталкиваюсь на плачущую девушку.

– Ах, это ты! – было кидается она ко мне на грудь. Но не я её возлюбленный, она ждала кого-то другого. И вновь обернувшись холодным платком печали, девушка уходит прочь. Мне не остаётся ничего, кроме как идти дальше, и я вяло, без интереса хожу по маленьким зловонным камеркам, путаясь в нескончаемых бездверных проёмах.

Наконец, не покидая первого подземного этажа, я попадаю в огромный зал, освещаемый лампами дневного света. По виду помещение больше всего напоминает торговый комплекс (такой, как «Интерсити», например). Пол отделан чистой плиткой, а вдоль стен установлены многочисленные стеллажи, полки которых забиты жестяными банками «Балтики» №2 (фруктовое или кофейное пиво). Пейзаж портят только дети-инвалиды, ковыляющие туда-сюда по центру зала. Один хромой мальчик, видимо, самый смелый, подходит ко мне и начинает жаловаться.

– Начальник над нами – отец Лев, – надрывным голосом начинает бедный. – И он не даёт нам этих банок!

Когда стон по этому поводу переходит во всеобщее детское рыдание, я разворачиваюсь и ухожу.

Монгол-японец

Сновидец является актёром, который играет роли сумасшедших и мудрецов, палачей и жертв, карликов и великанов, демонов и ангелов.

Дельбёф¹⁷.

Свежим весенним утром я неспешно прогуливаюсь мимо храма в честь Богородицы, который расположен на месте Благовещенской церкви у тульского кремля. Однако на плоской алтарной апсиде изображён почему-то Серафим Саровский. За собором виднеется метровый разлом в земле: «калка», неуловимой искрой пробегает мысль в моей голове. Немедленно, как будто получив тайный сигнал об опасности, я взбираюсь на ближайшее дерево. Резкий, свистящий звук рассекает воздух, и одновременно с этим мимо моего уха пролетает стрела с железным наконечником. Я оборачиваюсь на выстрел и вижу пешего лучника, приближающегося ко мне по узкой тропе, периодически запуская руку в колчан за спиной. Он стреляет в меня ещё раз пять или шесть – к моему счастью, ни разу не достигая цели, – но послушно останавливается, только услышав голос своего хозяина:

– Не стреляй: в прошлый раз пятнадцать стрел выпустил, а я как подъехал к нему... – с противоположной стороны производит роскошно одетый азиат (монгол-японец), сидящий на важно гарцующем чёрном коне. Вид чужеземца меня успокаивает, и я спускаюсь на землю. Выдержав строгую паузу, монгол обращается ко мне:

– У меня к тебе три вопроса. Первый: как отрицательно отнесутся люди к национальным, религиозным особенностям? Второй: как двое положительно отнесутся к розыгрышу? Третий: когда человек хочет поделиться со всеми? – И, не дожидая-

¹⁷ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 75.

ясь моих размышлений, сам отвечает на заключительный вопрос, с достоинством поднимая вверх указательный палец правой руки: – Интер-интеллектуализм...

В этом месте японец умолкает и над чем-то сильно задумывается. Я понимаю, что он ищет сокращённый вариант последнего слова, но никак не может его найти, и подсказываю ему:

– Internet.

С облегчением азиат подтверждает мою версию и называет книгу, откуда, видимо, он и вычитал данный термин. В ответ я называю автора этого трактата: «Ява Тангелари». Пеший оружейник исправляет меня в имени автора: я не расслышываю, но киваю головой в знак согласия. Признав во мне человека посвящённого, монгол-японец ловко спрыгивает с коня и предлагает мне закурить в пролёте соседних с храмом гаражей. С учтивым поклоном я принимаю угощение.

Охранники потерянного портфеля

Сновидение – страж сна.

З. Фрейд¹⁸.

Отличительной чертой современной цивилизации является то, как слаженно интегрируются заведения одного типа в один общий механизм. Так, являясь студентом кафедры теологии, я беспрепятственно могу заниматься по той же специальности на соответствующей кафедре любого другого университета страны. В данный момент, например, я нахожусь далеко от Тулы, но это никак не мешает моему обучению: мне достаточно придти в ближайший вуз, где преподают теологию.

Уже темнеющим зимним вечером иду на одну из таких кафедр к 16-ти часам. Меня встречает здание в стиле сталинского ампира с великолепной, ярко освещённой залой внутри, которая заканчивается узким и длинным коридором. По стенам этого тёмного прохода установлены ряды стульев. По правую от меня руку сидят двое незнакомых людей, а по левую – одинокий Пётр и один, кто должен умереть. Протиснувшись мимо всех них бо-

¹⁸ Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 250.

ком, я встречаю свою одногруппницу Вику, и мы идём с ней пить чай. Мимолётная вспышка неведомого гнева разрезает мою душу надвое, и я начинаю неистово кричать и бить ногами. Бесстрастно Виктория достаёт из-под стола бутылку водки и рюмки, и как ни в чём не бывало мы чокаемся огненной водой.

В итоге, так и не посетив ни одной пары, я ухожу с кафедры вместе с Таней (другой своей одногруппницей). Недалеко от учебного корпуса, около зелёного административного здания в два или три этажа, нам перегораживают дорогу десяток решительно настроенных пенсионерок. Старухи стелят прямо на снегу перед входными дверями тонкие покрывала и ложатся на них в знак решительного протеста последнему решению властей. «Нет портфеля!» – останавливаюсь я как вкопанный перед укладывающимися бастовщицами и в ужасе смотрю на свои пустые руки. Должно быть, я забыл его на кафедре: разворачиваюсь и со всех ног бегу обратно. На ступенях у выхода – я вижу их ещё издали – стоят Вика и Павел Валентинович (мой классный руководитель в гимназии). Второпях я налетаю на ледяную корку и начинаю скользить-катиться, пытаюсь удержать равновесие, но в конце всё же падаю и раздираю себе асфальтом куртку: между тротуаром и стеной кафедры экскаватор разрыл землю, и пар от горячих труб растопил снег вблизи провала.

Вернувшись на кафедру в поисках портфеля, я оказываюсь в оборудованной компьютерами библиотеке. Несмотря на то, что, кроме меня, в здании никого нет, один из компьютеров работает: видимо, его просто забыли выключить. На экране тонкого жидкокристаллического монитора светятся длинные ряды трёхзначных чисел «по зрению»: 180, 198 и т. д. по шесть-восемь чисел в строке. Всмотревшись в эти ряды, я понимаю, что ими зашифрованы все события уходящего дня, начиная с моего прихода на кафедру (то есть, по сути, всё содержание сновидения). Не зная себя от счастья подобной находки, я – ощущая себя спящим в кровати! – лёжа сохраняю информацию как веб-страницу, чтобы утром расшифровать её на своём домашнем компьютере и таким образом вспомнить свой сон!

Вслед за этим я как будто снова «засыпаю» (хотя, естественно, во время предыдущей операции я спал) и выхожу на улицу.

В тёмных проулках чужого города наталкиваюсь на своего друга Диму Борисова. Выпиваем за встречу. Окидывая взглядом местность, я осознаю, что мы находимся у трамвайного кольца на Косой Горе, недалеко от моего дома. Более того, на тротуаре возле остановки стоит мой потерянный портфель. Немного приблизившись к нему, я замечаю рядом в кустах пару новых ботинок и в нетерпеливом волнении смотрю по сторонам: нет ли свидетелей моей находки? К моему несчастью, в этот уже пред-рассветный час десятки рабочих идут в цеха, и, чтобы не навлекать на себя подозрения в готовящемся преступном деянии, мне приходится влиться в их нестройные ряды и пройти с ними до проходных. Однако через полминуты мне удаётся незаметно свернуть в сторону и, пропустив последнего, по тёмной стороне прокрасться обратно.

В страхе опоздать я смотрю на часы на сотовом телефоне. Время – 33:10 (учитывая, что в сутках двадцать четыре часа, в уме перевожу эту цифру в обычную; ошибочно получаю 7:10). В левом нижнем углу экрана светится конвертик входящего сообщения, открываю его: одnogруппница Таня десять раз отправила мне одно и то же послание: «Получи одну из 1900-т моих мелодий». Ещё звонила матушка, об этом свидетельствует значок неотвеченного вызова: на телефоне был отключен звук, и я не заметил её звонка.

Наконец, запыхавшийся я возвращаюсь к остановке. В том месте, где стоял мой портфель, экскаваторы роют яму. С болью в сердце потерянно поднимаюсь домой. Явно не городской звук привлекает моё внимание: это мычит стоящий на асфальте телёнок. Повеселевший, я прибавляю шаг в желании погладить милую скотинку. Но моих намерений, видимо, не разделяют непонятно откуда появившиеся чёрные быки. В ярости они ударяют передними копытами в землю и, вдохнув полную грудь, срываются с места рогами вперёд, на меня. С оледеневшими пятками и разрывающимся от ужаса сердцем я несусь от них прочь к ближайшему дереву. В два акробатических приёма я взбираюсь

на дерево и в немом ужасе застываю, вжавшись холодными ладонями в грубую крону. Один бык с разбега врежется в нижнюю, довольно крупную ветку и ломает её, как хворостинку. Напугав меня до смерти, безжалостные животные выпускают из ноздрей прощальные клубы пара и столь же агрессивно, как и вначале, устремляются обратно. Собравшись с духом и немного отдышавшись, я неуверенно спускаюсь вниз.

Мои колени ещё не перестали дрожать от пережитых потрясений, как со стороны остановки ко мне подходят родители. Отец, со строгим холодным лицом, не знающим пощады, объявляет, имея в виду, видимо, мой портфель:

– Не ищи! – и безжалостно уходят дальше.

Не зная, что делать в этой жизни в целом и в этой ситуации в частности, потерянный и обезжизненный, я неторопливо поднимаюсь вверх по улице. У крыльца первого встретившегося мне магазина («Солнечный» выше базара) я вижу четыре пары сапог и поочередно беру их в руки и тереблю. В следующую секунду я набредаю глазами на – свой портфель. Радостный, я встаю, чтобы забрать его, но грациозно-воинственным прыжком дорогу мне перегородивает старая седая кошка-амазонка. Недоумевая, почему я должен её бояться, я делаю шаг вперёд, но тут же понимаю ошибочность совершённого действия: злобная кошка обнажает свой звериный оскал, и откуда-то из-под нёба, как из шприца под давлением, извергаются тонкие ядовитые струи слюны. Но ужаснее всего острые, как кинжалы, клыки хищницы: в них просверлены диаметром с иглу дырки и нанесены грозные мелкие точки чёрного цвета.

Да, надёжная охрана у моего портфеля.

Детский врач Гитлер – вонючий козёл

Тартини, выдающийся скрипач, сочинил сонату «Дьявольские трели», вдохновлённый сновидениями.

К. Г. Юнг¹⁹.

Мальчиком лет девяти я вхожу в кабинет врача. Внутреннее убранство комнаты довольно скромное. Вдоль правой стены

¹⁹ Юнг К. Г. Архетип и символ.

установлен длинный белый стол с двумя стульями. Слева в ближнем углу находится небольшой рабочий столик для медперсонала, усеянный многочисленными историями болезней, за ним – кожаный диван. А в самом конце, по диагонали к ближнему краю окна, завешена белая ширма для больных посетителей.

В настоящий момент в кабинете многолюдно. За рабочим столом заседают педиатр Гитлер с неизвестным мужчиной (они обсуждают научную проблему или конкретный случай) и молодая медсестра. В кожу дивана вжался до предела смущённый мальчик, ожидающий своей очереди, а из-за ширмы выглядывают ещё два его ровесника.

Окинув строгим взором присутствующую публику, я достаю из кармана спичку, чтобы зажечь её и поставить варить яйца. Но в синем черпаке на плите возле медсестры уже варятся шесть яиц, и необходимость в моём участии отпадает сама собой.

Ничуть не смущаясь, я подхожу к Гитлеру и начинаю рассказывать ему про другого знакомого врача, которого очень недолюбливаю и про себя называю «вонючим козлом». При этом я имею в виду самого Гитлера. Не дожидаясь никакой реакции, я разворачиваюсь и направляюсь к длинному столу на противоположной стороне. На его поверхности остывает кружка горячего чая, а ещё две, как ни странно, дымятся на стуле. Сажусь на второй, свободный стул. У меня в руках появляется миниатюрная книжка, по размеру как записная, и подошедшей помощнице врача я торжественно заявляю:

– Давайте ставить фильм!

После этой фразы Гитлер, заинтересованный моим предложением, подходит ко мне, и я показываю ему его текст в книжке. Мы начинаем репетировать. Помню, что на первой странице у меня всего две реплики, а на второй я успеваю произнести только одну и – просыпаюсь.

Чёрная картина

...сны дают наиболее интересную информацию как раз тем, кто затрудняется понять их символы.

К. Г. Юнг²⁰.

На занятиях у отца Льва всегда очень серьёзная и торжественная обстановка. Его семинары – всё равно что малый экзамен. Каждый студент ощущает важность происходящего опроса и мобилизует все свои знания и интеллектуальные возможности, чтобы не ударить в грязь лицом.

– Назови мне документы, подтверждающие национальность и веру еврея? – обращается ко мне протоиерей с непростым вопросом, полулукаво прищуривая глаза. Я отвечаю шуткой про предъявление аргумента, имея в виду участь каждого еврея мужского пола по рождению. При этом я завуалированно отсылаю свою версию к цитате Гребенщикова об «одном священнике» (из песни «Трамонтана»): «Когда он вытащил свой аргумент...».

– Хорошо, а как бы вы назвали эту картину? – продолжает испытание отец Лев. По всей видимости, факт, лежащий в основе предыдущего вопроса, послужил сюжетом для известной картины (а заведующий кафедрой любит подкинуть задачку, требующую размышлений и логических построений). В моём воображении всплывает «Благовещение» Леонардо да Винчи, но я понимаю, что ответом служит некое другое полотно и начинаю рассуждать вслух. Выдвигаю версию, преподаватель подсказывает, что это третья часть в названии произведения. Сильно призадумавшись, путём мозгового напряжения вывожу первые две части. Получается что-то вроде «Чёрная картина (i), представляющая учение Михаила (ii) о родстве среди евреев (iii)». Отец Лев соглашается с моим вариантом, но просит исправить небольшую неточность в порядке слов, и моя одоногруппница Настя додумывается первой: не «о родстве среди евреев», а «о еврейском сродстве». Теперь наш наставник полностью доволен результатом.

– Но вы ведь знаете, что эта картина никак не названа автором? – всё же добавляет он. Никогда не имея даже догадки об

²⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ.

этом, я тем не менее утвердительно киваю головой в такт с остальными учащимися.

Порох стреляет в коже

Одному композитору снилось однажды, что он даёт урок в школе и что-то объясняет ученикам. Он кончил говорить и обращается к одному из мальчиков с вопросом: «Ты меня понял?». Тот кричит, как помешанный: «О, ja!». Рассердившись, он запрещает ему кричать. Но вдруг весь класс кричит: «Oгja!». А потом: «Eurjo!». И наконец: «Feuejo!». Он просыпается от крика: «Пожар!» («Feuer!») на улице.

Фолькельт²¹.

Центральный канал телевидения в прямом эфире транслирует картинку кровавых беспорядков в одной из стран третьего мира. Бедное африканское государство охватила волна неконтролируемых народных мятежей. В ответ на демонстрации и погромы правительство применило силу в лице военных и отрядов полиции. Во время очередного включения с места событий в объективе телекамер появляется красивая, стройная женщина со смугло-медной кожей. Африканка спешно скрывается от наступающего на жителей милитаризованного корпуса. Непонятно откуда раздаётся выстрел – и у женщины на левой щеке будто происходит щелчок кремния. Оказавшийся под кожей порох от образовавшейся искры начинает периодически взрываться, доставляя туземке невыносимые страдания. Запал детонирует несколько раз, и каждый раз женщина мучительно искривляется и истошно вскрикивает. Одновременно с этим ужасным зрелищем на экране появляется надпись на английском языке, состоящая из заглавных букв, – это название страны, в которой происходит трагедия: «GYUIYU».

Эйфелева башня из белого шоколада

Сновидения – это зачатки грядущего. Мы видим во сне то, что должно свершиться.

Бейли²².

²¹ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 41.

²² Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 417.

Вечером бывает довольно сложно уехать домой на общественном транспорте. На город уже спустились густые сумерки, а я нахожусь ещё только на выходе из центрального парка, в начале улицы Тульского рабочего полка. На трамвайных путях ни души, только на тротуаре у остановки переминается с ноги на ногу пара смутных персонажей. Все трамваи давно в депо, поэтому лично я жду автолайна. Однако понимая бессмысленность и этой надежды (в действительности, маршрутки здесь не ходят вообще), вздыхаю и направляюсь к проспекту.

На первом же переулке мне встречается новенькая «Волга» бежевого цвета с включенными габаритными огнями. Я немедленно поднимаю руку и останавливаю машину.

– Либо вы мне тысячу рублей, – страшным, угрожающим голосом чуть не вцеплюсь я в водителя, – либо я вам – эйфелеву башню из белого шоколада.

И, в знак того, что я не шучу, указываю глазами на ладонь правой руки, в которой – я искренне представляю её себе – я держу миниатюрное парижское чудо света, покрытое аппетитным слоем глазури цвета топлёного молока.

Ось от колеса

Благодарю тебя за этот дар –
Уменьше спать и видеть сны.

Борис Гребенщиков²³.

3. По дорожке вдоль глухого ночного леса, неспешно поскрипывая, едет телега. На ней двое разбойников мучают взятого в заложники, перемотанного верёвками мужчину. Говорят: «Давай денег!»; а он им отвечает, что их у него нет. Эта сцена повторяется ещё дважды, после чего уставшие грабители предлагают своей жертве:

– А ты продай кольцо от бочки!

И, действительно, рядом с тем местом, где именно сейчас бредёт лошадь, непонятно откуда в траве появляется большая бочка. И бедный мужчина, улучив возможность позвать на помощь, во всё горло начинает кричать:

²³ Аквариум. «Дети Декабря» (1985). «Сны о чём-то большем».

– Кольцо! Кольцо!

Оторопевшие от неожиданности мучители в страхе затыкают связанному рот и испуганными, рыбьими глазами смотрят вокруг во все стороны, проверяя, нет ли кого поблизости. Ведь всего-то через лес и поле ржи в человеческий рост идёт ярмарка, и кто-нибудь из подгулявших селян вполне мог пойти прогуляться и услышать этот призыв отчаяния. Опасения разбойников оказываются не напрасными. Сзади них, по той же дорожке, идёт ночной путник, за ним – солдат с лошадей, а рядом с солдатом, с кем-то соревнуясь, быстро шагаю я. Грабители, понимая, что нечаянные свидетели, хотя и не догонят их, но могут позвать других жителей, – остервенело схватив страдальца мужичка, с бешеной силой кидают его под копыта лошади и переезжают по нему колёсами своей телеги. Несмотря на это, раздавленный встаёт, отряхивается, заглядывает на свои ноги сзади: под коленями у него следы от повозки.

Мы втроём – путник, солдат и я – почти уже подбегаем к чудом выжившему мужчине, как из-за ближайшего дерева появляется старушка, которая тут же начинает оправдываться:

– Это не я взяла его в заложники, не подумайте ничего плохого!

4. Старинный поезд, гремя гудком и извергая из труб клубы дыма, прибывает к Николаевскому вокзалу в Петербурге. Из вагона первого класса (купе «люкс») выходят Борис Акунин с молодой девушкой. Став случайным наблюдателем этого события, я наполняюсь ощущением великого и понимаю: Акунин пишет роман о 1856-м годе. (Григорий Чхартишвили родился в 1956-м году и, как он сам признавался в «Школе злословия» Татьяне Толстой и Авдотье Смирновой, «родил» Фандорина специально на век раньше себя – в 1856-м – чтобы никогда не путаться в его возрасте).

Потайная библиотека

...он говорил, что когда он видит правителей, врачей или философов, то ему кажется, будто человек – самое разумное из живых существ, но когда он встречается с толкователями, прорицателями или людьми, которые им верят... то ему кажется, будто ничего не может быть глупее человека.

Диоген Лаэртский о Диогене Синопском²⁴.

Фрагмент первый. Загадочные сумерки опускаются на город, и в непонятном волнении я бреду вверх по проспекту Ленина. Тротуар, по которому я прогуливаюсь, очень широк: он занимает всю дорогу, так что совершенно не остаётся места для автомобилей – весь проспект превращён в сплошную пешеходную зону. Однако сама мощённая плиткой дорожка вряд ли больше трёх-четырёх метров: остальное пространство занимают зелёные насаждения по обеим её сторонам. В самой середине «проспекта» располагается «подъём фантазий» – вытянутое на несколько остановок чугунное ограждение в виде сложенных в молитвенном жесте бесконечных ладоней в половину человеческого роста, поверх которых нанесены кованые изображения соблазнительных человеческих фигур,двигающихся в сладких движениях, как ожившие люди. Этот почти живой слой телесных существ еле слышно гудит шёпотом вздохов своих окольцованных обитателей.

Проходя мимо остановки и уже собираясь повернуть направо на улицу Первомайскую, я замечаю переходящего дорогу архиепископа Алексия, который сейчас сядет в припаркованную машину. Не обращая внимания на высокого церковного иерарха, иду дальше своим путём, но краем зрения застаю Константина, водителя отца Льва.

На Первомайской, не оглядываясь перед дверью по сторонам, вхожу в тёмную и классически-обшарпанную комнату. Интуитивно чувствую, что нас покидает кто-то третий, и мы остаёмся в здании вдвоём с Лерой, моей одногруппницей. Она в светло-салатовой юбке (в той, что была на службе в Великий Четверг в храме Двенадцати Апостолов). Несмотря на плохую освещённость в маленьком помещении, нет никакого ощущения темноты, как будто глаза питаются каким-то другим, невещественным светом комнаты. Внутри очень тесно: всего полтора-два метра в ширину, хотя длина раза в три побольше. Стены отделаны чёрными чугунными изразцами с витиеватыми узорами

²⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1998. С. 221 – 222.

на старинный манер; кажется, что они сохранились здесь ещё с XIX века.

Непонятно откуда, возможно даже, что через узкую стену, в этот «склеп» входит Константин (водитель отца Льва). У него в руках чёрный от сажи лом. Антикварные плитки начинают отлетать, как гильзы, под напором умело используемого инструмента, и, когда вандал расправляется с целым рядом поддетых изразцов, передо мной появляется потайная библиотека. Причём «потайная» сразу в двух смыслах: она скрыта от посторонних глаз и открыть её может лишь посвящённый, во-первых, и содержит она старые мистические книги, во-вторых. Я беру в руки один из томов и начинаю осторожно перелистывать словно дремлющие ветхие страницы.

Неожиданно появляется отец Лев и с ним два или три статиста. Когда я переворачиваю очередной лист, протоиерей предостерегает:

– Это опасная книга.

Я перевожу взгляд на пожелтевшую страницу и попадаю глазами на литографическое название главы из запомнившегося мне одного слова: «Ангелы».

За моей спиной из пустоты образуются два молодых человека – парень и девушка (Юр. и Кс.). Лъстиво кланяясь, они подходят к отцу Льву и доносят, что у меня в тетради содержатся записи моих чувств, пока я шёл по Первомайской. И в руках они держат неизвестно откуда взявшуюся у них мою тетрадь (о которой я, кстати, не знал раньше). В ней, действительно, многие страницы испещрены мелкими математическими выкладками. Протоиерей с жадностью отнимает у своих агентов мою рукопись и быстро перелистывает самые первые записи, пока не доходит до крупного текста.

– Вы можете расшифровать эти каракули и тем самым обличить его? – по-деловому спрашивает он у своих прислужников.

– Можем, – сладко отвечают они и приступают к показу тщательно подготовленного номера. В руках у доносчиков появляется мел, и вскоре на девственно чёрной стене остаются две

строки всего в несколько чисел каждая. Причём нижний, уже заполненный цифрами ряд поначалу никак не проявляется, а через промежуток времени высвечивается весь сразу. Первая строка состоит чисел из шести, во второй их больше:

11, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10.

– И этими числами вы хотите обличить его? – скривившись в удивлённой, презрительной и одновременно недовольной гримасе, насмешливым тоном спрашивает протоиерей и произносит неотвратимое наказание, проклятие на глупых и несмышлёных доносчиков: – Да гните среди этих камней навечно!

Фрагмент второй. Многие игровые заведения имеют своеобразную, связанную с игрой символику. Например, у развлекательного центра, в котором я нахожусь в данный момент, очень интересный план постройки. Составленный из шести комнат, клуб одновременно напоминает и крест † (четыре залы в длину и три в ширину, причём центральная участвует сразу в двух осях), и игральный куб, разложенный на одной плоскости на те же шесть граней. Сооружение выполнено, как ни странно, из пластмассы и больше всего напоминает игрушку-конструктор размером с дом.

Довольно долгое время надо мной и ещё несколькими участниками предстоящего сегодня вечером или ночью выступления производят предварительные испытания. Наконец, всех нас заводят в среднюю по размерам комнату. Внутри темно, но глаза, привыкшие к отсутствию света, хорошо различают фигуры и интерьер. Всего в зале находятся семь человек: один представитель игрового комитета и шесть непосредственных участников – по трое с «белой» и «чёрной» стороны (а именно: герой, героиня и служебный дух). Я белый герой, и мне предстоит схватка с чёрным – каким-то злобным и мне очень противным и неприятным героем. Приготовления к поединку длятся ещё много минут, пока в дверях не появляется секретарь, который сообщает, что сейчас появятся зрители и будет объявлена некая весть.

Зрители, действительно, быстро занимают свои места, и вслед за ними на центр залы выходит ведущий.

– Так как игра началась с запозданием, – громко и внятно произносит он, – то она не успеет закончиться до следующего, не подлежащего переносу выступления. Поэтому всем идти в раздевалку.

Публика, похоже, никак не реагирует на подобный ход и продолжает бесстрастно заседать на небольших трибунах. Мы же, участники отменённого действия, расстроенные, бредём в раздевалку вместе с девушками, которые будут выступать за нами.

– Наверное, я не буду переодеваться, и так сойдёт, – оказавшись у вешалки с моими вещами, заявляю я.

Между тем, передо мной обнажаются две девушки «очень соблазнительного выражения лица». Не зная, куда деться от их вида, я начинаю разбирать небольшое электронное устройство, на котором содержится список моих наслаждений из первого эпизода сна (там это тетрадь). В раздевалку заходит Павел М., мой одноклассник, и, пристав ко мне, начинает кусать меня за палец левой руки. Вначале я не сопротивляюсь и стараюсь не реагировать на это раздражение, но потом говорю: «Отвяжись!».

Две ржавые трубы

Совершенно справедливо, что в сновидениях содержатся символизации телесных органов и их функции, что вода в сновидении часто означает потребность в мочеиспускании, что мужской половой орган изображается при помощи насоса, палки или колонны и т. д.²⁵

Народная память гораздо сильнее искусственных установок «сверху», со стороны власти или финансовой элиты. На Косой Горе уже лет десять или даже больше, как нет магазина «Юбилейный». На первом этаже пятиэтажного дома по улице М. Горького с тех пор сменилось торговых заведений пять, а местные жители по-прежнему именуют это пространство «Юбилейным». Вот и сейчас, проходя мимо очередного супер-

²⁵ Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 243.

маркета, я со сладостью в горле вспоминаю старое, но совсем не стёртое из памяти название. На уличном развале, несмотря на ранний час, всюю торгуют книгами и газетами.

Пройдя чуть дальше, я оказываюсь у перехода на пересечении проспекта Ленина и улицы Каминского (в Туле) и бросаю быстрый взгляд на часы: семь утра. Сейчас сюда должен подойти мой одноклассник Павел, у нас с ним назначена встреча. Пока же его нет, я осматриваюсь вокруг себя и, убедившись, что свидетелей моего противозаконного намерения поблизости нет ни души, начинаю откручивать ржавую трубу. С минуту у меня ничего не получается, но вскоре резьба поддаётся, и из образовавшегося разёма на меня вытекает какое-то бурозелёное топливо. Спешно пытаюсь скрыть следы моего преступления, я сам замечаю трёх прячущихся за малой ротондой людей. «Все герои Достоевского», – всплывает в моей голове ассоциация относительно этих персонажей (характерно, что в интеллектуальной «Своей игре» нередко встречается тема «Герои Достоевского»). Но как только эта мысль описывает круг в моём сознании, за круглой колонной раздаётся смех, и мне приходится отвернуться от заинтересовавших меня лиц и прекратить наблюдение.

Не дождавшись одноклассника, я иду обратно с двумя ржавыми трубами в руке. На улице мне встречается преподаватель по русскому языку и предлагает зайти в какое-то здание. Вдвоём мы поднимаемся по ступенькам и проходим вглубь помещения. По пути я сталкиваюсь с неизвестным священником:

– О, это ты! – видимо, ошибочно приняв меня за своего знакомого, радостно обращается он ко мне. – В Щегловскую за-секу (тульский монастырь, в котором я не был) сходи справа по холму. Поздравь Льва Семёныча (при этом он имеет в виду моего отца).

– Спасибо, – откланиваюсь я и с вежливой улыбкой направляюсь дальше, изображая торопливость и занятость. Чтобы поскорее скрыться, я сворачиваю в ближайшую аудиторию – и оказываюсь на проверке у отца Евгения. Преподаватель кафедры протягивает мне лист с тестовым заданием, и я невольно улыбаюсь при чтении первого вопроса:

«Кто из апостолов присутствовал на Преображении?»

- 1) Иоанн, Иоанн, Иоанн;
- 2) Пётр, Пётр, Пётр;
- 3) Иаков, Иаков, Иаков;
- 4) Иоанн, Пётр, Иаков».

Одногруппница Ксения спрашивает у меня, почему я опоздал, и с целью побыстрее отвязаться от неё я отвечаю скомканно и без энтузиазма, с интонацией уставшего, невыспавшегося человека: «Семь утра, русский язык...». Однако, подавившись воздухом, я начинаю тяжело кашлять, откашливаюсь – и просыпаюсь.

Ниндзя выкрали Ефрема Сирина!

Сон есть черновик возможных миров и своего рода гностическая контрабанда.

Иеромонах Феодор (Мухамедов)²⁶.

Эпизод первый. На кресле в моей комнате сидит мой брат. На столе перед ним лежит шестой том сочинений Ефрема Сирина (который я взял на кафедре); но я удивляюсь, как книга там оказалась, ведь она всегда хранилась у меня на тумбочке (поверх «Точного изложения православной веры» Иоанна Дамаскина). Брат держит в руках мои шорты: внимательно рассматривает их, ощупывает ткань. Заинтригованный, я протягиваю ему какой-то предмет (вроде рукописи или альбома), а в ответ он – прости ему, Господи! – буквально швыряет шорты на стол – на Ефрема Сирина! В неистовстве и глубочайшем сотрясении духа я хватаю их и в священном гневе бросаю их вон, на пол. Не зная себя от сокрушённых проклятий, я кричу на брата чужим голосом возмездия. Через мгновение он исчезает, а вместе с ним как сквозь землю проваливается Сирин (во сне я, кажется, не употреблял имени «Ефрем», представление о нём передавалось непосредственным знанием). Интуитивно я понимаю, что шестой том выкрали семь ниндзя, один из которых (подумал я позже) прятался под кроватью и не принимал прямого участия в злодеянии. «Но как они

²⁶ Цит. по: Сны. Их происхождение и роль в христианском истолковании. М., 2006. С. 103.

могли появиться здесь, если я их не видел!» – терзает мою совесть горестная, неисправимо-жгучая мысль.

(Проснувшись, я специально посмотрел на книгу Ефрема Сирина и, обрадованный, успокоился и снова заснул).

Эпизод второй. В первом часу ночи с Косогорского металлургического завода выходит вторая смена рабочих. Я же, наоборот, пытаюсь зайти внутрь, причём с небольшой контрабандой: на ключах у меня прикреплена небольшая шайбочка, изготовленная на заводе. (Соответственно, с ней нельзя выйти; так в чём же преступление с ней войти? – однако такой мысли у меня во сне не возникает). Как назло, на проходных в это время оказывается начальник, который строго отчитывает меня, но не замечает моего нынешнего нарушения. Несмотря на благоприятный исход, мне всё же не разрешается сегодня проникнуть на территорию завода и приходится отступить обратно. Выкрутившись из лап опасного зверя, я попадаю в лапки зверька послабее: сотрудник с металлоискателем подходит ко мне с целью обыскать меня на предмет железных изделий. (Но, если я фактически не был внутри, на каком основании меня можно досматривать? – однако и такая мысль отсутствует в моём сновидении). Около моего правого бедра раздаётся звон. Я достаю телефон, показываю его проверяющему с облегчением и злорадством (ведь в нём-то я нелегально и выношу пластинку вроде сим-карты). Охранник заканчивает обыск, но вместе со мной выходит через проходные на улицу.

– Так, сейчас купишь мне чего-нибудь, – следуя рядом вдоль тёмной стены, приказным тоном, как будто я ему чем-то обязан, диктует он. – Полторашку коктейля.

Отрицательно киваю головой.

– Ну, тогда бутылку пива.

– Ничего я тебе не куплю! – твёрдо и уверенно заканчиваю я бесцельный разговор. Обидевшись без обиды, охранник отходит прочь.

Эпизод третий. Вдвоём с незнакомцем осторожно идём по земляной дорожке, держа в руках пистолеты. Моргнув, я замечаю чуть поодаль впереди нас же самих, только смотрю своими

же глазами. Метрах в ста от нас стоят двое надменных лучников в зелёной форме Великой отечественной; важно и неторопливо они достают из-за спины стрелы, натягивают тетиву. Но, не успевают они и прицелиться, как им в грудь вонзаются две другие стрелы – и воины падают замертво. С нового ракурса я замечаю их убийцу – другого, одинокого лучника, мастера, умеющего пускать сразу две стрелы по разным мишеням одновременно. Он лежит в траве уже несколько суток, но так как его миссия выполнена, ему без посредства всяких раций (как будто источник информации совсем рядом) сообщается приказ, разрешающий встать, размяться, немного отдохнуть.

Рисунок 3.

Беззаветный лучник облегчённо встаёт – и тут же получает пулю. Трое стрелков с винтовками выходят из-за дальнего сарая к ограде, обсуждая свою меткость. Мы вдвоём с напарником оказываемся на месте павшего лучника, чтобы отомстить за героя. Я навожу два пальца правой руки на одного из снайперов: большим прицеливаюсь, указательным – произвожу выстрел, как из дула. Первый противник валится, как подкошенный. Мой помощник аналогичным образом поражает второго (женщину?). Остаётся лишь третий – Гитлер, с распухшей рожей, ужаснее, чем в карикатурах.

В четыре руки по-македонски мы извергаем на него шквальный огонь, но он уворачивается от нашего свинца и пы-

тается убежать. Преследуя негодяя, мы перепрыгиваем через ограду и, наконец, попадаем в цель. Корчась и извиваясь, Гитлер падает навзничь и выпускает свой поганый дух. Настигнув мертвеца, мы смотрим в его обезображенную харю (не потому, что он Гитлер, а потому, что во сне это не лицо, а именно «харя»). Одновременно с этим зрелищем за кадром раздаётся голос Людмилы Петровны Фроловой, происходящий от некоего смутного подобия её образа:

– Теперь вы прошли курс истории.

Отрубим ему руку?

Однажды одному из учеников святого Франциска Ассизского стал являться во сне Иисус и говорить: «Зачем ты так истязашь себя постами и молитвами? Ты всё равно не спасёшься». Ученик впал в уныние, и Франциск поспешил на помощь. Он пытался объяснить ученику, что это его искушает нечистый, но юноша отказывался верить. Тогда Франциск предложил ему поставить эксперимент. Он посоветовал: «Когда в следующий раз он явится тебе, скажи – открой рот, чтобы я мог в него испражниться. В Своём великом милосердии Христос – если это Он, – ничего не сделает тебе, но гордыня дьявола такого оскорбления не выдержит». Юноша так и поступил, являвшийся к нему с диким криком мгновенно преобразился и умчался прочь...²⁷.

Эпизод первый. Редкий случай, когда на кафедре теологии отключают свет. На моей памяти это происходило только один раз. Значит, сегодня – второй такой день за четыре года. В библиотеке, кажется, несколько смещённой к мужскому туалету, мрачно. Тусклый свет пробивается через стекло двери. Внутрь заходят отец Лев со своим сыном. Причём сын – по своему виду и возрасту – как минимум, архиепископ. Достойный продолжатель дела своего отца, «Лёвушка» – с большой, с проседью, бородой (впрямь, как у владыки Алексия) – обходит вокруг стола и

²⁷ См.: Цветочки Франциска Ассизского. С приложением эссе Г. К. Честертона «Святой Франциск Ассизский». С.-Пб., 2000. С. 223 – 226. (Гл. XXIX: «Как дьявол явился в образе Христа брату Руфину и сказал ему, что он осуждён»). Цит. по: Сны. Их происхождение и роль в христианском истолковании. Составитель А. Баранов. М., 2006. С. 9 – 10.

чинно здоровается со всеми присутствующими. Отец Лев внимательно следит за совершаемым ритуалом со стороны, изредка скашивая взгляд в мою сторону. Я стою у книжной полки, непосредственно примыкающей своим боком к выходу, так что меня вполне возможно не заметить и пройти мимо; стою скромно и даже застенчиво. Юный архиепископ заканчивает всеобщее приветствие и уже собирается следовать по своим важным делам, как встречает глазами меня и, немного неловко, подставляет свою правую руку. Для поцелуя. Я прикасаюсь к ней губами, затем мы единократно лобызаемся в щёки, и я снова целую его руку. При этом я ощущаю, словно все мои действия строго продиктованы, исподволь навязаны мне: вот иерарх подставляет десницу, вот он подводит меня к своей щеке.

Эпизод второй. В личных покоях задумчиво сидит одинокая восточная красавица. Восточная – не японская или китайская, а, скорее, персидская. Её мысли борются между собой. Усталость льстиво склоняет её к бездействию: «и зачем тебе два дня загружать и ставить корабль на брёвна, а потом четырнадцать дней волоком тащить его по пескам». Но принцесса (или даже вдовствующая королева) разрешает все свои сомнения и принимает верное решение.

Из точки зенита видно, как по обожжённой палящим солнцем пустыне на огромной скорости несётся корабль на брёвнах. Внешне он совсем не таков, как изображают, например, суда древней Эллады, – очень длинный, даже стройный, с красными и зелёными полосами по бортам и с неизвестным изваянием на носу. Впереди, в самом низу корабля есть своеобразная выемка для несения гиганта по суше. Эти прочные, довольно внушительные ручки напоминают оглобли сохи, или рогово-костяные клещи жука, или, лучше сказать, деревянные «жала», ухватившись за которые, можно тащить корабль вперёд, как прицеп. Между поручнями этой технической конструкции бежит, по видимому, предводитель перевозки с разноцветным головным убором, по виду и, особенно, высоте которого можно заключить, что его обладатель – жрец. Прочие бегуны, однако, недовольны своим начальником и обмениваются репликами в том духе, что

«чего его поставили?», «мы еле успеваем переставлять брёвна!» и др.

Совершенно неожиданно навстречу несущемуся кораблю из-за ближайшего бархана устремляется отряд прекрасно вооружённых женщин в одеяниях и платьях разных цветов. Воинственные амазонки наталкиваются и на бегунов, и на само судно, однако словно просеиваются сквозь препятствия, так что ни с одной из сторон не оказывается ни единого потерпевшего. Несмотря на бескровность произошедшей баталии, в стане корабельщиков укрепляются настроения, что «мы победили», хотя к тому же суждению приходят непонятно куда девшиеся женщины.

На смену одной неприятности приходит другая: над пустыней разыгрывается настоящая песчаная буря. Корабль начинает перемещаться в неизвестном направлении, кроме того, в команде возникают различные мнения относительно того, куда следует править в обстановке потери ориентиров. Гипотезы и предложения высказываются на ходу, и дискуссия ещё не успевает остынуть, как судно выбегает из песчаных волн и несётся себе дальше на удивление всем спорящим морякам.

Из маленькой точки горизонта до реальных размеров за минуту вырастает по-восточному красивый дом среднеазиатского типа. В метре от его условно «уличной» стены растёт шикарная пальма, а из входной двери появляется гостеприимный гарем хозяина. Несколько десятков женщин, похожих на своих предшественниц, начинают водить хоровод вокруг строения, но, когда корабль приближается к ним вплотную, они разворачиваются и не сговариваясь бросаются на него в атаку. Массированный штурм нападающих, как и в первый раз, ни к чему не приводит, и «гурии» без следа и остатка пыльной позолотой растворяются в горячем арабском воздухе.

Эпизод третий. Умиротворённая природа среднерусской равнины не предвещает ничего тревожного. Широкое поле зрелой, золотисто-русой пшеницы слева обнимает небольшая дубрава, а у самого её края проходит утоптанная земляная дорожка. Там, где хлебная культура вплотную приближается к наблюда-

телю, на месте высохшего болота густятся заросли низких, как будто вязких деревьев. И здесь, в скрытой растительной засаде располагается отряд человек из двадцати, активным членом которого являюсь и я, хитрый и коварный мститель.

Рисунок 4.

Однако с течением времени чёрная мушка на горизонте, трепетавшая вначале мелким и безвредным насекомым, принимает более явные очертания и превращается в огромное китайское войско. Впереди в ногу идут самые младшие воины в шёлковых, ярко-красных с чёрной вязью платьях, со смоляными косами за спиной и с серебряными мечами на поясе. И вот, когда эти пешки в беспощадной военной игре приближаются к нам на расстояние вытянутого клинка, когда император-полководец в паланкине оказывается перед нами как на ладони, – с устрашающими криками из-за кустарников выпрыгивают трое действующих лиц нашей боевой группы. Первому, полудряхлому старику, телохранители Поднебесной мгновенно отрубают ноги и, по непонятным причинам, связывают. Двух других – меня и моего «товарища» по заговору – берут в плен и отводят во временную императорскую резиденцию.

Ею оказывается крупный деревенский дом, огороженный глухим каменным забором. Из внутренних покоев появляется тот самый полководец, на которого было совершено неудачное покушение, – почтенный старик-мастер. Окинув моего соратни-

ка по борьбе холодным суровым взглядом, он неторопливо растягивает вопрос, адресованный придворным слугам:

– Отрубим ему руку?

Пока согнутые в знак уважения в поясном поклоне верно-подданные ожидают окончательного вердикта, пленник вырывается из рук карателей и, скрывшись за углом, заводит машину и уезжает прочь, со свистом буксуя шинами (такой приём часто используется в мультсериале «Симпсоны»). Ни один из охранников даже не пытается догнать его и вернуть, кроме того, никто не держит и меня, так что у меня есть свободная возможность последовать примеру моего предшественника. Однако я не делаю этого и молча ожидаю решения своей участи.

Предполагая, что император не повторяет своих слов дважды, я внутренне уже прощаюсь с похолодевшей от безысходности рукой. Однако через минуту напряжённого для меня молчания полководец кивает своему окружению в знак того, что отрубление отменено. Оказывается – я узнаю об этом невербально, – рука немедленно отсекается от тела в случае, если испытуемый произносит хотя бы слово. Я же, промолчав, остаюсь таким образом при руке – точнее, при двух.

Испытующий старик возвращается внутрь, и с минуту я ожидаю его приглашения проследовать за ним. Вскоре меня впускают, и я попадаю в тёмную комнату в самом центре дома, не имеющую ни одного окна. По периметру – не привыкшие до конца глаза различают это смутно – стоят шкафы разной высоты; один шкаф находится прямо посередине комнаты. Император открывает именно его и передаёт мне две вытащенные оттуда «ступни» – натуральные белые подошвы с когтями, снятые с ног убитых животных, чрезвычайно похожие на гусеничные пластины трактора. Не дожидаясь моей реакции, престарелый сын неба подходит к боковому шкафчику и достаёт ещё одну пару таких оснований.

– Именно сегодня, – с благоговением в каждом слове и жесте объясняет он мне, бережно передавая словно антикварные ценности, – для уже бывшей пары ног, хранившейся здесь несколько лет, была обнаружена вторая.

Из дальнейших комментариев я понимаю, что подошвы, которые были вручены мне первыми, принадлежали самцу, а вторые – такие долгожданные – самке того же вида, которую никак не могли найти. Будучи совершенно уверенным в том, что от двух этих квадратных пар может произойти толк, старик со счастливой улыбкой торжественно дарит их мне.

Глазирванная лампочка зуба

...на мосту стоят два ряда красивых белокурых мальчиков, которые дерутся друг с другом и потом возвращаются на свои места, пока, наконец, спящий сам не садится на мост и не вынимает из челюсти большого зуба²⁸.

По длинному коридору, составленному из бесконечных кабинетов, как из спичечных коробков, меня ведёт бритый «под ноль» прокурор. В конце этого «тоннеля», уже выйдя к боковой лестнице, мы подходим к обитой железом двери. Обвинитель наклоняется к глазку, который направлен не на входящих, а на внутреннее пространство. На нём он находит маленькое колёсико и вертит его, пока не достигает нужной резкости, чтобы увидеть: заседающая на кресле высшая по званию «прокурориха» движением указательного пальца разрешает ему войти. Снаружи остаюсь я один, причём безо всякого надзора.

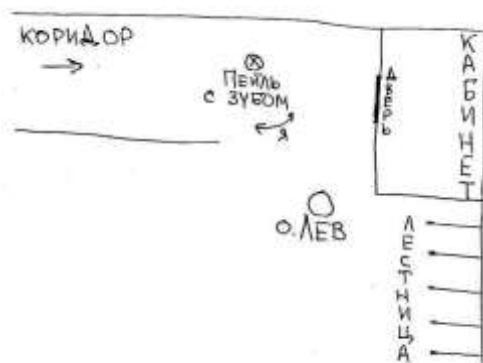

Рисунок 5.

²⁸ Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 243.

Снизу появляется отец Лев, разговаривающий с гимназистами. Учащиеся поднимаются вверх по лестнице в компьютерный класс, чтобы печатать свои курсовые. Протоиерей доволен результатами своего труда: воспитанные им ученики успешно оправдывают его ожидания. В моей голове возникает мысль, что наконец-то, через столько лет отец Лев достиг-таки взаимопонимания с молодым поколением.

В это время из сурового кабинета выходит прокурор. Но, если раньше это был бритый, низкий, полный господин зрелого возраста, то теперь это Пейль (мой одноклассник). Стараясь спрятать его от глаза отца Льва, я скрываю его своим телом, а Саша как назло: поворачивается к священнику лицом и начинает рассказывать про охоту и футбол.

– Когда я отбиваю мяч головой, – жалуется он своему духовнику, – у меня всегда вылетает зуб в форме лампочки.

И после этих слов рядом с рассказчиком появляется безмолвный сурдопереводчик и показывает на себе весь описанный процесс: бьёт себя по щеке, мимически щурится, – и из его рта, действительно, вылетает зуб. Сам зуб выглядит при этом, как глазированная лампочка, а его корень – как вворачиваемое в патрон основание.

Не бей ответчика, Астахов!; и Тяжёлая молитва

Царь сна крёстным ходом на стального коня.

Борис Гребенщиков²⁹.

1. По телевидению вещают очень интересный процесс. Адвокат Павел Астахов, выступающий в сегодняшнем деле в качестве истца, судится с ответчиком – мужчиной средних лет в заношенном старом костюме. Астахов стоит ниже кафедры (с которой обычно выступают участники слушаний в программе «Час суда») и периодически, когда не соглашается с мнением оппонента, подбегает к нему и начинает жестоко избивать. Впрочем, адвокат быстро отходит и возвращается на своё место в совершенном спокойствии. Однако в другой раз, когда ответчик решил передать судье новые материалы и стал спускаться

²⁹ Аквариум. «Любимые песни Рамзеса IV» (1993). «Царь сна».

вниз, Астахов разбегается от дальней стены и со всей силы наносит мужчине удар кулаком в лицо так, что тот совершает эффектное сальто в воздухе и падает навзничь.

– Маман, – смеясь от удовольствия, интересуюсь я у матушки, – ты видела этот процесс?

Мама отвечает, что смотрела его до меня днём.

2. Спустя некоторое время по телевизору повторяют скандальное судебное дело. Пока я снова наслаждаюсь «интеллектуальным поединком», матушка красит мне волосы. Но, используя не совсем подходящий для моих золотисто-русых волос оттенок, мы получаем неожиданный результат: из зеркала на меня ужаленными глазами смотрит голова с красно-рыжей, тёмно-грязной шевелюрой. С негодованием я врываюсь на балкон к уже успевшей скрыться родительнице и требую перекрасить меня в насыщенно-чёрный цвет. Причём если и из этой затеи ничего не выйдет, то я обещаю побриться наголо.

В ванной мы спорим относительно выбора оттенка. На стиральной машинке мама раскладывает широкую палитру очень красивых, но светлых тонов и на специальной картонке размазывает образцы консистенций. Мы начинаем горячо обсуждать гамму; понравившийся мне оттенок нанесён матушкой на поверхность маленькой каплей, мне же советуется избрать другой вариант. В коридоре я замечаю Астахова-инкогнито, тщательно скрывающегося от моей мамы, но зато всю науськивающего меня, на каком цвете мне следует остановиться.

– Выбери понравившийся цвет и подойди к зеркалу, – шепчет мне беспокойный адвокат, прычась за дверь.

– Мне понравился матушкин цвет, – твёрдо, но тихо позиционирую я. – Но что мне делать у зеркала?

У зеркала, – старательно объясняет мне драчливый юрист, – вы будете ждать отца Льва.

В недоумении я подхожу к зеркалу. Через четверть минуты внутри, действительно, появляется заслуженный протоиерей и безо всяких приветствий начинает рассказывать о тяжёлой молитве.

– В православии есть традиция, – без остановки выдаёт он, – самые тяжкие прегрешения отмаливать тяжёлой молитвой. Ты заходишь в храм, когда тебе нужно, даже ночью, и говоришь: я с тяжёлой молитвой, – и тебя тут же, без расспросов, пускают в комнату при храме – в заваленный переход.

3. Сидя в удобном кресле, я просматриваю свой старый видеoarхив. В небольшом сюжете рассказывается про старика-вьетнамца, на краю запечатлённой панорамы курящего трубку. В объектив камеры попадает двенадцатилетний мальчик, сравнительно легко, как манекена, несущий старушку в бессознании. Усаживаясь на камень, мальчик кладёт негибамую в своей костлявости бабушку к себе на колени и, выдержав уважительную паузу, спрашивает жестом у старика: будить её? Сосредоточенный ранее на таком философском занятии, как курение, дед начинает беспокойно махать руками и хриплым голосом кричать по-русски про чёрта. Однако его реакция оказывается запоздалой: мальчик уже дотрагивается до спящей, после чего та тут же открывает глаза и, бодро вставая, переглядывается с окружающими. Однако лишь завидя, по всей видимости, своего бессердечного супруга, старуха хватается за сердце и оседает окончательно мёртвая.

Оказавшаяся в объективе вторая бабушка, видя кончину своей ровесницы, мгновенно теряет сознание. К ней подъезжает другой мальчик на велосипеде и, удостоверившись, что не в силах помочь ей сам, спешит за ближайшим врачом. Во время разгона он попутно решает поправить свои круглые очки и, не заметив появившегося автомобиля, с ходу въезжает в него так, что боковая спица очков отрывается и протыкает юнцу глаз.

4. По убранному полю, кое-где огороженному красно-белыми лентами, едут две машины. Преследующая, белая «Волга», которую ведёт мой отец, мчится за отрывающейся – «Окой» со знакомым отца за рулём. Неожиданно для всех малолитражка останавливается и подсаживает попутчицу, стоящую на обочине. Словно действуя согласно неизвестному, но неотвратимому закону, отец понимает, что то же самое нужно сделать и ему. Однако с кандидатом в пассажиры выходит большой конфуз: ею

оказывается скрюченная умалишённая лет тридцати пяти. Не обращая внимания на этот обескураживающий факт, отец решается на парадоксальный ход: он выпрыгивает из машины и сажает женщину за руль, сам занимая место на правом сиденье. «Провал», – проскальзывает у меня мысль, но я продолжаю следить за напряжённой погоней. Наша водительница – бессловесный мешок с костями, со слюной на плече – тем не менее демонстрирует виртуозную технику и догоняет соперника, эффективно сталкивая его с дороги. Посрамлённый мужчина смущённо выходит из салона для извинений. В знак превосходства я достаю белый костюм и начинаю трясти им над проигравшим, словно посыпая его голову пеплом. Из костюма ручьём начинает литься моча. Сначала я плескаю ею жертве на спину, затем осмеливаюсь «помыть» голову, а в конце просто лью на лицо. Водитель не понимает происходящего до самого последнего момента. Я мочу его – а он и бровью не ведёт. Но когда я доливаю остатки испражнений ему на лоб, тот как будто просыпается, резко приходит в себя – вспоминает меня, пристально, не моргая вглядывается в мои зрачки. Впоследствии, когда между отцом и владельцем «Оки» завязывается разговор, я стараюсь не смотреть последнему в глаза.

5. В мрачном гараже работаем мы с отцом и несколько его знакомых. Происходит долгое и нудное обсуждение сложных и непонятных мне предметов, в котором я не принимаю никакого участия. Чтобы не ощущать усталости от этого неприятного процесса, я сознательно «обнуляю» память, соскабливаю с неё кожу, как бы снимаю чешую. У отца начинает звенеть будильник на мобильном телефоне матушки, который он взял с собой. Пока мой родитель нервно обыскивает свои карманы, его приятель предлагает ему предположить, который сейчас час.

– Двенадцать, наверно.

При этих словах я вспоминаю мелкие надписи на экране, которые я, как кажется, видел относящимися к будильнику: 12:00 и 14:20. Отец, наконец, достаёт телефон и удивлённо кривит губы:

– О! как я ошибался. Уже поздно.

Я беру у папы мобильник, но ничего не могу различить на мутном и тёмном дисплее. Впрочем, вскоре «туман» рассеивается, и проявляются две отчётливые строки по три двузначных числа в каждой (обозначающих час, минуту и секунду соответственно): 19:xx:xx сверху и 53:xx:xx снизу.

6, *неоконч.* Вместе со своими одноклассниками Павлом, Евгением и Андреем мы вбегаем в полутёмный подъезд. Весело смеясь, становимся вокруг около лестницы попить пива. Каждый из моих собеседников начинает высказываться, как кто почитает Гребенщикова. Один говорит: я вот так; второй продолжает: а я эдак. Вскоре очередь доходит до меня, но я смиренно молчу, сохраняя сокровище своё в сердце своём (в черновике: «...потому что мне и наяву разговоры на такую тему и такие разговоры не нравятся, а во сне – так подавно»). Не дождавшись от меня ни слова, Женя отвечает за меня:

– Все мы любим и почитаем Гребенщикова, но крест нести Мише.

Выслушав это заключение, я разворачиваюсь и иду вверх по ступенькам на третий этаж, в квартиру моей бабушки. Я знаю, что сегодня там должны ночевать мои родители и брат с женой, но внутри никого, кроме бабушки и дедушки, нет. В центре зала на полу расстелена пустующая кровать. Не видя других претендентов, под одеяло ложусь я.

7. Закрыв входную дверь на ключ, я покидаю квартиру, в которой провёл прошедшую ночь. На улице раннее утро: солнца не видно за домами, но вокруг светло, прохладно-свежо и уютно. Однако город, по которому я иду с таким лёгким сердцем, мне незнаком; я чувствую, что нахожусь где-то в Германии, может быть, в Мюнхене (во сне это присутствие передано названием федеральной земли, столицей которого является Мюнхен, – Бавария – на немецком языке: Bayern. Хотя, возможно, здесь идёт речь об одноимённом футбольном клубе).

Вокруг нет ни одной живой души, и мне становится немного скучно. Тогда я начинаю осваиваться в немецком языке и объясняюсь сам с собой на предмет того, как долго я сюда добирался и т. п. Мой горячий монолог продолжается до тех пор, по-

ка я не произношу заключительное слово своей речи – «Metro». При этом я совершенно противоестественно, даже изуверски тяну последний, ударный звук «о» так, что он превращается в какой-то «ö» (о-умляют), и наслаждаюсь каждым переливом нелепой вибрации.

В это время откуда-то справа появляется моя одnogруппница Настя и, мило улыбаясь, здороваётся со мной:

– Привет!

– О, привет, – с некоторым смущением отвечаю я ей, поворачиваясь в её сторону. – Буду говорить с тобой, а то уже сам с собой начал.

Испытывая объяснимое неудобство, заминку, что я беседую сам с собой вслух, в первую очередь я всё же ощущаю радость о появлении своей знакомой.

Икона ZOOM ZOOM ZOOM

Если кто-нибудь занят каким-либо делом прилежно,
Иль отдавались мы чему-нибудь долгое время,
И увлекало наш ум постоянно занятие это,
То и во сне представляется нам, что мы делаем то же:
Стряпчий тяжбы ведёт, составляет условия сделок,
Военачальник идёт на войну и в сраженья вступает,
Кормчий в вечной борьбе пребывает с морскими ветрами,
Я продолжаю свой труд.

Лукреций. О природе вещей IV, V, 962³⁰.

Довольно близко перед своим лицом я вижу книгу об иконах. В одном месте текста читаю такой подзаголовок: «Иконографический тип “не ZOOM, не ZOOM, не ZOOM”». А спустя несколько строк или, может, абзацем ниже содержится выражение «Икона ZOOM ZOOM ZOOM», проиллюстрированное соответствующим образом Гребенщикова в красно-жёлтых тонах.

Елизавета знатных кровей

Сновидение – кратковременное безумие, безумие – продолжительное сновидение.

Шопенгауэр³¹.

³⁰ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 23.

³¹ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 105.

Парижская психиатрическая лечебница. В тёмном конце коридора появляется женская тень. Мрачный силуэт боязливо переминается с ноги на ногу и нерешительно, на полшага выходит к свету от настольной лампы медсестры. Пациенткой оказывается Лиза – русская эмигрантка первой волны. На ней надета смешная кофточка с детскими рисунками: кружками, хвостиками. Время ночь, поэтому не спят только главный доктор и пришедший к нему мужчина лет сорока, видимо, его знакомый. Психиатр вопросительно смотрит на Лизу, и та, исполняя свою высокую миссию, начинает декламировать стихи Цветаевой:

– И блуд там, и кровь...

**17-й том Льва Толстого –
исключительно для музыки reggae**

И всё – только сон, Гарсон №2.

А раз это сон – ну, что ж ты стоишь, Гарсон №2!?

Борис Гребенщиков³².

Елена Викторовна, секретарь кафедры теологии, просит меня открыть 17-й том полного собрания сочинений Льва Толстого. Книга долго лежала в стопке под другими изданиями, и её обложка сильно припечаталась к основным страницам, так что их стало невозможно разъединить. У самой Елены Викторовны сделать это не получается; она просила Володю Заварзина, но он также оказался бессилён. А я (что называется, на глазах у изумлённой публики) немного разминаю обложку и элегантно и легко открываю том. Сделав одолжение, я думаю, что заслужил право на привилегию, – и потому сажусь за преподавательский стол, закурываю и начинаю просматривать книгу.

К моему сожалению, внутри оказывается (прости, Господи!) писанина моего одноклассника Павла М-ва; однако, желая избавиться от связанного с этим обстоятельством дискомфорта, я принимаю за истину, что его каракули – это всего лишь неудачно выбранный шрифт для авторского текста. Успокоившись, я приступаю к поиску интересующего меня слова, «Будда».

³² Аквариум. «Навигатор» (1995). «Гарсон №2».

Тем временем Елена Викторовна открывает окно. Женщина безупречного воспитания, она же не может сказать мне: прервати курить, здесь не место; или: надоело дышать дымом. Поэтому она спрашивает у меня позволения проветрить помещение, одновременно поднимая ручку рамы.

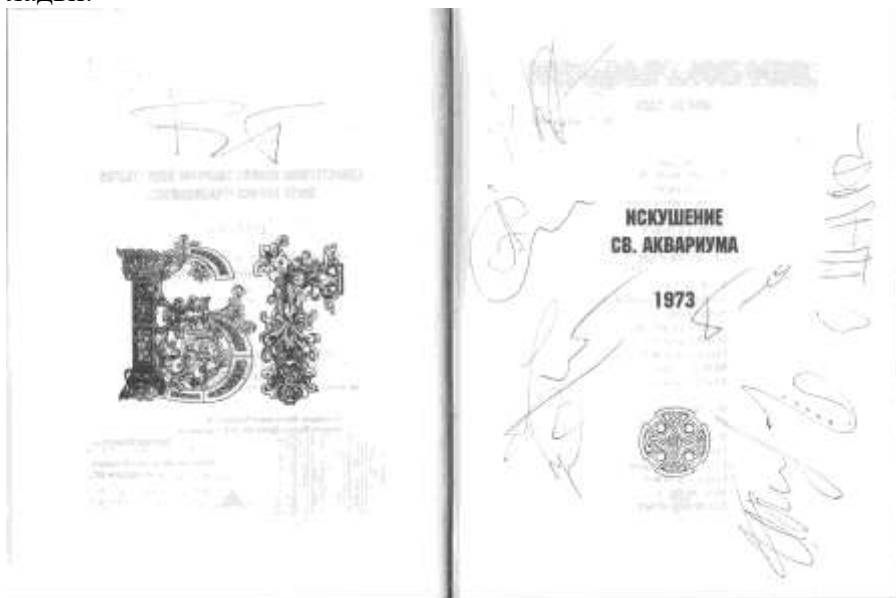
– Конечно, можно, – по-молодецки «благословляю» её я, но вскоре понимаю подтекст ситуации и одумываюсь. Пристыженный, я тушу сигарету и извиняюсь.

Две ладьи БГ

И в каждом сне
Я никак не могу отказаться
И куда-то бегу, но когда я проснусь,
Я надеюсь, ты будешь со мной.

Борис Гребенщиков³³.

По величественной северной реке плывут две огромные ладьи.

*Фрагмент книги «БГ. Песни»
с автографами музыкантов Аквариума*

³³ Аквариум. «День серебра» (1984). «Сидя на красивом холме».

Обе они срублены из дерева и украшены витиеватой резьбой. По своей форме суда более всего напоминают плотные кубы-башни, в верхней части которых проделаны бойницы для лучников. Различаются они, однако, тем, что правое сооружение выполнено в виде буквы «Б», а левое – «Г» (такие древнерусские узоры использованы в оформлении книги из моей библиотеки «БГ. Песни»). Ладьи, хотя и никак не соединены между собой, движутся невероятно синхронно, как будто связанные внутренней, невидимой силой.

Деревянное велосипедное колесо

Снился мне сон, что я был трезвый,
Ангелы пели в небесах, –
А я проснулся в чёрном теле,
Звезда застряла в волосах.

Борис Гребенщиков³⁴.

Администрация вокзала, несомненно, заботится о пассажирах. В зале ожидания устроены две кассы, находящиеся друг напротив друга. В первой ты подписываешь все необходимые документы, оплачиваешь проезд и получаешь квитанцию, а во второй – уже получаешь долгожданную путёвку. Действительно, это очень удобно: не надо толкаться, например, в четырёх очередях...

Пройдя через все бюрократические процедуры, я, наконец, перехожу к окошку за билетом до Санкт-Петербурга. Народу здесь не так много, человек тридцать, к тому же передвигается эта очередь гораздо быстрее предыдущей. Немного постояв в живом потоке, я вдруг замечаю третью, альтернативную кассу, у которой, не привлекая к себе внимания, находятся всего двое или трое. Бесшумно я перебираюсь туда и в скором времени получаю желанный документ.

Подъезжая к северной столице вечером того же дня, я представляю себе следующую картину. В центре тускло освещённой сцены на уровне пояса установлено прядильное деревянное колесо, велосипедный раритет XIX века. За ним стоит

³⁴ Аквариум. «Снежный Лев» (1996). «Центр Циклона».

голый Гребенщиков и периодически подталкивает обод, так что «надутые» в своей толщине спицы, вращаясь, создают сплошной круг, за которым ничего не видно.

Возвратившись из мира фантазии, я выхожу из вагона петербургского трамвая вместе со своим одноклассником Иваном. Только теперь мы замечаем, что на боку экологически чистого вида транспорта наклеены небольшие плакаты с гербами городов Тульской области. Причём, оказывается, это только половина всех символов; вторая их часть вывешена на доске почёта, установленной на Т-образном перекрёстке (на котором трамвай поворачивает налево). Как человек, бывший в Петербурге и гордый тем путешествием, я с важным видом знатока начинаю рассказывать Ивану про отличия проспектов здесь и в Москве.

Прибыв, на этот раз – один, на вечерний концерт в один из местных клубов, я поражаюсь видом певца на сцене. Его длинные, до колен волосы напоминают поросшие сети рыбака. Сзади у исполнителя заметен маленький хвостик. Чтобы получше рассмотреть столь экстравагантного персонажа, я подхожу непосредственно к сцене и рассматриваю его в упор. Спустя короткую паузу певец высказывает мне своё недовольство и легко, как манекена, переставляет руками назад на расстояние, равное длине четырёх его рук, если их сложить одна за другой.

Западные коты Церкви

Древняя история рассказывает, что Геннадий пришёл к выводу о бессмертии своей души после беседы с призраками во сне.

К. Г. Юнг³⁵.

На сотовый телефон мне приходит сообщение от Юрия Викторовича Земцова. Текст послания чрезвычайно длинный, очевидно, что он выходит за возможности памяти мобильного. Обращение написано с претензией на древнерусский стиль, в полемическом (как может показаться при беглом просмотре), а, скорее, – в наставительном ключе. Юрий Викторович пишет мне о западных отцах Церкви. Причём я понимаю это только раза с

³⁵ Юнг К. Г. Архетип и символ.

третьего. Так обычно чистят мутное стекло: сперва под слоем грязи ничего не видно, затем кое-что начинает просматриваться, и, наконец, проступает изначальная поверхность; вот и я – перечитываю, вникаю и, погружаясь в написанное, постигаю смысл послания.

Текст составлен, как лекции Земцова (или как некоторые старые книги, которые включают последующие запятые в кавычки предыдущих цитат и т. д.). «Что ты можешь сказать о своих “отцах Церкви,”...» – в риторическом порыве восклицает преподаватель. (При этом замечательно, что я органически, без раздражения воспринимаю это в некоторой степени саркастическое: «мои» отцы; отчего это они мои?). И далее, на протяжении нескольких страниц просветитель планомерно выявляет неправоту западных отцов, предъявляя многие состоятельные аргументы об их заблуждениях.

По ходу чтения передо мной возникают чёрные коты различного размера, уменьшающиеся один за другим, которые смиренно – как сувениры – сидят в ряд каждый со своей табличкой. Первым сидит Иероним, самый большой кот, с подписью: «скучный сноб». За ним вытянул грациозные лапки персонаж поменьше – Августин, «старый графоман». И так котов семь с не менее злоострыми характеристиками, краткими определениями сущности того или иного «отца».

Я ещё не успеваю изучить всех западных церковных деятелей, как с двух сторон к ним подпрыгивают два живых сиамских кота. Оба – чёрные, с переливом драгоценного камня, грациозные и важные, оба с холёными ляжками. Во сне они бесполое, как ангелы (в черновике: «или как идолы»).

Несколько позже я встречаю Юрия Викторовича лично. Он подходит ко мне и (не дай Бог, конечно!) делится своим горем:

– У меня жена умерла.

На протянутом преподавателем листе нарисован квадрат из девяти частей (как в крестиках-ноликах, только с прочерченными границами), рядом с которым приписано «Похоронка» и указаны два числа: 30 и 40.

Механический зелёный дракон

1-го мая 1794 г. Робеспьер отправился на несколько дней погостить вместе с Сен-Жюстом к одному из друзей, гражданину Марше. Среди ночи Робеспьер испускает ужасный крик и просыпается с испуганным лицом. Сен-Жюст спрашивает его о причине испуга, и Робеспьер рассказывает ему, что видел во сне человека, одетого в чёрное, который, показав ему бумагу с изображением буквы S кровавого цвета, произнёс несколько угрожающих слов и хотел отрубить голову этой бумагой. После того едва прошло несколько недель, как палач отрубил Робеспьеру голову. Имя палача начиналось с буквы S – его звали *Samson*³⁶.

С пустой театральной сцены мне в голову приходит странное словосочетание: «должность роли актёра». Я задумываюсь, как такое возможно в действительности. Известно, что существует должность актёра, но ведь нигде не встретишь должности *роли* актёра. Как бы имея цель разъяснить мне моё недоумение, на сцене появляются две идеи. Идея самого актёра располагается непосредственно на подмостках, снизу, а неё сверху взгромождается идея роли актёра. «У-у», – кое-что начинаю я понимать и в глубокой задумчивости закрываю глаза.

Воображение рисует мне на асфальте пустое место и сообщает о нём, что это сиденье. (Чем в таком случае это место отличается ото всех других? – очень просто: за показанным местом закреплён статус сиденья, а за всеми остальными – нет). В пространство «воздушного кресла» заходит и тут же из него исчезает один актёр; вслед за ним появляется, но уже остаётся другой – тот, кто один-единственный играет данную, какую-то определённую роль. Далее воображение переносит меня в небеса, где я вижу такое же пустое место, что и на асфальте, с той только разницей, что оно гораздо более сложное в своём механическом построении. Несколько лет назад были популярны карандаши с сантиметровыми грифелями, которыми, последовательно вставляя их один за другим, можно было заполнить всю длину писчего инструмента; приблизительно такую структуру

³⁶ Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 423.

имеет и наблюдаемый мной механизм. Персонажи в нём напоминают патроны в рожке автомата.

В небесное «воздушное кресло» садится актёр, невидимые пневматические губы втягивают его на одну позицию вверх в чрево описанного устройства, так что место сиденья становится вакантным. В него опускается следующий претендент – и тут же оказывается в своеобразной «обойме». При этом, сколько бы актёров ни оказывалось в агрегате, никто из них никогда не выпадает; небесная скамейка оказывается, таким образом, бесконечной.

Вскоре из-за облака появляется (будто проявляется невидимый раньше) механический зелёный дракон, сваренный из крашенных железных труб. Дракон располагается по отношению к вертикали под 60 градусов, и актёрская «лестница» начинает плавно наклоняться к нему, пока полностью в него не входит, как в футляр. Душа механизма загорается жизнью, и дракон начинает плавно, конвейерно двигать «этажи» вверх, как лифт, так что вся конструкция уходит от наблюдателя вдаль.

Ни чьерта не помню!

...сновидение – искусство разрушения параметров
обычного восприятия.

К. Кастанеда³⁷.

Эпизод первый. В забитом под завязку зале происходит пресс-конференция Путина. Один из журналистов задаёт президенту вопрос, в котором упоминает название какого-то наркотика. (Я при этом ассоциативно вспоминаю пелевинское: «...я видела сумасбродов, коловших кетамин внутримышечно, но десять кубиков внутривенно!..»). Путин заметно оживляется и, хитро улыбаясь, с удовольствием, переходящим в упоение, начинает перечислять известные ему препараты. От наиболее доступных он переходит к наиболее действенным и здесь перемежает названия наркотиков с условными впечатлениями от них, со своего рода их смысловыми аббревиатурами. Так, один

³⁷ Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 83.

из транквилизаторов президент характеризует фразой об утреннем состоянии после него, произнесённой с чешским акцентом:

– «Ни чьерта не помню!».

Корреспонденты при этом смеются, как дети.

На третьей минуте длинного перечня Путин запинается, и тогда другой журналист помогает ему выйти из положения оригинальным способом: он его перебивает, создавая эффект, что не сам президент прекратил свою речь, а что её оборвал невоспитанный репортёр. Видимо, этот представитель пишущей братии особенно предан государственному руководителю.

Эпизод второй. На пересечении улиц Советской и Староникитской в Туле (около бывшего книжного развала, где 12-й трамвай поворачивает к храму Двенадцати Апостолов) мы прощаемся с братом. Я направляюсь к проспекту, но на половине дороги снова встречаюсь с ним: Роман мечется туда-сюда мимо снующих трамваев и никак не может выйти из этого «лабиринта». Сохраняя спокойствие, я помогаю ему выбраться из переделки и увожу в сторону.

Пройдя нехоженым путём по какому-то неведомому пролеску и успев испугаться, что заблудились, мы выходим к повороту на Косую Гору со стороны трассы Москва – Симферополь. По разные стороны от проезжей части – два нежилых «замка» с башнями; построенные в таком псевдостиле забегаловки на дорогах совсем не редкость. Из незастеклённого бетонного окна одного из зданий нам машет сосед по гаражу Стасик. Мы отвечаем ему приветствием и идём дальше – от психиатрического диспансера на Демидовской к остановке 2-го троллейбуса в Заречье.

– Я знаю эти места, – уверенно говорю я брату, – и я тебя доведу.

При этом заключительная часть фразы звучит безапелляционно, как приговор.

Колыбельные пирóги

У меня за малиновой далью,
На далёкой лесной стороне,
Спит любимая в маленькой спальне

И во сне говорит обо мне.

Борис Гребенщиков³⁸.

Интродукция. В радиозэфире Гребенщиков рассказывает об участии бездомных детей. Его речь настолько глубоко проникает в мою душу, что я оказываюсь на зелёной поляне, на которой, как уверяет БГ, находилось нежилое здание, где ночевали несчастные. В стороне же красуется своей роскошью новый четырёх- или пятиэтажный дом. Музыкант, аскетически довольствуясь малым, скромно сидит рядом на железном остове старой скамейки и указывает рукой на детей. Причём каждый из них поначалу отсутствует физически в данном месте – ребёнок воплощается из воздуха только в тот момент, когда Гребенщиков направляет на него свой жест.

Вскоре, однако, в стройном повествовании теряется нить, накал, и возможность продолжить интересную тему исчезает безвозвратно. Вместе с умолкшим музыкантом я теперь нахожусь в некоем странном магазине. На полу разложены необычные лодки: это коричневые, просмоленные пироги настолько малого размера, что в них может поместиться разве что грудничок; Гребенщиков объясняет, что назначение этих лодочек – детские колыбельные. У дальней стены я замечаю стеклянный шкаф, в котором хранится яркое полотнище, изображающее то ли обложку Аквариума, то ли анонс новой концертной программы группы. Сшитое из плотной, даже немножко грубой ткани, произведение ручной работы имеет вытянутую форму: метра полтора в длину на полметра в ширину. Разговорившись по поводу это ткацкого плаката, мы с Борисом Борисовичем начинаем обсуждать самые семейные темы и в такой интимной беседе проводим время вплоть до самого вечера.

Эпизод второй. На земле, чуть смоченной только что прошедшим дождём, лежит мой брат, растянувшись практически от одного конца автодороги до другого.

– Битый час с семьёй на десятерых пили «Salvatore»! – с горячностью жалуется он отцу и далее, производя подсчёты,

³⁸ Аквариум. «Снежный Лев» (1996). «Чёрный брахман».

рассуждает вслух: – А ведь это всего лишь по пятьдесят граммов на человека.

– Я один выпиваю бутылку за 40 минут, – скромно, но с тенью самохвальства замечаю я.

Наш разговор происходит между конечной 28-го автолайна (у палатки) и гаражами на Косой Горе. Снизу, где поворот от Моруевского колодца, выезжает бело-синий автобус ПАЗ и собирается развернуться прямо на том месте, где лежит мой брат. С тоном незаинтересованного человека отец советует Роману:

– Отойди, пусть проедет.

На что брат, отрывая от земли одну голову и с безразличием обращая взгляд в сторону движущегося объекта, холодно-кровно и вальяжно отвечает:

– Ничего, – говорит, – сма-нев-ри-рует.

И, действительно, автобус объезжает живое препятствие по кустистой обочине. Далее маршрут его злоключений оказывается таким. Виляя из стороны в сторону, он пугает водителя машины, стоящей справа, подсекает зеркало левой, затем пробивает деревянный забор частного дома и сминая его пристройку к каменной стене. Отец перебегает дорогу с непонятно откуда взявшимся ружьём. Однако я успеваю заметить, что к нарушителю спокойствия уже вышел злой жилец дома, также вооружённый ружьём, и предупреждаю своего родителя:

– Не стреляй, там хозяин.

Папа отвечает, что видит, и успокаивается.

Три бутылки Дзержинского

Пациенту снилось, что он, будучи в кофейне, потребовал себе «контужувки». Рассказав мне об этом, он заявил, что не знает, что означает это слово. Я ответил, что контужувка – польская водка: он не придумал название во сне, оно известно уже давно по плакатам и объявлениям. Сначала пациент мне не поверил. Но несколько дней спустя, после того как он увидел свой сон, он заметил название на плакатах, висевших на улице, по которой он, по

крайней мере, два раза в день проходил уже несколько месяцев³⁹.

Эпизод первый. Неожиданно из Котласа в Тулу приезжает Лена Кузнецова. Обрадованный, но несколько смущённый, я привожу её домой.

Эпизод второй. Классический чёрно-белый сон.

Оккупированное здание времён Гражданской войны. Построенное ещё в стиле XIX века, оно имеет широкий фронтон, массивную лицевую колоннаду и два входа: справа и слева. В правую дверь то и дело толпами вваливаются солдаты с винтовками. Они пробегают по первому этажу и поднимаются выше. Я же захожу в дом слева, где совсем нет людей.

В длинном коридоре чёрно-белые медсёстры ухаживают за чёрно-белыми ранеными: делают им перевязки, дают лекарств и воды. Немного побродив среди жертв бессмысленной бойни, я направляюсь на второй этаж по редкой, «уважаемой» лестнице. Оценив условия госпиталя, я поднимаюсь ещё выше, на третий этаж. Не могу сказать, что в здании нет и четвёртого, но даже если это и так, скорее всего, он представляет собой старый чердак, забитый каким-нибудь хламом, так что нет смысла даже заглядывать туда.

На третьем этаже, справа от лестницы за углом, располагается комната с деревянной дверью – больничная палата для командования. Внутри на кровати сидит уставший Дзержинский (его идентификацию я произвожу метафизическим путём: чертами портрета он не очень похож на своего прототипа). Он то ли ранен, то ли просто смертельно устал от боёв. Рядом с командиром мечется беспокойная женщина. Расстроенный Дзержинский указывает на неё пальцем и жалуется:

– На меня покушалась жена!

Та патетически пожимает плечами: зачем мне, мол, на него покушаться? В комнату входит сорокапятилетний ефрейтор, он держится как молчаливый страж: охраняет своего начальника, что называется, без лишних слов. Я перевожу взгляд со старого унтер-офицера и только теперь замечаю, что в полу у угла кро-

³⁹ Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 29.

вати проделана тёмная дыра, вглубь которой ведёт деревянная лестничка. Рядом с Дзержинским стоит пустая пивная бутылка с номером «53». Пациент делится со мной, что внизу, в дыре, есть ещё две. Я спускаюсь в отверстие и достаю оттуда две такие же бутылки, только обе с номерами «29». Сметливая супруга Дзержинского немедленно берёт ситуацию в свои руки:

– Поделим бутылки на двоих: между мной и мужем, – с наигранной наивной простотой предлагает она.

К слову сказать, речь идёт не о разделе ёмкостей как таковых, а о распределении суммы их номеров. Однако в спор вступает служивый вояка, он парирует, что делить нужно не на двоих, а на всех присутствующих, то есть на четверых. Такого же мнения (впрочем, не высказываемого вслух), честно говоря, придерживаюсь и я. И, как быстрый счетовод, приступаю к выполнению своих арифметических обязанностей – выяснить, сколько достанется каждому из участников сделки.

Мои действия таковы. 29 я умножаю на 2 и получаю 48. Затем совершенно магическим образом прибавляю полученное число к 53-м и вывожу общий результат – 98. Суммарный итог я делю на четверых в два этапа: сперва распределяю его по парам – по 49 на каждую, а так как это число нечётное, то одному, заключаю я, должно достаться 25, а другому – 24. На том и расходимся.

Катапульта для Хрущёва

Платон, Гёте, Шекспир и Наполеон приписывали определённым снам пророческое значение.

К. Г. Юнг⁴⁰.

1. На новеньком белом седане с величием в каждом повороте руля заезжаю на белую заправку. Вслед за мной появляются два японца на мотоциклах, оба в чёрном, и начинают беспорядочно палить из автоматов. Я падаю за ближайший автомобиль и, подбирая заправочный пистолет, начинаю отстреливаться из бензинового шланга. Якудзы прячутся за столбы и осторожно выглядывают из-за них в мою сторону; вскоре они исче-

⁴⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ.

зают: но не умирают совсем, а словно затягиваются под давлением в подземную дыру неведомым подземным пылесосом.

2. На той же белой машине еду по деревне Кресты. Направляюсь куда-то к окраине, за пруд: там находится камера или карцер. Только по виду это здание, скорее, напоминает больницу или, уместнее сказать, госпиталь. С молоденькой медсестрой договариваюсь о посещении палаты. Внутри удивительно светло, даже простыни на кроватях белоснежные. Непосредственно от двери по обеим сторонам стоят койки в ряд: три справа и три слева. Я исследую глазами каждую из них, но ни на одной не нахожу своего брата. В недоумении я поворачиваюсь к медсестре с немым вопросом, и она, как бы не желая себя выдать, указывает одним только взглядом на выход: у двери, оказывается, ютится одинокая седьмая кроватка с моим братом. У меня возникает желание даже протереть от удивления глаза: я готов побиться об заклад, что, когда я входил, койки здесь не было, то есть что она странным образом появилась. Тем не менее главный мой интерес сводится к брату; я забираю его – лежащего спокойно, возможно, раненого – и мы быстро покидаем проклятое место.

3. После беспокойных событий напряжённого дня едем втроём всё в той же белой машине. Только сейчас я успеваю заметить, что кабриолет, за рулём которого я сижу, заканчивается открытым верхом классического чёрного цвета. Пассажирское место рядом со мной свободно, зато сзади находятся сразу двое. Один из них – мой брат, а вот со вторым дело обстоит сложнее. Это совершенно поразительный собирательный образ, совмещающий в себе одновременно и Хрущёва, и Брежнева, хотя и представляющий собой одно лицо – со смазанными чертами личности, точно некая видимость человека.

Мы движемся вдоль крутого склона, справа внизу течёт красивая среднерусская река. С другой стороны бесконечно раскинулось золотистое полотно пшеницы. Радостное вечернее солнце светит ярко, даже ослепительно.

У меня в голове пробегает мысль: а не сбросить ли этих двоих в обрыв? Недолго думая, я нажимаю кнопку на панели – и

двое по траектории поразительной геометрии улетают в склон и разбиваются насмерть. Переживать из-за таких пустяков не в правилах гаучо, и с северной невозмутимостью я продолжаю свой путь. Вскоре на опустевшем сиденье появляется отец и несколько «полупрозрачных, эфирных человек сновидческой массовки», кто-то даже занимает место спереди. Папа с горечью спрашивает:

– Он-то понятно, а брата не жалко?

– Нет, – отвечаю, – не жалко.

И уверенно еду дальше.

Три синие коровы волшебства

Дон Хуан говорил, что маги древности оказывались в сновидениях, которые были не снами, а реальными посещениями в сноподобном состоянии поразительных мест, не относящихся к нашему миру, мест, подобных миру, в котором мы живём.

К. Кастанеда⁴¹.

Поздним вечером я играю в «Diablo-II» в паре с девушкой. На нашем пути появляются нейтральные существа, не принимающие участия в схватках ни с той, ни с другой стороны. Это три синие коровы волшебства, которые приносят удачу. Своей окраской они похожи на Вызывающего во II-м действии или на Изуала в IV-м, в их густой сапфирности есть золотые прожилки узоров.

Храните деньги в банке

Мне снилось: я умер;

Мне снится, что я живой.

Борис Гребенщиков⁴².

Сон первый. Всея семьёй мы идём по тёмному двору. Под окнами одного из домов припаркован чёрный джип. Двигаясь тихо, мы незаметно выходим к людному месту⁽²⁾.

Теперь мы мирно шествуем по тротуару, возможно, в районе улицы Демонстрации в Туле. Вокруг – густые зелёные

⁴¹ Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 87.

⁴² Аквариум. «Беспечный русский бродяга» (2006). «Шумелка».

насаждения, поблизости проходит почти пустая автомобильная дорога. Вскоре нам встречается Костя со своим приятелем: он удивлённо округляет глаза и непонимающе спрашивает с видом заинтригованного человека, откуда я здесь. Я рассказываю, что был с семьёй на таком-то событии (не акцентируя внимания, на каком именно, настолько оно незначительно и несущественно) и сейчас возвращаюсь домой. Обрадованный, Костя с энтузиазмом жмёт мне руку, обнимает меня и делится последними новостями. Родители с заметным упрёком напоминают мне, что мы задерживаемся; мы обмениваемся с другом несколькими фразами и прощаемся ⁽¹⁾.

Добравшись до подземного перехода к метро, наша семья разделяется. Я остаюсь с матушкой и, по мере того, как мы приближаемся к месту посадки, капризничаю всё сильнее. Когда маме надоедает слушать мои нудные просьбы, она останавливается у развала и в ультимативной форме чуть ли не приказывает мне выбрать нужную вещь. Долгое время я рассматриваю журналы и издания, но ни на чём стоящем остановиться так и не могу. Матушка удовлетворённо кивает головой, и мы следуем дальше ⁽⁴⁾.

Оказавшись на платформе, я понимаю, что всё это время нахожусь под воздействием наркотического вещества. Моё сознание одурманено, движения замедлены и необоснованны, «внутренний секундомер» сбит: личное ощущение времени никак не связано с реальным временем на часах, независимо от него. Стоя у места остановки последнего вагона, я смотрю далеко вперед и отчётливо вижу удалённое табло: зелёными буквами на нём написаны пункты назначений. Про себя я замечаю, что среди них нет нужного нам, и сообщаю об этом матушке. Тем не менее я периодически поворачиваюсь назад и проверяю, не видно ли фар приближающегося состава ⁽³⁾.

Меня носят неисчислимы́е людские потоки, пока я не оказываюсь, наконец, втиснутым между перилами деревянной лестницы, ведущей на второй этаж. Здесь совершенно отсутствует центральная часть помещения, полом отделан только внутренний периметр этажа, его «кайма», какую часто можно

встретить в отечественных вокзалах. Человеческая волна вталкивает меня в эту надстройку в угол, по разные стороны которого находятся две двери. Левая (если смотреть из центра) дверь практически свободна: возле неё стоит только один молодой человек; зато в правую ведёт огромная очередь. Сила толпы с неизбежностью заставляет меня стать участником этого беспорядочного шествия – я обнаруживаю себя уже впихнутым внутрь. Столь желанной для населения комнатой оказывается обычный туалет (добавление в черновике: «...который в фильмах находится в казино или дорогом ресторане»). На розовых, переходящих в бордовый узорчатых ковровых дорожках и мужчины, и женщины: первые в безупречных фраках, вторые – в роскошных вечерних платьях. Между тем, варварская спесь демонстрации заводит меня в отдельную кабинку, где уже находится семеро или даже десяток лиц обоих полов.

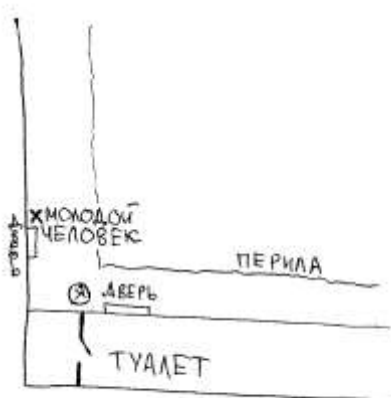

Рисунок 6.

– Нет, да зачем мне это нужно! – наконец, не выдерживаю я и, возмущённый, беспрепятственно выхожу наружу. Переведя дух, я подхожу к парню, который одиноко скучает возле пустой двери, закрывая собой вход в другой туалет. Чтобы как-нибудь начать разговор, я с важностью спрашиваю его про некую птицу. Молодой человек отвечает мне предложением, состоящим а) из упоминания автора (по всей видимости, никакого не орнито-

лога, а культового писателя) и б) из речевого оборота про «две позы».

А) О писателе я знаю то, что он неизвестный мне наш современник с очень длинным именем. По звучанию (в черновике: «по набору звуков и “титулов”») его псевдоним – а мне почему-то кажется, что это именно псевдоним – по ассоциации напоминает мне Анхеля де Куатье; вот только раза в два с половиной пространней и с несколько другими сочетаниями согласных. При этом два последних слова – я отчётливо это помню – «де Лонга» или «де Лонгис». Молодой человек произносит эту «формулу» надменно, с пафосом, как представление барона или лица, посвящённого в рыцарское звание.

Б) После призвания такого авторитета, как легендарный писатель де Лонгис, мой сверстник добавляет про птицу, о которой я у него спрашивал, что: 1) либо она может видеть других птиц в двух позах одновременно; 2) либо она сама может занимать две эти позы тоже одновременно. И при этих словах я чётко вижу перед собой картинку, иллюстрирующую, как это возможно: изображения будто выжжены на дереве, или, точнее, высвечены на более прозрачном предмете.

Конечно же, услышанное представляется мне интеллектуалистическим выпадом в мой адрес. Да и как иначе: человек, отнюдь не старший меня годами, призывает имя автора, которого я никогда не слышал, и несёт такую заумь, которую я могу расшифровать только путём чрезвычайного напряжения мысли. От меня требуется адекватный в своей философской глубине ответ. Я начинаю произносить некое умное замечание, призывая в свои заступники Идриса Шаха – но в этот самый момент на втором этаже возникает отрывок из клипа Аквариума.

«Возникает» – в том смысле, что он как будто вырезается из киноплёнки и прямо из кинескопа вставляется в декорации того места на втором этаже, где располагаются две двери в туалеты. Данный ролик мне незнаком, кажется, что у него нет реального прототипа, и поэтому я склонен считать, что он вымышленный. У перил лестницы рядом с умником, охраняющим вторую дверь, возникает Борис Гребенщиков собственной пер-

соной. Музыкант одет в какие-то невообразимые восточные одеяния, сшитые по западному образцу; основные цвета этих риз – чёрный и красный. Иконографический тип его лица навевает воспоминание об обложке нового альбома или о его фотографии в статье про Линду Йонненберг. В любом случае, вид Гребенщикова вполне конкретен, хотя и не поддаётся точной мысленной фиксации: наблюдатель не в силах собрать все детали, взятые в один момент времени, в единый портрет. Кроме того, облик патриарха русского рока, фактически насыщенный в своей изобразительности, всё-таки в той или иной мере голографичен. Присутствует ощущение, что с гитарой стоит не БГ, а только его отражение.

Рядом с Гребенщиковым несколько музыкантов Аквариума. Все они на голову ниже Бориса Борисовича, и, кажется даже, что, чем дальше они от него отстоят, тем ниже (в черновике это сформулировано дословно так: «...их рост от удалённости от лидера Аквариума убывает»). Участники группы ещё хуже фиксируются в сознании, ещё менее фактичны. Никого из них я не могу достоверно идентифицировать: возможно, это бывшие или даже сессионные музыканты Аквариума.

Звучит новая песня, мелодия которой мне совсем незнакома, и я с большим трудом могу восстановить её, хотя бы и приблизительно. Здесь я должен напомнить, что клип начинается тогда, когда я совершаю контр-выпад против молодого умника и, упомянув Идриса Шаха, собираюсь продолжить наступление; теперь же я останавливаюсь, мой запал сходит на нет. Как я обычно и поступаю в таких случаях, я договариваю фразу до ближайшего места, где можно сделать паузу, и интонацией подчёркиваю законченность произнесённого отрывка. Так и теперь: я отвлекаюсь от всего на свете и с благоговейным трепетом устремляю свой взгляд исключительно на Гребенщикова.

Клип длится всего несколько секунд (не более десяти), за которые я даже не успеваю толком оборвать начатое. Вскоре звук и изображение всех музыкантов исчезает, но остаётся очень сильное впечатление, совершенно переменяющее весь человеческий ум⁽⁵⁾.

Сон второй. Вместе с братом и его женой едем на американском раритете 60-х годов – светло-синем кабриолете с белыми полосами по бокам. Брат останавливается у такой же бело-синей заправки (по совместительству – мойки), что и автомобиль, и приказным тоном говорит мне:

– Иди, сними со своей карточки деньги.

Выйдя из машины, я направляюсь в первый отдел мойки, чтобы спросить, где банкомат. Внутри гаража никого; я перехожу в соседний – там стоит другое авто, и тоже никого нет. Тогда, возвращаясь назад, я прохожу вглубь помещения, к мойкам второго ряда. Здесь мне встречается техник.

– Возвращайся в первую мойку, потом направо, – объясняет он мне.

Рисунок 7.

Зная, что я там только что был, но ни капли не сомневаясь в точности указаний моего информатора, я задним ходом перехожу обратно и уже на улице оказываюсь в совершенно другой действительности, чем та, где меня высадил брат. Это классическая советская заправка 60-х годов. Только вместо насосов для заливки топлива в центре площадки установлены автомат с газводой и узкая палатка с молочными продуктами (таких немало в наши дни в Туле). В окошке этой палатки, из которой на

минутку отлучилась продавщица, стоит литровая банка с несколькими советскими банкнотами номиналом в три и пять рублей и полутора десятками монет достоинством от копейки до двадцати.

Первым интуитивным движением я направляю свою банковскую карту к «аппарату», чтобы обналечить свой счёт, но уже вторым – останавливаюсь в сомнениях, а стоит ли пользоваться услугами этого устройства. Нет, думаю, не стоит. Сажусь к брату в машину, и мы уезжаем.

Деление самолёта без остатка

Платон соглашается с общепринятым мнением, господствовавшим в его время, о том, что душа во сне открыта для божественного откровения.

К. Г. Юнг.

В насыщенном синью небе плещутся глубокие, непрозрачные, словно морские волны. Здесь, на земле, по просёлочной дороге беспричинно бродят местные обитатели, среди которых – и мои родители. Неожиданно сверху начинают лететь заострённые стальные клинки без ручек, наконечники смертельных стрел; в полном смятении чувств я уворачиваюсь от нескольких из них. Поражающий с неба кошмар заканчивается тогда, когда в полусотне шагов от меня на обочину дороги падает самолёт начала XX века. Металлические предметы, таким образом, оказались его устрашающими обломками, предвестниками его печальной трагедии.

Летательный аппарат чрезвычайно мал: он соизмерим с автомобилем или даже меньше последнего. Лётчика-пилота внутри нет, можно предполагать, что он успел катапультироваться или же выпал на половине пути к земле. Изучив останки аэроплана, исследователи – мои родители и пять-шесть незнакомых мне мужчин и женщин – отходят в сторону и усаживаются на бревно у стены ближайшего сарая. Необходимо выяснить, кто первым заметил самолёт и кому, следовательно, он должен принадлежать по совести.

Выступая в качестве стороннего наблюдателя, я предлагаю следующий критерий для выявления истинного правообладателя

ля: о законном собственнике как можно большее число людей должно засвидетельствовать, что они видели его у самолёта до себя. Моя рекомендация принимается, и опрос начинается с одного из поселян. Двое или, может, трое указывают, что он оказался на месте событий раньше них; «комиссия» фиксирует этот факт. Затем установленную процедуру проходит и мой отец. Двое соседей объявляют, что первым очевидцем происшедшего был именно он; при этом моя матушка сомневается в этом и сообщает, что не может с уверенностью и достоверностью подтвердить это. На отце, собственно, процесс и заканчивается, хотя и остаётся неясным, чьим же по праву стал летательный аппарат времён первой мировой войны.

Дерево души или душа дерева?

Снился мне сад в подвенечном уборе,
В этом саду мы с тобою вдвоём.
Звёзды на небе, звёзды на море, –
Звёзды и в сердце моём.

Борис Гребенщиков⁴³.

Вместе со своими друзьями-психологами Костей, Машей и Ириной мы отмечаем совместный праздник на квартире по улице Дзержинского на Косой Горе. В большой и уютной комнате, где происходит действие, приглушённо горит светильник и звучит расслабляющая музыка. Наполненный самоуверенностью, я начинаю хвастаться, что достиг в выбранном ремесле определённых результатов, в некотором смысле даже и совершенства. Костя подсаживается к Маше и наливает ей лёгкого вина; ко мне в застеленную кровать ложится и целует меня Ирина. Мурлыкая, я беру раскрытый посередине журнал и кладу его разворотом себе на лицо. На двух страницах издания по синему фону идут большие белые буквы «А» и «В» и того же цвета литеры поменьше, «С» и «D»; несомненно, эта картинка дублирует обложку государственных билетов по правилам дорожного движения.

⁴³ «Снился мне сад» // Музыка к кинофильму «Азазель» по роману Бориса Акунина.

Возвращаясь домой после вечеринки, я оказываюсь на другой стороне улицы, где проходила встреча, и поднимаюсь по ней вверх, к пешеходному переходу (в действительности, здесь в жизни не было никакой «зебры»). В моём сознании начинает звучать Аквариум. Мощное вступление аккордеона и ирландской флейты завораживают мои чувства, мирно гnevят их. Змеиный голос Гребенщикова выдаёт первые строки, доходит до места «...не трать весь свой яд...», и я знаю, что сейчас музыкант споёт эффектную концовку строфы: «...мёртвые матросы не спят»; – но этого не происходит. Вместо священных аквариумных слов Гребенщиков (*прости, Господи!*) искажённым от феодальной мудрости голосом произносит (*ещё раз прости, Господи!*):

– Я со-шла с у-ма!

А дальше, мутью со дна, возникает совсем бездумная и бездушная псевдомузыкальная свалка. В ужасе я оборачиваюсь назад и со всех ног бегу вниз.

(В скобках следует заметить, что данная часть сновидения, вероятнее всего, явилась психологической реакцией на фразу Гребенщикова из «Аэро-стата» №10, которую я воспринял непривычно критически: «...как сказал Цицерон, талант соплёй не перешибёшь»).

Устремляясь прочь от инородных, скверных раздражителей, я прихожу в себя уже только в степи, переходящей в пустыню. Из-за яркого света не удаётся как следует разобрать окружающий пейзаж. Сначала мне кажется, что вокруг бескрайние снега; но, когда глаза привыкают к палящему солнцу, я осознаю, что это знойные среднеазиатские барханы, пески, где почти невозможна жизнь.

Сложив руки в дружелюбном приветствии, ко мне подходит одетый в халат узбек. Мы здороваемся и потихоньку разговариваемся. Телепатически туземец сообщает мне, что на его родине мужчины зарабатывают на жизнь тем, что заготавливают деревья; но полученные тяжким трудом деньги они не отдают жёнам, а копят и приходят на них сюда, чтобы обрести душу. И узбек поясняет мне этот феномен на примере: властным жестом

он проводит рукой по воздуху, и передо мной возникает следующая картина.

В грациозном прыжке над горячим песком застывает снежный барс. В пустыне раздаётся Аквариум, и узбек понимает, что пришло время потрудиться на свою душу. По ходу музыкального вступления труженик вырубает из цельного куска дерева вытянутую фигуру животного. В статуе отчётливо, вплоть до мелких деталей выделяется голова и профиль хищника. Его мощные лапы напоминают мне при этом «дугие», завинченные подлокотники старинных диванов. Когда точность скульптурного выражения приближается к оригиналу, мастер начинает незаметно испаряться, точнее – он воплощается, вселяется в собственноручно вырезанный тотем. Понемногу я начинаю понимать, зачем, ради чего узбекские мужчины приходят сюда. Вырезая фигуру снежного барса, они надеются, что животное гордо ляжет, запрыгнет в неё, и тогда они сами обретут душу. В это время раздаются первые поэтические строки:

– «Мы продавали деревья, чтобы купить себе душу».

Спустя ещё несколько строк песня Аквариума принимает более известную оболочку:

– «Меня несло, как воздушного змея...».

Танец Африки, или Поцелуй газели

Сны – это своего рода художественные произведения, возможно, наиболее архаичный из всех способов художественного выражения.

Иеромонах Феодор (Мухамедов)⁴⁴.

Кадр первый. После прошедшего дождя земля черна, как нефть. На холодном поле лежат жертвы кровавой битвы, раненые солдаты без сознания: с тёмными лицами, в закопчённых касках. Постепенно я возвращаюсь из небытия гибели в мир живых, мои глаза раскрываются и со страхом наблюдают весь ужас произошедшей трагедии. Мой отец, командир, уже переходит от бойца к бойцу; после него я первый, кто вернулся из

⁴⁴ Цит. по: Сны. Их происхождение и роль в христианском истолковании. М., 2006. С. 121.

забытья схватки. Родитель помогает мне подняться и сразу же приказывает следовать за ним к рожице из нескольких деревьев.

Пока мы волочимся к месту, я придумываю о себе легенду, что у меня в правой лопатке две пули, несмотря на нестерпимую боль из-за которых я, бедняжка, переношу все тяготы невыносимой жизни военного времени. Не успеваю я выразить своё горе, как мы оказываемся у цели. За посадкой лежат сырые беспризорные брёвна по пять метров в длину каждое. Вместе с отцом мы поднимаем одно из них и, сгибаясь под грузом, несём его обратно. К тому времени «просыпается», то есть приходит в сознание мой брат и, следуя нашему примеру, поднимает другое бревно. Так втроём мы перетаскиваем два бревна в деревенский дом в деревне Кресты.

Кадр второй. Хозяйство этой усадьбы имеет следующий план. Сам дом располагается от входной ограды чуть слева, дорожка к нему немного искривлена. Справа от избы, на метр-полтора ближе к заборцу, находится сарай, состоящий из нескольких – а именно, из трёх отделов. От двери к задней стене постройки ведёт узкий, всего метр в ширину «коридор»; правая часть в конце приспособлена для скота; а, наконец, сам вход представляет собой площадку два на два метра в самом начале.

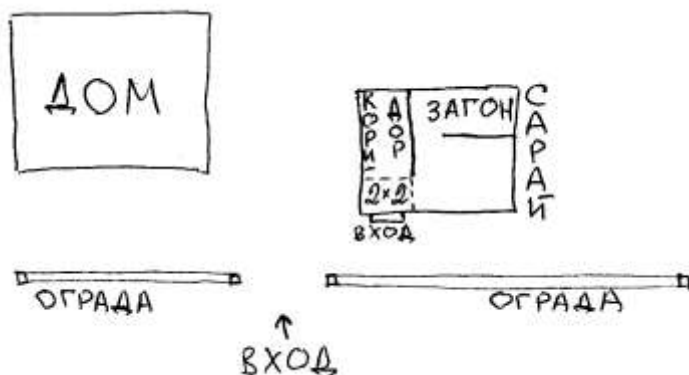

Рисунок 8.

Мой отец и двое его сыновей – мы втроём кладём брёвна в коридоре, но затем переносим их в «скотный загон» и начинаем распиливать. В конце заготовки край одного бревна ставит нас в

затруднительное положение своим размером: он длиннее одного чурбачка (рубленный на дрова он не войдет в печь), но меньше двух (так что либо обе части при дальнейшей распилке будут несколько короче необходимого, либо одна правильной, а другая – совсем негодной). Внук хозяйки дома, старушки лет восьмидесяти, советует, как нам следует поступить. Папа на наших глазах испаряется, и мы с братом начинаем колоть дрова. Выполнив свою повинность, уходим и мы; однако вскоре я возвращаюсь и на входе в сарай становлюсь свидетелем странной картины.

Смиренно склонив голову, в начале коридора разрешения своей судьбы ожидаю я сам (назову его «вторым я»). «Моя» причёска гораздо короче нынешней, такой длины были мои волосы год назад. Передо мной же молодой незнакомец – размытый серый силуэт – замахивается топором и наносит мне (второму мне, за которым я наблюдаю) сокрушительный удар по голове. Невозмутимо поправив пробор, «я» заново подставляю свой череп, и парень в очередной раз рубит меня остриём. Отравленный отчаянием о невозможности расколоть меня, юноша начинает беспорядочно молотить меня топором то в висок, то в темя, то в ухо. Понимая, что казнь закончится трагедией, я (теперь уже первый я) останавливаю кровопролитное насилие.

Кадр третий. После этого вход в сарай (тот, что два на два метра размером) начинается наполняться людьми и техникой. Сперва на подставке появляется телевизор, затем, уже с другой стороны, – видеокамера; наконец, по ходу действия множество снующих туда-сюда персонажей мешают производить съёмку. Камера представляет собой чёрный аппарат чрезвычайно малого (в черновике: «минимального») размера, как если бы это был футляр для кольца. Снаружи нет каких бы то ни было видимых объектов, и только одна горящая красным лампочка (точно такая, как на моём магнитофоне во время записи «Аэростата») свидетельствует о том, что включен режим работы.

Тем временем по телевизору – и это драгоценный камень всего сна – начинают показывать мультфильм. К концу второго

его эпизода мимо камеры начинает слоняться моя матушка и посторонние люди, и я высказываю им, чтобы они не мешали записи.

Мультфильм – по крайней мере, в той его части, которую я успел просмотреть – непривычно красочный для человеческого глаза и какой-то этнический; он состоит из двух удивительных эпизодов. Сами картинки, похожие на вышитые персидские ковры, сменяют друг друга, как перетекающие волны, или как летящие птицы. Сложно подобрать слова для описания этого шедевра.

Первый эпизод. В магическом ритуальном танце, как в поединке, слились двое кофейнокожих африканцев. Одеты они в красивейшие народные наряды. Один (тот, что находится слева) имеет усы, в руке он держит круглый щит; у второго (того, что справа) к коленям прикреплены меховые повязки. Прочие атрибуты национальных костюмов очень красочны, они напоминают филигранные вязаные мозаики. Обрядовые движения немного расплывчаты, это характерный почерк мультипликаторов. Периодически левый танцор наклоняется и поочерёдно целует правого в колени, ни на мгновение не переставая приплясывать в такт энергичной музыке.

Второй эпизод. Спустя череду неуловимых событий в рамке мультфильма возникают тонкие и блестящие, покрытые никелем рога двух газелей. Самих животных при этом совсем не видно. Костяные узоры плавно касаются друг друга, с нежностью гладят друг друга – одним словом, «целуются». Но вот между рогами склонившейся к земле газели появляются два крупных (больше куриных) яйца: бледно-розовое у основания и голубое повыше. В это время к первой паре рогов приближается вторая, несущая на себе третье – такое же голубое, как и второе – яйцо. Никелированные «вилы» соприкасаются, и со второй пары в первую опускается кальциевый овал. Причём расположение, форма и тонкость животных отростков напоминает бильярдную лузу, а снисходящее яйцо – закатывающийся в неё шар.

«Царское» село

Римский император, приказавший казнить одного из своих подданных за то, что тому снилось, будто он отрубил ему голову, был не так уж неправ, когда оправдывался тем, что тот, кто видит подобные сны, преисполнен таких же мыслей и в бодрственном состоянии.

Шольц⁴⁵.

В квартире огромного московского дома мы с братом проводим время в обществе двух девушек, ни одной из которых я не знаю по имени-отчеству. Одна барышня идёт на кухню, где усаживается у подоконника с цветами и разжигает траву. На столе стоят две бутылки дорогого вина. Мой брат – «барон фон Фирг» (хотя при прогулке я про это и забыл) – курит крепкие сигареты «Captain Black».

Спустя некоторое время я выхожу на улицу вместе с толстой девушкой. Уже в метро она говорит мне с тонким намёком, что не хотела бы этого в действительности:

– Если не хотите, можете не провожать.

Ничего не отвечая, я даю ей понять, что не покину её. Мы выходим на улицу и оказываемся на небольшой площади, в центре которой установлен зелёный танк, а рядом проходит маршрут автобуса №35. Не дожидаясь общественного транспорта, я сажусь в машину и еду в село Регино на восток от Москвы, где «меня знает один человек и движение не то».

Интермедия №1

<<Сны-фрагменты, виденные в разное время>>.

* * *

(i).

Юрий Шевчук играет на чёрной гитаре в сопровождении молодого флейтиста.

* * *

(ii).

3. Кошка с придавленной лапой неистово фырчит от боли: «300 лет ещё Ницше гнить будет».

* * *

⁴⁵ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 81.

(iii).

В двухэтажной больнице внутри нет лестницы. И, действительно, зачем она нужна, если на каждый этаж с улицы ведёт отдельный вход. Непонятно, правда, как забираться наверх, если лестницы нет и снаружи, но это неважно. Дверь на втором этаже периодически открывается, и оттуда мне кидают по поросячьему языку. Поймав очередной кусок, я вырезаю из него маленькие сердечки (или масть бубны).

* * *

(iv).

Из-за чёрной машины звёздной ночью Борис Гребенщиков кидал мне драгоценные камни. Сперва это были безупречные рубины и сапфиры (точь-в-точь как в игре «Diablo-II») – в огромных количествах и великолепного качества. Камни были превосходной огранки, но более всего поражал их размер: каждый из них уверенно помещался в ладони. В дальнейшем последовали самородки неограниченные, но зато с каждым разом эти подарки становились всё больше, они стали достигать прямо фантастических размеров. Помню мягко-золотистый топаз, казалось, добытый только что из горной породы и брошенный Гребенщиковым мне; – размером он представлял нечто среднее между булкой-рогаликом и батоном.

* * *

(v).

«Ханда-комэ» – магическое заклинание, выражающее мужское бессилие.

На каменных плитах храма

Хрисипп написал книгу о сновидениях как о божественном откровении. Он ссылается на искусные толкования снов как на истинные прорицания, но добавляет, что подобно всем другим искусствам, в которых людям приходится основываться на предположениях и искусственных правилах, они не непогрешимы.

К. Г. Юнг⁴⁶.

⁴⁶ Юнг К. Г. Архетип и символ.

Эпизод первый. Всеи семьёй мы едем продавать нашу «Волгу». Брат направляет в мой адрес упрёк в том, что я плохо вожу автомобиль; я прошу водителя остановиться и тогда, сев за руль, *назло* въезжаю левым боком в забор. Несмотря на это, мы невозмутимо добираемся до стоянки и выставляем машину на обозрение покупателям. Я выхожу из салона и осматриваю причинённые повреждения. На передней двери вмятина небольшая (хотя и заметная) около замка, а на задней обшивка пробита вглубь сантиметров на десять. Впрочем, отец и брат, как будто не замечая очевидного, утверждают, что неисправна, а, следовательно, и восстановлению подлежит только задняя дверь.

В это время к нам подходит первый клиент, спрашивает, почём наш товар.

– 180 тысяч рублей, – удовлетворяет его интерес отец.

Мужчина отходит. Тогда меня словно дёргают за язык, и я громко заявляю:

– 150 тысяч!

Брат и отец накидываются на меня, как коршуны, и предупреждают, чтобы в дальнейшем я такую низкую цену и называть не смел.

Эпизод второй. На углу заснеженного пятиэтажного дома (подъезда в четыре, не больше) я в нетерпении переминаюсь с ноги на ногу, нервно топчусь по шипучему снегу, кого-то жду. Вскоре на нескольких чёрных машинах появляются агенты; я должен передать им информацию о своём друге Богдане. Я здороваюсь с прибывшими и начинаю свой рассказ: многословный, сбивчивый, не всегда по делу. Через несколько минут из здания выводят того, кого я только что сдал властям. Все мы – каратели, доносчик и жертва, всего человек пятнадцать – садимся в *огромный*, чуть не больше квартиры, грузовик или вездеход с метровыми колёсами. По недовольному снегу едем к зданию управления на набережной Невы. Водитель спрашивает у своего начальства, как ему ехать: либо сразу повернуть к штабу, либо сделать ещё крюк до другого места по очень важному делу – как я понимаю, для спасения погибающих. Пока руководители обсуждают план действий, правое колесо автомобиля налетает на

высокий бордюр, и всю эту махину выносит на речной лёд и юзом несёт ко входу ведомственного центра.

Эпизод третий. По стенам холодного подземного этажа расположены камеры для заключённых. В них содержится всякий сброд низов общества: мужчины и женщины разного возраста, пропойцы, избитые, искалеченные. Одна опухшая женщина снимает со своей маленькой дочурки колготочки-штанишки и выставляет её за прутья, чтобы та пописала вне камеры. В этот момент я случайно оказываюсь поблизости, и девочка задевает меня.

Эпизод четвёртый, торжественный. В очень красивом, богато украшенном храме совершают Божественную литургию. Сегодня великий праздник, и поэтому служат по специальному, очень высокому церковному чину. Верующие занимают почти всё пространства собора; вместе со знакомым священником я стою почти в самом конце. На мне тяжким грузом лежат грехи, но не хватает сил перебороть себя и начать молиться; в связи с этим я испытываю тревогу и беспокойство.

Проходит некоторое время. Служащий священник выходит из царских врат и движется к центру, под купол, к другому священнику, только рангом ниже. Кажется, что последний – это отец Павел (из косогорского храма во имя Державной иконы Божией Матери). Второй иерей ложится перед первым на каменные плиты и тянется поцеловать ему обувь. Тот отстраняет ноги и одновременно наклоняется сам, чтобы облобызать своего духовного соратника. Намеченное ни у одного из иерархов не получается, и тогда лежащий священник начинает снизу стягивать со склонившегося облачение, и тот остаётся в одних только чёрных брюках и рубашке. Оба, наконец, поднимаются в полный рост, и нижний по чину целует вышему руку. С чувством выполненных правил приличия иерей как бы обыгранно начинает двигаться в центре храма по кругу, подавая всем свою целовальную руку. Прихожане с восторгом прикладываются к ней; делаю это и я, но как-то неуверенно, как будто продемонстрированный ритуал совершён не до конца.

После богослужения я выхожу из храма, но в одном из приделов замечаю огромную, великолепную библиотеку и, изумлённый, остаюсь рассмотреть её ближе. Книжное собрание представляет собой стоящие вдоль стен столы, на которых в длинных полках лежат до полусотни томов в каждой. Причём все книги – коллекционные, в изысканных коричневых обложках, древние. Несомненно, все они представляют собой раритеты (в день сна я нашёл второе – после «Амфисбены» – название для воображаемого личного издательства: раритет). Среди этих изданий немало совершенно недоступных и даже не дошедших до нас произведений многих гениев.

Коктейль Рязанова

За восемь дней до Эсмингского сражения маршал Ленн видел во сне свою жену в трауре и с погребальной урной в руках. Проснувшись, он с поспешностью написал ей письмо, в котором рассказал шутливым тоном этот необыкновенный сон. Спустя восемь дней ядро раздробило ему обе ноги, и маршал не перенёс ампутации⁴⁷.

3. В одном из ночных баров мы с моим классным руководителем по гимназии Павлом Валентиновичем Понариным стоим в очереди за напитками. Я немного задержался с другим своим знакомым, и теперь Павел Валентинович зовёт меня подойти. Мы делаем заказ и отходим к столику, где нас ждёт режиссёр Рязанов. Учитель истории сразу заявляет:

– Я – спать!

Невозмутимый классик русского кино делает знак бармену, мол: сделай-ка того-то и залей молочком; и расчёт Рязанова оправдывается на все сто: его молочный коктейль задерживает моего наставника и даже веселит его. Однако теперь уже я решаю покинуть компанию и, чтобы не повторяться, объясняюсь так:

– Спать не хочу, а пойду прогуляюсь.

(При этом я хотел сказать «Я по девочкам», но эта фраза не пришлась к слову).

⁴⁷ Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 423.

Раскланиваюсь и, передо всеми извинившись, выхожу на улицу.

В тёмном сквере мне встречаются четверо или пятеро южан. Решая не показывать своего страха, я демонстративно достаю студенческий билет и делаю вид, что теряю его, – документ звучно падает на дорожку за последним из молодых людей. Черноволосый красавец окликает меня и подаёт мне моё удостоверение, причём я вижу вложенную внутри сторублёвую купюру. Почти вырывая из рук благородного кавказца свой билет, я быстро перебираю ногами дальше и на первой же развилке поворачиваю налево.

«А ведь это начало нового фильма», – появляется у меня мысль, когда я пытаюсь посмотреть на ситуацию со стороны. Я начинаю сочинять музыку для вступления кинокартины, обдумываю титры, ищу оригинальное продолжение. Мою сосредоточенность неожиданно нарушает высокий человек тюремного вида:

– Дай закурить, – суровым басом приказывает он.

Я лезу в карман за сигаретами.

– И спички.

У меня есть только зажигалка, и я в волнении пытаюсь выловить её из недр своих хранилищ.

– Что ты так медленно всё делаешь! – возмущается тюремщик и в негодовании устрасяюще щурит правый глаз. Меня выручает случайный прохожий, ещё выше моего требователя ростом, который подаёт ему огнива. Брезгливо чиркая барабаном о кремний, уголовник замечает на зажигалке забавную, на его взгляд, надпись и начинает смеяться, комментируя её:

– Резина! Так кто же пишет «резина»!

Вокруг собирается человек пять, все они присоединяются к нахальному гоготу тюремщика. Плюнув на всё, я прохожу мимо. Через несколько десятков шагов за мной увязывается человек с гитарой. Он показывает мне два диска игры «Diablo-II», на которых розовыми буквами нанесена «пенистая» надпись: «Идём на войну». (С учётом того интереса, который я проявляю

к указанной игре, уже во сне у меня возникает побуждающая к действию мысль: «пора это записывать!»).

4. На остановке дк на Косой Горе вместе с родителями мы ждём 28-й автолайн. Подъезжает автобус «Экарус», немного подумав, мы заходим в салон и занимаем первые места. Гармошка только успевает тронуться, как справа её подрезает легковой автомобиль. Ехать очень сложно, и, в итоге, водитель останавливается и выходит из своей кабины, критически осматривая стоящую рядом с нами голую стальную конструкцию с четырьмя колёсами. Оказывается, это не что иное, как самолёт: три колеса у него спущены и изжёваны, и раздосадованный шофёр с горечью качает головой:

– Нет, ехать на одном нельзя.

– Можно, – внушает ему отец и аргументирует это цветом шинных ошмётков: они розовые!, а, значит, продолжать движение не запрещено.

Вновь обретя надежду, водитель преображается в авиатора и с оживлением рассказывает про специальный отряд дпс, проверяющий колёса самолётов, которого он так боялся, а сейчас, после слов отца, совсем успокоился. Только теперь, всмотревшись в лётчика, я замечаю, как сильно изуродовано его лицо: глубокий шрам на месте бровей, вместо носа – вмятина, а из-под образовавшегося на голове шлема автогонщика зияют овальные ожоговые раны вокруг горящих энтузиазмом глаз.

Воскресший Шукшин

Некоторые опыты сна приносят необычные плоды. То, в чём ваш разум активно заинтересован, показывает себя в снах. В Индии был святой по имени Тукарам Махарадж, получивший духовную инициацию во сне. В результате этого он достиг совершенства.

Свами Парахаманса Муктананда⁴⁸.

На «Ниве» брата едем за город. Выехав с Косой Горы, вскоре уже подъезжаем к пригороду Санкт-Петербурга. Вдали видны колокольня и пятиэтажные дома светло-коричневого то-

⁴⁸ Цит. по: Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 273.

на. По мере приближения к северной столице автомобильная дорога заметно ухудшается: изгибается, из асфальтовой превращается в старую бетонную, причём на пол-ладони затопленную.

– А правильно ли я еду? – спрашивает у меня брат. Я предлагаю остановиться и выхожу из салона. Немного вернувшись пешком назад, я замечаю спуск, по сторонам которого лежат сливы. Поскользнувшись на одной из них, я – и это в новых светлых штанах – качусь вниз и в конце больно ударяюсь задницей. Оставшийся наверху брат машет мне руками, предупреждая об опасности. Оказывается, я и не заметил, как увяз в топях!! На поверхности болота разбросано несколько сотенных купюр. Не успеваю я толком даже в последний раз полюбоваться ими, как быстро ухожу под воду. Чуть слышно из другой действительности, оттуда, где есть воздух, доносится голос кричащего брата:

– Ты же уже умер! Ты – Шукшин, который в 68-м году умер в «Москве – Петушках»!

Невозмутимо опускаясь всё глубже, я достигаю гранитного дна и, с усилием оттолкнувшись, всплываю наверх под синхронные Ромины комментарии. Течение сносит меня назад, к спасительному берегу, и мне удаётся ухватиться за надёжную руку подошедшего брата.

Снежная кабаниха реки

Дон Хуан описывал искусство сновидения как возможность использования обычных снов в качестве утончённого входа человеческого сознания в иные миры восприятия.

К. Кастанеда⁴⁹.

Что может быть прекрасней спокойных речных путешествий. А я плавал даже не по реке, а по разветвлённой и упорядоченной водной системе: со своими перекрёстками, развязками и правилами, строгими и конкретными, как дорожные. Более того, не все русла – или их ещё можно назвать каналами или «речными улицами» – были горизонтальными: среди них встре-

⁴⁹ Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 85.

чались также под спуск и в подъём, с многочисленными поворотами и развилками. «Обочины» речных путей были покрыты ухоженными, стриженными кустарниками. Одним словом, везде царил безупречный порядок. Но самое замечательное во всей этой идиллической картине заключается в том, что не путешественник, прилагая свои собственные усилия, движется по поверхности воды, а сам речной поток неустанно несёт его по течению. Так что от туриста требуется только заранее выбрать маршрут, так как вода не может одновременно течь в двух противоположных направлениях.

На одном «проспекте» я лоб в лоб столкнулся с крупным чёрным кабаном со зловещими клыками. Сильно испугавшись, я в нерешительности стал соображать, какие меры предпринять во избежание печальных последствий: то ли куда-то быстро свернуть, то ли выполнить иной, более неожиданный манёвр. Но, к моему счастью, всё разрешилось благополучно. Занятый своими мыслями, кабан свернул направо, не обратив на меня никакого внимания.

В другой раз, когда я спускался по одному небольшому ручью, я увидел плывущую по центральной проточной «магистрали» речную царицу – огромную, как свиноматку, пугающе-снежную кабаниху. Она была устрашающей на вид и вселила в меня неподдельный, панический ужас. Я онемел, буквально оцепенел от страха и безысходности: кабаниха плыла в мою сторону. Однако владычица и покровительница рек оказалась ко мне если и не благосклонной, то, по крайней мере, не беспощадной. Не соизволив заметить меня, она грациозно и важно, как лимузин, повернула вниз, к камышам.

Корова из чёрного шёлка

В детстве мне снился один и тот же сон –
Что я иду весел, небрит, пьян и влюблён.

Борис Гребенщиков⁵⁰.

⁵⁰ Аквариум. «Беспечный русский бродяга» (2006). «Голова Альфредо Гарсии».

Грозные мафиозники заставляют меня убить чёрную корову. Вкладывают в руку нож, подводят к животному. Передо мной стоит красавица корова, шерсть – как изысканный чёрный шёлк, с белыми, снежными, вкраплениями-пятнами. Меня в буквальном смысле подталкивают к злодеянию. «У-у, – неожиданно догадываюсь я, – эта корова – ранняя инкарнация Гребенщикова».

– Нет, – уверенно заявляю я владельцам ножа, возвращая им клинок. – Только теперь я проник в суть индуисткого принципа отношения к животным: «Не убивай никакого животного, ибо оно может быть предшествующим воплощением Гребенщикова!».

Недюжинный Табаков

Сновидение является освобождением души от оков чувственности, от власти внешней природы.

Шуберт⁵¹.

Эпизод первый. Такая удача бывает раз в жизни. Сегодня я заключил договор с театральным режиссёром, большим другом Анатолия Смелянского. Но главное, что он дал мне номер телефона Олега Табакова и заверил, что я могу представиться как человек, рекомендованный *им* руководителю «Табакерки».

Собравшись с духом, я, наконец, набрал заветные цифры, и через несколько гудков трубку подняли.

– Алло, – в волнении произнёс я. Мне никто не ответил, и я быстро повторил полуприветствие-полумольбу: – Алло!

На другом конце провода с детства знакомый голос шутиливо, явно пародируя мои робкие потуги, продублировал свой ответ:

– Здравствуйте. Здравствуйте.

Обрадованный, как ребёнок, я не обратил совершенно никакого – даже не восхитился находчивостью собеседника – внимания и долго представлялся, поясняя, кто и когда меня рекомендовал. При этом, не подготовившись, как следует, я не был уверен в отчестве великого актёра и постоянно старался заме-

⁵¹ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 78.

нить обращения. Насыщенный выдох «у-у» в трубке деликатно намекнул, что моя персона в первом приближении проидентифицирована и что я могу переходить к изложению своего дела. Указав причины своего звонка, я скомканно оборвал доклад и от безысходности и безнадёжности попросту умолк.

– Сдюжим, – спустя паузу ободряющим и покровительственным, и в то же время добрым тоном ответил Олег Павлович, лаконично уложившись в одно единственное слово, и положил трубку. И так просторечно и одновременно аристократично из этих, кажется, интеллигентных сами по себе уст прозвучала эта искра поддержки, что на сердце стало как-то легко и спокойно. Что и говорить: недюжинный человек.

Эпизод второй. После столь великой победы, как личное соглашение с Табаковым, я до двух часов ночи кутил, как отвященный. Моя гурьба продолжилась бы и дольше, если бы не одно возмутительное обстоятельство. В одном увеселительном заведении, запомнившемся своими зелёными занавесками на входе в залу и длинными путаными коридорами, мне нахально подмигнул сидящий на диване зрелый педераст с портфелем на коленях. Именно тогда я понял, что во избежание неприятностей мне следует остановиться, и начал закругляться. Именно поэтому я так недолго и прогулял.

Уже на улице (на месте магазина «Косогорский») я заметил машину отца Льва – минивэн «Volkswagen». А, так как я был навеселе, то решил не навлекать на себя беды и пошёл пешком, даже не скосив взгляда на свою припаркованную рядом «Волгу». (Ссылка в черновике: «Заметьте: оба авто – бутылочного цвета»). Странное дело: время позднее, но, проходя мимо перекрёстка, я встретил трёх джентльменов на велосипедах, совершавших своеобразный ночной моцион. Я согласен, джентльмены бывают разные, в том числе со своими причудами; но, кроме того, что они раскатывали в полной темноте, вместо руля они держались за железные крюки различных форм, сильно напоминавших металлоискатели. У замыкающего колонну этот необходимый атрибут лёгкой велопрогулки был ярко-жёлтый. Остановившись в

недоумении и похлопав глазами, я проводил взглядом экстравагантных господ, пожал плечами и побрёл дальше.

«Тротуарный роман»

Сновидение – «десять пальцев немзыкального человека, бегающих по клавишам инструмента»⁵².

В последнее время я никак не могу оторваться от одного романа. Читаю его, как зачарованный, взхлёб, настолько он интересен и увлекательно написан. Даже сейчас, в этот ясный и солнечный день, когда я иду по тротуару, то перелистываю страницы, не обращая никакого внимания на прохожих. Однако всякому удовольствию наступает конец, и – надо же мне заниматься своими делами – я решаю, в каком памятном месте произведения заложить в книгу закладку. Остановившись у входа в некое здание с выложенными плиткой ступенями, я дочитываю абзац и с сожалением закрываю роман. Только теперь я замечаю, что на улице проводятся ремонтные работы и через дорогу оглушительно бьют нефтяным долбилем камень или асфальт. Тем не менее моя увлечённость не проходит совсем, и, обращая внимание на декоративную плитку ступеней, я начинаю «читать» её как продолжение моей книги. «Хоть они платили больше прежнего, – извлекаю я текст из монументального памятника улицы, – получали тот же угол; фунт за копейку».

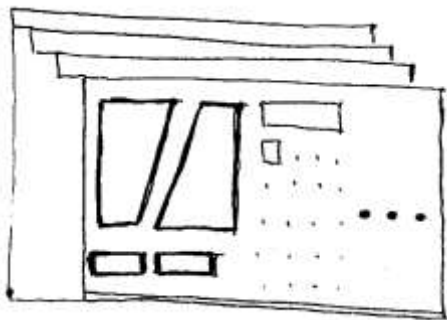

Рисунок 9.

⁵² Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 93.

При этом понимание зашифрованных слов не представляет для меня трудностей: я ведь и раньше, когда читал бумажную книгу, часто обращался к асфальту и бордюру для получения из них ссылок и толкований непонятных мне мест.

Находчивая рука

Кондора думал во сне свободнее, чем в бодрствующем состоянии.

К. Г. Юнг⁵³.

Пожелтевшие листы старых книг, книг «в осенней поре», так приятно пахнут густым спокойствием прошлого. Людей, писавших эти тома, наверное, давно уже нет в живых, но через запечатлённые на страницах чернила они разговаривают с нами, сообщают о своих делах и событиях в обществе. Пройдёт ещё век, и больше, и эти книги превратятся в ветхие фолианты и будут дышать уже хриплым забвением, окутанным длинной бородой времени.

Такие размышления проходят в моей голове, пока я сижу в архиве и разбираю многочисленные дела различных описей. Жизнь здесь начинает течь медленней и, погрузившись в былое, подчас забываешь о неслышном ходе часов. На улице стемнело, вечер. Ещё один истрёпанный журнал – и домой.

Но что это? Откуда-то из середины толстой тетради на пол выпадает жёлтая банковская карта: современная, обычная кредитная карта. В пакете на стуле лежит ещё одна такая же (во вторник снимал деньги с двух карт: со своей и отцовской). Есть у меня синяя, будут и две жёлтые; и, не подавая вида, я кладу находку во внутренний карман и беспрепятственно покидаю здание архива.

Дома, уже в кровати, я задаюсь вопросом, куда бы убрать «свои» реликвии. Открываю тумбочку (там в беспорядке разбросаны игральные карты), сверху кладу две пластинки и закрываю ящичек, после чего засыпаю сном убитого младенца.

Во сне (во втором сне) чувствую в руках какой-то предмет, но не знаю, так ли это на самом деле или только ночная фанта-

⁵³ Юнг К. Г. Архетип и символ.

зия выкидывает свои шуточные фортели. Но так сладка моя дрема, так нежно греет меня заботливая подушка, что совсем не хочется открывать в этот момент глаз и проверять своих сомнений. Думаю, дай отведу руку и «уроню» вещь: если я услышу звук её падения, – значит, в ладони, действительно, что-то было; а на нет и суда нет. Выставляю руку над полом и расслабляю пальцы. С глухим стуком опущенный предмет ударяется о ковёр. Делать нечего, и я очень лениво, с большим трудом поворачиваюсь, чтобы поднять неизвестного нарушителя моего спокойного сна. Им оказывается аудиокассета (в тот день я записывал «Аэростат») с тремя завитками плёнки. С тихим скрипом открывается дверь в мою комнату, и я, быстро приняв соответствующее положение, притворяюсь спящим, причём болезненно, смертельно спящим. Входит матушка и, по-видимому, внимательно посмотрев на меня, нажимает мне пальцем под нос, чтобы проверить, действительно ли я нахожусь в мире ночных грёз или же только обманываю её.

(В первом уровне сна (то есть в той обстановке, где происходит действие всего сновидения) я чувствую, что мне дурно, нехорошо, и пытаюсь открыть глаза. Поднимаю веки (уже в реальность из сна) с трудом, словно испытывая сильное сопротивление. Оказывается, что кровь собралась в теменной части головы и по моём пробуждении отлила оттуда; мне стало лучше).

Дворкин против льва

Некто Симонид, которому нужно было на другой день ехать на корабле в Делос, найдя на дороге труп человека, позаботился о его погребении. Ночью ему приснился этот покойник, который предупреждал его не садиться на корабль, где ему было уже приготовлено даже место, потому что его ожидает гибель. Сон произвёл на Симонида сильное впечатление, и он переменил намерение. Через несколько дней пришло известие, что корабль со всеми пассажирами, действительно, потонул⁵⁴.

Яркое летнее солнце радостно освещает незнакомый мне двор. На улице очень много людей, человек тридцать (как кажется

⁵⁴ Дьяченко Г., свящ. Область таинственного. М., 1900 – 1992. С. 466.

во сне; в бодрственном состоянии по пробуждении я оценил их количество вдвое меньше – в пятнадцать). Из дальней арки появляется красующийся, словно «гарцующий» на своих лапах лев. Публика в панике и оцепенении замирает на месте и раскрывает рты. Первым, кто совершает попытку к спасению, оказываюсь я. В центре двора растёт дерево в виде буквы «У», раздвояющееся в середине своей кроны в разные стороны; в несколько прыжков я достигаю этого разветвления. Моему примеру решают последовать и все остальные и, несмотря на многочисленность испуганных появлением зверя, все они облепляют ветви безо всякой суетоки, совершенно не мешая друг другу.

Из противоположной арки появляется Дворкин в сером костюме, по его виду понятно, что он принимает бой со львом один на один и совсем не страшится противника. В следующую минуту Александр Леонидович принимает облик худой и костлявой собаки (я не вижу этого перевоплощения, воспринимаю его *post factum*) и начинает гнать тирана ко входной двери одного из подъездов. Причём в моём сознании этот процесс оформляется обратным по смыслу выражением: «лев преследует Дворкина». Решаясь помочь в схватке своему преподавателю, я спрыгиваю на землю и подбегаю к углу тротуара у подъезда, чтобы открыть входную дверь. Поддавшись на уловку, лев бросается внутрь, но за ним следом кидается и собака, так как всё-таки «лев преследует Дворкина», а, значит, он же и *загоняет* в подъезд свою «жертву». Однако, трезво оценив происходящее, собака вразумляется и выбегает обратно на улицу. Я быстро закрываю дверь, и таким образом испуганный и растерянный лев оказывается взаперти.

Старуха музыки

Он проснулся уже ночью: луна озаряла его комнату. Он взглянул на часы: было без четверти три. Сон у него прошёл; он сел на кровать и думал о похоронах старой графини.

А. С. Пушкин. Пиковая дама, V⁵⁵.

⁵⁵ Пушкин А. С. Сочинения в трёх томах. Том третий. Проза. М., 1987. С. 209 – 210.

Просторный, очень светлый двухэтажный дом наполнен совершенно неповторимой – древней музыкой. Мастерски резвые, но при этом очень мелодичные, напевные переливы веселят моё ухо. Я не помню этого слухом, но на уровне внутреннего знания (у-знания) мне кажется, что поют волынки. На самом деле, думаю, то звучат металлические духовые: флейты или саксофон. Но музыка, исходящая от инструментов, является поистине даже не магической, а именно – древней; лучшего слова я не могу подобрать. В ней есть немного от кельтов, от эльфов. Я на телесном уровне ощущаю чудесное воздействие на себя безупречной игры: она извлекает скрытую в глубинах сознания радость наружу так, что в буквальном смысле хочется пуститься в пляс.

Однако, наслаждаясь этой неземной музыкой, я попутно тороплюсь спуститься со второго этажа на первый. Вот я уже на лестнице, вот, наконец, у входных дверей – белых, как и всё в этом особняке-полудворце: естественно освещённый интерьер, мебель из слоновой кости, ступени из светлого мрамора. Теперь же из глубины дома в густой ауре выходит старуха вся в тёмном, выделяющаяся в обстановке, как чернила на бумаге. Не смея посмотреть ей в лицо, я кланяюсь старухе в пояс, когда она проходит мимо меня. Но это совсем не страх, скорее, почтительность, даже соблюдение этикета. И лишь когда старуха удаляется на значительное расстояние, я осмеливаюсь поднять глаза и убедиться, что её уже здесь нет.

Ю Люблю Я

Tous songs sont mensonges⁵⁶.

Снится мне девушка Ю. на курс меня младше. Живёт она в светлой, но небольшой квартире со своей бабушкой; но бабушки сейчас нет дома. Меня очень волнует моя причёска: правая часть головы (в черновике: «правое “ребро”») выбрита почти наголо, а левая – рослая. Но в конце концов это и неважно, ведь средоточие всех моих устремлений и желаний – именно Ю., и, когда я беседу с ней, то забываю обо всём остальном. Я не помню содер-

⁵⁶ Все сны обманчивы (фр.).

жания нашего разговора, но знаю, что общение приносит нам обоим радость и наслаждение. А как иначе, ведь Ю. – такая красивая, милая...

Хороший сон.

«Промышленность и торговля в Москве на рубеже XIX – XX веков»

Плутарх сообщает, что когда Август был болен, его другу приснился сон, заставивший императора покинуть свою палатку, которую спустя несколько часов захватили враги, и его постель была изрублена вражескими мечами.

К. Г. Юнг⁵⁷.

Эпизод первый. По федеральной трассе я еду на машине с юга, где прекрасно отдохнул и набрался сил. По ошибке поворачиваю не в том месте, проезжаю один пост дпс, ещё через тридцать метров – другой, а за ними меня встречает тупик. Разворачиваюсь, возвращаюсь назад. Довольный гаишник, в сладком предвкушении помахивая своим жезлом, как диакон кадиллом, останавливает меня на досмотр. Я предъявляю милиционеру документы, но он указывает мне следовать за ним и ведёт меня по дачном проходу вниз.

– Проверка займёт часа три, не больше, – успокаивает меня инспектор, – но зато по её окончании мы тут же отдадим документы.

– Нельзя ли совершить процедуру побыстрее, – в ответ непрозрачно намекаю я, и гаишник меня прекрасно понимает. Мы договариваемся о взятке в пятьсот рублей, и, что называется, «доложив» инспектору, я уезжаю восвояси.

Эпизод второй. За соседним («охринским») домом у меня на Косой Горе сегодня возле ступенек чёрного хода оживлённое собрание. Один из жильцов вынес на улицу телевизор, и теперь весь двор с горячностью обсуждает транслируемый футбольный матч. На поле играют «красные» и «синие», никаких других опознавательных знаков на экипировках спортсменов нет. Синие переходят в атаку, и в суতোлке у ворот защитник красных

⁵⁷ Юнг К. Г. Архетип и символ.

забивает в свои ворота. Болельщики отличившейся команды радостно вскидывают руки, приветствуя такую досадную ошибку своих противников. Показывают замедленный повтор, и я понимаю, что гол забит не «своим», а нападающим синих, хитро прокатившим мяч между ног соперника. Комментатор матча, тоже поначалу не усмотревший уловки, в восхищении поясняет:

– О, это фирменный приём, к сожалению, забытый сегодня, но от которого не отказался такой-то синий (при этом он называет автора футбольного шедевра), продемонстрировав высокий уровень своего мастерства.

Эпизод третий. В военное время студенты нашей группы сидят на кафедре. Юрий Викторович Земцов читает лекцию, тема которой дословно звучит так: «Промышленность и торговля в Москве на рубеже XIX – XX веков». Периодически из пробитых крыш сыплется земля от падающих бомб, в некоторых местах стены превратились в руины. Декорации опустевшего города и голые деревья осени будто погружают мир в безразличную и усталую скуку; на улице ведётся вялый обстрел.

Но совсем другое настроение преобладает у нас на занятиях. Мои одноклассники отвечают, вкладывая в свои сообщения душу, идёт интересная и насыщенная различными сведениями дискуссия. Я же сижу, что называется, хлопая глазами. Ничего из того, о чём говорят в полуразрушенной аудитории, мне неизвестно. Более того, я даже незнаком с некоторыми понятиями, которые употребляют студенты и преподаватель. Ко времени, о котором идёт речь, у меня уже исписана нижняя часть предыдущей страницы и верхняя – следующей, оборотной. И большую часть из всего конспекта представляют собой новые понятия и их определения.

Юрий Викторович задаёт группе некий вопрос. Антон поднимает руку и начинает отвечать о «ременах». Это слово образовано из трёх составных, каждое из которых отдало от себя по начальному слогу (по принципу: Бенелюкс = Бельгия + Нидерланды + Люксембург). «Ремена», таким образом, обозначает сословие с общим названием для трёх подсословий: ремесленников и двух других, которых я не запомнил.

Эпизод четвёртый. В ожидании поезда народ толпится на платформе. У меня в кроваво-красной котомке лежит пистолет, из которого я намерен застрелить одного человека из прибывающего поезда. По рельсам, успевшим покрыться снежинками, проходит первый состав, и я уже собираюсь «встречать» свою жертву, как неожиданно – что называется, прямо под нос – выкатываются два или три служебных вагона, преграждающих встречающим путь. В волнении я тороплюсь обежать препятствие, как сзади прибывает ещё и электричка. Весь мой замысел у меня на глазах накрывается медным тазом.

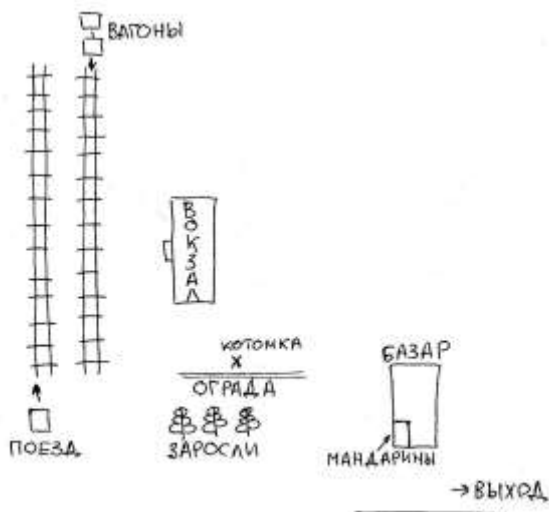

Рисунок 10.

Раздражённый, я лезу в котомку, но тут замечаю, что оставил свой заветный узелок у ограды рядом со зданием вокзала – скорее туда! Задыхаясь от бешеного бега, я хватаю свой «тайник» и сбиваясь с ног несусь обратно с одной-единственной мыслью: лишь бы не опоздать. У нужного мне вагона в недоумении переминаются четверо или пятеро мужчин.

– Двери-то не открылись, – разводя руки, сообщают они мне.

Как хорошо, значит, я ещё могу успеть совершить задуманное. Однако состав, так никого не выпустив и не впустив,

трогается с места и начинает ускоряться. В новом приливе злости я ещё пробегаю некоторое расстояние по платформе, как из громкоговорителей раздаётся информация: «Идите к дпс-никам, они вас устроят». С большой обидой на железные дороги мы с бабушкой спускаемся к базару и, решительно шествуя мимо южан, останавливаемся у одного из лотков с фруктами и покупаем два или три мандарина.

Шампанское «Ясная Поляна»

Не стой под грузом, иначе войдёшь в его сны.

Борис Гребенщиков⁵⁸.

Эпизод первый. В воскресном эфире канал нтв встречается немало интересных передач. Сегодня одна из таких программ, посвящённая актуальной теме, сильно встревожила и возбудила меня своим содержанием. Сразу после её окончания звучит музыкальное вступление из «Аэростата». Я выслушиваю всего два такта и выключаю телевизор.

Эпизод второй. Бывают настолько оригинальные подъезды, что наряду с многочисленными историями мавзолеев, туалетов и бань, должна быть написана и «История подъездов».

Вряд ли не вовлечённый в тайну обыкновенный прохожий скажет, где находится кафедра теологии в Туле. Тем, кто не в курсе этого, я сообщаю: она располагается в квадратной выемке в стене того подъезда, по которому мы сейчас идём. Я захожу на кафедру почти голый, закрывая свой уд небольшим сувенирчиком. Мои одноклассники Павел, Евгений и Александр смеются надо мной напропалую. Последний из них, посоветовавшись с первыми двумя, подбегает ко мне и отнимает мой сувенир. Обиженный, я возвращаюсь на улицу и босиком иду по новому снегу. При этом мне постоянно кажется, что кто-то наблюдает за мной из окна. (Примечание в черновике: «В тот день думал о фотографии для электронной версии «Клепсидры»: хотел запечатлеть себя в Ясной Поляне голым, но с бутылкой шампанского в руке на уровне пояса»).

Эпизод третий. Голый, я убегаю от своей старой знакомой, путаясь в хитросплетении коридоров и комнат. Оказыва-

⁵⁸ Аквариум. «День серебра» (1984). «Выстрелы с той стороны».

юсь в полутёмной комнате, отделанной изнутри в бутылочный цвет, с одиноким столом в центре. В панике я прячусь за этот единственный атрибут мебели. Моя знакомая врывается следом за мной. Как грозная пантера, она ищет меня глазами, но не видя никого, кроме какого-то голого дохляка у входа (которого я и сам вначале не заметил), начинает звать всех остальных юношей: гимназистов и студентов. Все они сбегаются на её голос – моё убежище оказывается баней, – и меня неизбежно обнаруживают. Со всех сторон раздаётся громкий смех, улыбки раскрываются, как цветы на солнце. Несколько уколотый этими насмешками, я припугиваю окружающих:

– А ведь я могу и исчезнуть! – делаю жест руками и, действительно, исчезаю. Точнее, становлюсь невидимым для всех присутствующих в бане. Меня никто не замечает, словно меня и нет, но самого себя я ощущаю телесно.

«Невидимый», я покидаю комнату, из которой только что вышла моя знакомая, и за дверью пристаю к девушке. Передо мной она стоит в одной лёгкой ночной рубашке, соблазнительно прикусывая губку. Я поднимаю ей подол. Чувствую, что всё у неё лошадино: мощная, как у кобылы, фигура, массивные ноги. Моя подруга обнимает меня, и мы вдвоём испаряемся из помещения.

Эпизод четвёртый. Под покровом ночи я тайно, через окно проникаю в гимназию. В комнате младшего класса бесшумно, не касаясь пола, сажусь на пол, скрестив ноги. В холле отец Михаил пылесосит ковры. Несколько раз проходя мимо двери в мой класс, он, наконец, замечает меня и начинает меня корить. Я почти не воспринимаю его критику и совсем не краснею, разве что чуть-чуть.

Эпизод пятый. Азартные игры не имеют границ, и вот теперь игровые автоматы появляются и в самых отдалённых деревнях. Будучи городским жителем, я принимаю на себя почётную обязанность на собственном примере показать местному населению, что нововведения совсем не стоит страшиться и обходить стороной и что умный человек может даже заработать на этом денег. Однако не в моих свойствах растрачиваться на пу-

стяжки, и, вкладывая первоначальный взнос в устройство, я параллельно нахожусь в физической близости с несколькими дамами поочерёдно (примечание в черновике: «В тот день читал про Сан Мён Муна, это, что ли, сказывается»). Вложив всего 50 рублей, я с каждым новым ходом увеличиваю свой выигрыш. В конце выигрышные ставки доходят у меня до $\times 20$ и даже до $\times 75$. Облепившие меня поселяне отвлеклись даже от моих обнажённых спутниц и теперь безотрывно, с трепетом следят за картинкой на экране. «Закончить, – думаю, – стоит красиво: если удастся увеличить сумму в 75 раз, то сразу сниму». Риск оправдывается, и я уже объявляю, чтобы мне отдали приз, как замечаю, что последняя ставка умножилась не в 75, а в 300 раз.

В кассе мне выдают пять или шесть (я без внимания отношусь к своему «заработку») купюр достоинством в 1000 руб. и два-три червонца. Две банкноты нечаянно выскальзывают у меня из рук и падают на пол кассы. Я обращаюсь к женщине с просьбой поднять их, но та возвращает мне только одну тысячу (вторую забирая себе), после чего конфисковывает такую же купюру из моих рук. Так что, в буквальном смысле сбывается поговорка: что упало – то пропало. Делать нечего, ухожу с тем, что есть.

Во второй половине дня в деревню приезжают мои родители. Я начинаю хвалиться им своими успехами. Достаяю из правого заднего кармана джинсов три десятки (про себя думаю: значит, крупные остались в левом), верчу их в руках в предвкушении своей демонстрации победоносных тысяч. Наконец, вытаскиваю основной «улов», но вместо четырёх тысяч вижу четыре червонца. Оказывается, купюры обратились в кармане десятками. Игровые автоматы обманули меня (комментарий в черновике: «В тот день сочинял «Занавеску» для «Клепсидры»: может быть, упоминание Берлиоза повлияло»).

Семидесятилетие Гребенщикова

А тем, кому не спится,
Открою по секрету
Один замечательный факт.
Вот я считаю звёзды,

А звёздам счёту нету,
И это действительно так.

Борис Гребенщиков⁵⁹.

В тёмной и тесной квартире Аквариум даёт юбилейный концерт. Гребенщиков, с гитарой в руках, сосредоточенно смотрит на струны, наигрывая вступление к энергичной мелодии. Борис Борисович предстаёт перед слушателями в неизвестном мне иконографическом типе. Седая, кое-где перемежающаяся с чёрным, щетина оканчивается ярко-синими отливами под бакенбардами («на углах»); по короткой стрижке музыканта нельзя даже судить о причёске: в привычном (в приложении к Гребенщикову) смысле её, можно сказать, и нет. Особенно удивляет отсутствие бороды, но, главное, – БГ без очков! Глаза патриарха русского рока уже не молодые, они – беспокойный стальной океан, переливающийся расплавленным, но холодным металлом. Совершенно непривычно видеть Гребенщикова таким.

Квартирник происходит в комнате с одним пластиковым окном у левого угла. Свет выключен, а музыканты играют у стены, поэтому их сложно рассмотреть в вечерних сумерках. Помимо руководителя группы, лицом к улице стоит смутно различимый на фоне декораций Игорь Тимофеев в своём нынешнем возрасте. Он исполняет партию на деревянной флейте, но держит инструмент не у рта, а под наклоном от живота, как древко или знамя, как бы «поднимая» его вверх. Соответственно, и пальцы для игры располагаются необычно: два больших упираются в трость сверху, а фаланги, напротив, зажимают отверстия снизу. В этом эпизоде Гребенщиков исчезает, становится невидимым, наряду с тем, что незаметны и остальные музыканты группы.

Сразу после концерта я решаю просмотреть клип Аквариума. В нём на лестнице на второй этаж, ступенек за пять до верха, стоит Гребенщиков образца 1994-го года, с густым хвостом длинных волос. Находясь в чёрно-белой кинорамке, БГ поёт неизвестную, раритетную песню, с предельно острым нервом и резким социальным манифестом. Съёмка происходит со второго

⁵⁹ БГ и А. Васильев. «Звездочёты» // «Неголубой огонёк».

этажа, а там тем временем – во всех цветах – появляются пятеро музыкантов группы в радостно-ярких нарядах. Несмотря на то, что из них я помню только Шара и Рубекина, число «пять» – точное, так как основано на следующем происшествии.

Держа в руках вертикальную подставку для верхней одежды, из служебного входа появляется официант, а, точнее, – администратор того ресторана, в котором разворачиваются события. Суровое, почти воинственное лицо распределителя свидетельствует, что он настроен крайне решительно и бросает вызов сразу всем пятерым; музыканты в ожидании умолкают. Администратор снимает с крюка пальто и резко, движением одной кисти, кидает его Тимофееву (которого я смутно припоминаю); освобождает с вешалки куртку – и швыряет её Суротдинову. Те же действия выполняются в отношении ещё двух музыкантов Аквариума. Но дело в том, что одежда в каждой из пар роздана неправильно. Пальто, доставшееся Тимофееву, на самом деле принадлежит Суротдинову, и наоборот: куртку, оказавшуюся у скрипача, обыкновенно носит флейтист (в черновике: «первый держит пальто второго, а второй – куртку первого»). Такое же правило действует и в случае второй пары. Поэтому все четыре музыканта мгновенно, всего в одну секунду, не сговариваясь перекидываются вещами и акробатически ловят каждый свою:

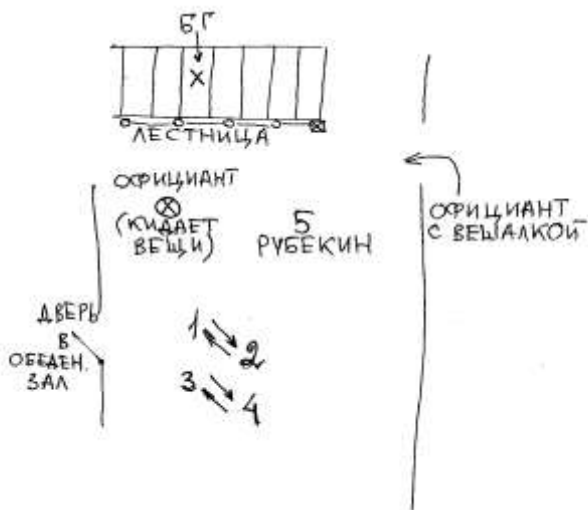

Рисунок 11.

Суротдинов ↔ Тимофеев

Кудрявцев ↔ Шар

По окончании процедуры все четверо, как бы «выиграв» у распорядителя состязание, исчезают в надменном молчании.

В итоге, на втором этаже остаются только Рубекин и официант с последней вещью на подставке. Администратор находится в метре от клавишника и смотрит последнему прямо в глаза: музыкант невозмутим. Наконец, подлый ресторатор рывком срывает с крюка одежду и со всей силы кидает Борису в лицо – тот же, даже не моргнув глазом, победоносно ловит своё пальто одной рукой и молниеносно облачается в него. Как настоящий благородный муж, с учтивым уклоном Рубекин благодарит представителя заведения за ужин и спокойным шагом покидает зал.

Малая «Клепсидра»

Под влиянием сна Цецилии Метеллы, жены одного из консулов, римский сенат решил отдать распоряжение о перестройке храма Юноны.

К. Г. Юнг⁶⁰.

⁶⁰ Юнг К. Г. Архетип и символ.

*Я прочёл в древнегреческом свитке:
«Гомер. “Илиада”. Печатал в “Визитке”».*

Да, издательство «Визитка» мне настолько симпатично, что я посвятил в его честь процитированное двустишие. Эти игривые строки позже вошли в «Занавеску» журнала «Клепсидра» (с. 96), работы над оформлением которого велись в дочернем предприятии «Шара». Но ко времени сновидения до выхода издания в свет оставалось ещё две недели. И если постараться стереть сейчас из памяти те замечания, которые были здесь приведены, то станет понятным то возмущение, которое я испытал в нижеследующем сновидении.

Радостным осенним днём я захожу в издательство «Визитка» на проспекте Ленина. Нина Ивановна Галкина, человек, которой я более всего обязан в деле публикации моих сочинений, говорит мне, что журнал готов и что она вынесет сейчас мою долгожданную «Клепсидру». Пока сотрудница издания забирает из печатного отдела мой труд, я в нетерпении и предвкушении потираю руки, счастливо улыбаясь, как ребёнок, которому, наконец, покупают игрушку, о которой он так долго просил.

Нина Ивановна выносит мне неоконченный каркас, часть «Клепсидры», но тут же уточняет:

– Здесь, правда, не всё, но мы печатаем.

Я беру в руки сшитый, а, скорее, даже и просто наскоро склеенный текст и с ужасом обнаруживаю грубейшие ошибки в его оформлении.

Во-первых, в издании всего 61 страница. Даже странно, что это число не только не кратно четырём (как того требуют элементарные подсчёты) – но оно вообще нечётно.

Во-вторых, размеры листов не соответствуют любым представлениям о журнале: вместо крупного фолианта передо мной лежит книжица, с лёгкостью умещающаяся в руке. Однако это даже и не книга, а простая брошюра, так как в ней нет и обложки. Поэтому и уместно сказать, что «Клепсидра» – малая (а если совсем грубо, то и «мелкая»).

В-третьих, совершенно изменена авторская разбивка по главам. Будучи собранием тринадцати газет, каждый раздел журнала начинается с соответствующего номера. В выданном же мне варианте разбивка по выпускам (с упоминанием слова «Клепсидра» в начале каждого пункта) отсутствует как таковая,

вместо неё представлены только названия статей, данные, к тому же, не мною самим, а каким-то посторонним лицом.

В-четвёртых, весь текст напечатан другим шрифтом и мелким кеглем. Обладая безупречным зрением, я иногда попросту не могу различить некоторых букв и путаюсь в прочтении предложений.

Наконец, в-пятых, издательство – по своей собственной инициативе – в начале каждой статьи вставило по чёрно-белой фотографии различных известных лиц. Изображения небольшие, приблизительно 4х5 см. В одном месте на читателя смотрит серый Александр Абдулов. В другом – бледный Юрий Михайлович Лотман лежит при смерти то ли в ванне, то ли на сдвинутых стульях. При этом неясно, какое отношение имеют эти и прочие представители культурной элиты к моему произведению.

Сильно удивлённый зрелищем того, как можно извратить авторский замысел, я тем не менее сдерживаю эмоции и спрашиваю, что мне нужно сделать, чтобы журнал был завершён в соответствии с моими требованиями. Нина Ивановна отвечает, даже не понимая, что я недоволен представленным мне вариантом:

– Все действия можно выполнить в «Визитке». (В действительности, при подготовке «Клепсидры» издательство только оформило обложку и скрепило её с основным текстовым блоком в единый корпус).

Я не удовлетворяюсь таким ответом и переспрашиваю уже утвердительным тоном:

– То есть я могу доделать у вас и сам текст, и обложку.

– Да, конечно, – мило улыбаясь, кивает головой Нина Ивановна.

Семьдесят тысяч бесов

«...зубчатые ритуальные ножи для извлечения крови выполнялись исключительно изящно и представляли собой настоящие произведения искусства. По своей форме они напоминали тех самых «змеев сновидений», которые являлись в видениях практикующим кровопускание...

При потере крови в ходе ритуала мозг вырабатывает вещества, стимулирующие появление галлюцинаторных

видений. Древние мексиканские шаманы – «видящие» – достигали этого эффекта намеренно»⁶¹.

Четвёртый эпизод. Вместе с моим другом Костей-психологом мы едем на моей «Волге» без шипов. На Ивановских дача машина глохнет и начинает катиться, после чего быстро останавливается на обочине. Однако, находясь на наклонной поверхности, мы постепенно возвращаемся назад на проезжую часть, по которой к нам приближается автобус. Из всех сил я давлю на тормоза, но как назло они подводят в самый ответственный момент. Уже приготовившись к страшному удару, мы с Костей в самый последний момент успеваем освободить занимаемую полосу, по которой тут же пронесется десяти-тонный монстр со вжавшимся в штурвал водителем. Переведя дух, мы, однако, понимаем, что находимся теперь на встречной, а скорость нашего качения неизбежно растёт. Мимо заправки «Волга» стремительно «течёт» к гаражам, откуда как раз выезжает оранжевый «Камаз». Пытаясь спасти наши жизни, я поворачиваюсь к заднему стеклу и, нервно манипулируя рулём, «объезжаю» грузовик и попадаю во второй или третий проезд. (В действительности, там есть только один проезд). Закатившись на небольшой подъём, мы, наконец, останавливаемся.

Третий эпизод. На входе в концертный зал, между стеклянных дверей, мы стоим всей семьёй. Отец держит в руках очки с оправой из настоящего золота и хвалится нам, что кто-то, видимо, их обронил, а он нашёл. Со стороны холла к нам подходит молодая женщина и, встав перед нами в позу, показательно одевает синие пластмассовые очки, а поверх них – те, что она у всех на виду берёт у отца. Дама игриво поворачивает голову в положение «три четверти» и, вытянув губы трубочкой, моргает нам глазками через два слоя линз, как бы ожидая нашей реакции.

– Да-да, это ваши очки, это вы потеряли! – в один голос уверяем её мы, словно удостоверенные таким демонстративным доказательством. Довольная собой, женщина кокетливо улыба-

⁶¹ «Вокруг света» 2006, №3 (2786). С. 144, 147.

ется нам и покидает зал вместе с бывшей нашей, а ныне – со своей «добычей».

Отец и двое его сыновей, мы втроём выходим на улицу. Папа достаёт из кармана точно такие же очки, что и предыдущие, и снова вертит их в руках как новую находку. Затем неожиданно отламывает одну наушницу и отдаёт её мне, аргументируя свой поступок тем, что она у него «не помещается». Всю оставшуюся конструкцию отец передаёт моему брату, и, довольные, мы направляемся домой.

Второй эпизод. В доме по нечётной стороне на улице Демешковской (на Косой Горе) я, как свидетель, присутствуя при медицинском заключении об одном больном. В центре комнаты на стуле сидит врач и рассказывает историю болезни молодого наркомана.

– Он держался два или три месяца, – объясняет доктор, – но затем расслабился и принял препарат. В результате укола он заразился *trismegistus hermeticum* – страшной, неизлечимой болезнью. Человек этот, – с таинственностью заключает профессор, – Белый.

Передо мной молнией возникает неподвижный фотографический портрет позднего, каким он был уже в Берлине, Андрея Белого: седые вихры, просверленный мутным светом взгляд. Неожиданно изображение исчезает, сменяясь самим писателем. Его появление будто бы скрыто от непосвящённых лиц и нежелательных глаз. Моему же зрению доступна только часть тела мыслителя, я даже не вижу его головы. Одни лишь небольшие, иссохшие ступни ног зияют передо мной, покрытые невыносимой для больного ярко-жёлтой сыпью, проникшей в самую кожу и даже глубже.

Первый эпизод. На той же улице Демешковской я стою с моим одноклассником Антоном. Перед нами чернеет вход в некую таинственную комнату. Внутри неё внушительная библиотека, старинные книги которой сияют своими кожаными переплётами. Из ниоткуда появляется Александр. Я чувствую, что он – воплощение дьявола; начинаю усердно молиться и, пока он этого не видит, даже крещусь. (О последнем обстоятельстве, впрочем,

в черновике содержится следующее замечание: «Возможно, это моя выдумка или домысел, так как то же самое дословно встречается у М. Орлова на страницах 500 – 508-й»).

– Положи свою ладонь (или книгу), – приказывает Александр Антону, – поверх моей.

Мой спутник покорно подчиняется.

– Сто чертей выгнал ты отсюда, – отвечает ему искуситель.

– Сделай то же самое, – обращается теперь он ко мне.

Внутренне сосредоточившись, я кладу свою руку.

– Семьдесят, – как бы принохаясь, сообщает Александр. Меня берёт зависть по отношению к Антону, но тут дьявол неожиданно добавляет: – Тысяч [демонов изгнал ты отсюда]!

Розовая смородина

Накануне казни Карла I, короля английского, Кромвелю приснился ужасный сон: он видел себя стоящим на кладбище перед палачом, который надевал на его голову венец, сделанный из костей мертвецов. Этот сон предвещал ему основание его власти на развалинах трона⁶².

Вдвоём с рецидивистом мы сбегает из заключения. Операцией руководит преступник со стажем, я же ему полностью подчиняюсь и выполняю все его приказы. «Вернёмся назад», – суровым тоном многое пережившего человека говорит он мне, и мы бредём обратно к ограде тюрьмы (хотя я даже не знаю, какое дело заставляет нас так рисковать). По бурой дороге мы спускаемся вниз, и здесь бывший заключённый указывает мне остаться, а сам следует дальше. Но пока я лежу в укрытии, вокруг происходят разные интересные казусы.

Ослушавшись своего «наставника», я решаю пролезть через кусты розовой смородины ближе к краю поля, чтобы укрыться лучшим образом. На моём пути встречаются только кусты сладкой ягоды и изредка невысокие деревца. Неожиданно я замечаю: невдалеке идёт мужчина, весь хозяйственный из себя, важный – думаю, владелец этого сада. Я прыгаю под дерево и прячусь. Только слышу, как из приёмника у дядки на плече раздаётся песня, в которой юный андеграудный исполнитель по-

⁶² Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 423.

ёт строку из Гребенщикова: «И кто-то сломанный не хочет быть целым». В это время хозяин подходит к пятиэтажному хрущёвскому дому и скрывается за его дальней стеной.

Немного осмелев, я поднимаюсь с земли и продвигаюсь дальше от ненужных глаз. Однако снова мне приходится затаиться: с небольшой чёрной собачкой появляется молодой помощник садовладельца – мой брат. Но даже ему я не могу рассказать о своём побеге, поэтому активно пытаюсь спрятаться. У меня в ушах звенит: «С утра шёл снег»; но эту песню Аквариума слышу не только я: собака никак не хочет идти за моим братом, она рвётся ко мне как к источнику, воспроизводящему приятную ей музыку. Брат движется вслед за своим нанимателем и тянет за собой собаку. Припев звучит ещё несколько раз, и я уже не знаю, как его остановить, потому что чувствительный пёсик постоянно упрямится и пытается вернуться, несмотря на то, что его уже начинают дёргать за ошейник. В итоге, брат сообщает о странном поведении своей псины начальнику, и тот выдаёт директиву всматриваться во всё подозрительное.

Двое сторожей сада грамотно занимают наблюдательные позиции: хозяин располагается у дальней стены, а его подчинённый – у ближней. Понимая, что промедление с моей стороны может привести к самым печальным последствиям, я встаю в рост и опророметью несусь обратно к тому месту, откуда я так незаметно крался. Через двадцать (по меркам сна; в реальности – через пять) гигантских шагов я сталкиваюсь нос к носу с двумя своими ровесниками.

Рисунок 12.

– Мужик с собакой! – не оборачиваясь назад, но как бы указывая туда, предупреждаю я их и продолжаю свой сумасшедший бег.

Встретившиеся ребята через несколько секунд опережают меня, в ужасе крича во всё горло: «Гибкий! Гибкий!». Я понимаю, что это прозвище хранителя сада и что ничего хорошего оно мне поэтому не предвещает.

Вскоре, трое беглецов, мы оказываемся в светлой оранжерее. Выбеленная изнутри, она делится на пять частей последовательными перегородками из синих непрозрачных стёкол (какие бывают в бассейнах), которые перекрывают почти всё пространство вширь, оставляя лишь узкий проход у правой стены. Преодолевая препятствия в том же порядке – сперва двое «ненаказанных» любителей смородины, а за ними один уже «осуждённый» – мы достигаем конца крытого палисадника. В конце я уже начинаю бежать по наклонному подоконнику в несколько метров, ведущему к спасительному «выходу». Выпрыгивая из окна здания, мы оказываемся в тех же кустах смородины, за которые теперь приходится спасать свои шкуры. Ещё через четверть минуты (опять же по меркам сна; в реальности – через минуту) мы достигаем забора, в котором крутятся две неприбитые доски. Выбрав момент, каждый из нас проскакивает в открывшуюся на секунду

цель и оказывается на «свободе» – на той же бурой дороге, по которой я пошёл, послушавшись рецидивиста. (В черновике я отмечаю, что видел эту часть сна в детстве, «не менее семи лет назад»).

В дальнейшем мы втроём шествуем по синим коридорам больницы и останавливаемся у запертой белой двери. Я хочу уже потянуть за ручку, как замечаю в узком проёме испуганный глаз и дрогнувшую дверь, которую, по-видимому, специально держат изнутри, с той стороны. Я начинаю дёргать сильнее, и нам, наконец, открывают. За порогом стоят также трое молодых людей. Первый – атлетически сложенный, крепкий и натренированный парень, второй – Юра (на курс меня младше), третьего же я помню смутно. Первые двое начинают наперебой оправдываться передо мной, не давая мне возможности вставить и звука:

– ...понимаешь, мы в таких тяжёлых условиях...

Но, собравшись с духом, я вклиниваюсь в их лебезню и воинственным тоном заявляю, подчёркивая отдельно каждое слово специальной интонацией:

– А я вам сейчас скажу такое, о чём вы вообще не имели представления!

Оба мигом умолкают, словно им безболезненно отрубили языки. Выждав паузу, я объясняю им ситуацию, попутно пытаюсь успокоить их:

– Все мы – то есть трое нас и трое вас – приходим из двух разных снов. Встретились мы совершенно случайно, никаких последствий, поэтому, нет и быть не может. Понятно?

Молодые люди облегчённо вздыхают, благодарят нас за это радостное известие, жмут нам руки. Теперь уже мы втроём (я и двое других собирателей смородины) проходим через освобождённый проём и оказываемся в следующем коридоре, по стенам которого на лавках сидят ожидающие своей очереди пациенты.

Дремота

Гипнагогическими галлюцинациями называются те галлюцинации, которые являются в промежуток времени,

предшествующий глубокому сну или полному пробуждению⁶³.

По мере того, как вечерние сумерки сгущаются и вливаются, наконец, в тёмную ночь, – так и в человеческом сознании привычные дневные образы превращаются в невиданные, подчас устрашающие фантазмы, обрастая всё более плотной, чёрной чешуёй. В эти несколько минут (до получаса) происходит переход сознания от, в целом, разумного, контролируемого мышления к некой все-личной «архаической мифологии», заложенной в каждом из нас и просыпающейся одновременно с тем, как человек засыпает. Я позволяю себе такой вольный термин потому, что слишком резок контраст «дремоты» по отношению к действительности, если её сюжет успеть выхватить из погружающегося сновидения в отдаляющийся реальный мир.

Зафиксировать в памяти эпизод, находящийся на границе между бодрствованием и сном, можно, условно говоря, «открыв глаза». Не обязательно это действие должно произойти реально, оно может быть «освещено» неожиданным удивлением (связанным с необычностью увиденного или услышанного) или нечаянным пробуждением (вызванным поправлением подушки) и т. п. Факт поражённости содержанием видения в его приложении к обыденной действительности возможен не только изнутри. Если потревожить засыпающего, то в его памяти также может зафиксироваться то или иное «сумеречное сновидение». (В черновике содержится практическая рекомендация по улавливанию подобных эпизодов: «Важно заметить секунду, когда дремота уже началась и в ней совершилось какое-то действие, и сознательно поставить себя перед фактом: это уже сон. В такой момент обычно и происходит молниеносное выхватывание видения из сна в бодрость»).

И такое сновидение именно «сумеречно»: оно не претендует на звание глубокого, ночного. Оно представляет собой смесь того, как воспоминания о пережитом днём соединяются с поднимающимся со дна сознания содержанием будущего сна. Происходит интересное сочетание: собственные мысли о дневных

⁶³ Дьяченко Г., свящ. Область таинственного. М., 1900 – 1992. С. 451.

событиях переплетаются с теми образами, которые начинает диктовать нам ночь.

Изложенные рассуждения относятся, прежде всего, к «вечерней дремоте», то есть к периоду засыпания. Священник Григорий Дьяченко в своей «Области таинственного» именует это явление «гипнагогической галлюцинацией» (от греч. ύπνος – сон и αὔω – вести) и передаёт, в сущности, тот же смысл, который вложил в него и я ещё до знакомства с названным автором начала XX века. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил в упомянутом труде то же разделение «дремотных» состояний, какое было выработано и мной независимо от священника. Дьяченко называет два вида «гипнагогических галлюцинаций»: первые предшествуют глубокому сну, вторые – полному пробуждению. И если об одних я в собственных терминах уже сказал, как о «вечерней дремоте», то для последних я ввёл понятие дремоты «утренней».

Соответственно, при пробуждении вступают в силу и иные механизмы. Теперь уже не бодрость убывает, приближаясь к набирающему силу и влияние сну, – а сам сон сходит на нет, отдавая последние признаки своей власти светлеющему человеческому сознанию. Наверное, поэтому запомнить «вечернюю» дремоту довольно несложно, в то время как «утреннюю» (если, конечно, не применить специальных, очень серьёзных усилий) – удаётся всё-таки крайне редко.

Важной особенностью дремоты является её словесная оболочка. В приведённых ниже примерах замечательно то, что в них практически всегда встречаются некие реплики, обрывки разговоров, иногда целые фрагменты диалогов, а подчас – даже песни, стихи которых сообщают те волнения, которыми живёт в настоящий момент человеческая душа. Вниманию читателя представляется собрание таких «дремотных» видений.

* * *

(i).

В совершенной тишине раздаётся гимноподобная, но успокаивающая, будто колыбельная, песня. Дети высокими голосами делятся своей радостью:

«Разбили мы стекло – на лёд и воду,
Отныне наша жизнь ушла на волю».

* * *

(ii).

Первый фрагмент. Людмила Зыкина величественным голосом поёт:

«...всё неймётся,
Ах, лентяйка, – Божий срам».

Второй фрагмент. В одной образовательной программе по радио сообщается: «Ян освобождает музыку от фауноса».

* * *

(iii).

Эпизод первый. Подслушиваю разговор, происходящий в восточном городе Кашмире (запоминал по кашемиру):

– Сколько трудов стоило?

– Пять.

Эпизод второй. Трое индейцев в зелёных нарядах пробегают мимо меня с неистовыми криками: «Хочу музыки! Хочу музыки!».

* * *

(iv).

Вижу перед собой сайт ФСБ с зашифрованными на экране документами.

* * *

(v).

В таинственном сновидении мне открываются покровители сна – это господа Ноющет и Гологоликов.

* * *

(vi).

В программе, посвящённой кумирам сцены, Сергей Чонишвили рассказывает, мастерски играя интонациями своего голоса: «И стукач... Джозефа снова задвигет залом».

* * *

(vii).

Мудрый афоризм о свойстве человеческой души: «Совість отлично карамелькает».

* * *

(viii).

Специально подслушиваю чужие разговоры. Запоминаю три реплики.

Первая: «Чёрные, слабительные таблетки».

Вторая: «Играем, играем!».

Третья: «Соединительно, чем соединительным».

* * *

(ix).

По громкой связи в автобусе Гребенщиков объявляет шаманским голосом: «У нас с детства!».

* * *

(x).

На остановке «Политех» я попадаю в небольшую аварию. Выхожу из машины, со спокойным видом осматриваю повреждения. Затем достаю из багажника аварийный треугольник и отхожу на положенные пятнадцать метров, чтобы установить его. Но в то время, как я ставлю знак на асфальт, треугольник превращается в оранжевый конус, которыми обычно отмечают район ремонтных работ. Тогда – помимо моей воли – из-под кожи моего правого виска появляется миниатюрная нога и, размахнувшись, наносит мне удар между веком и правым глазом. Причём нога попадает именно в то место на сетчатке, где отражается видимый мною конус, так что последний оказывается сбитым, поваленным. «Ничего себе, – думаю я, держась за пухнувший глаз, – вот так фортель!».

* * *

(xi).

В развесёлой песне со значительным ударением на каждом слове поётся: «Ог-ром-ные брю-ки в но-га-ах!».

* * *

(xii).

В радиоэфире мужские голоса угрожающим тоном, но демонстративно, на публику приказывают кому-то: «Иди сюда, чтобы не узнать, чем болеет этот зануда Моздок». Слушающим

девушкам не удаётся сдержать весёлый и задорный смех: «Ха-ха-ха!».

* * *

(xiii).

Сожалеющим голосом незнакомец говорит мне: «Мне б ваше честное слово!».

Ленин как религиозное Божество

Библия, как и другие религиозные книги, исторические и священные, обнаруживают следы прочной веры в сновидения. Иосиф увидел, как одиннадцать звёзд Зодиака поклоняются ему, двенадцатой звезде. Голод в Египте был предсказан видением тучных и тощих коров. Родители Христа были предупреждены о жестоком приказе Ирода и бежали с Божественным Младенцем в Египет.

К. Г. Юнг⁶⁴.

Эпизод первый. Проходя мимо филармонии, я вижу афишу концерта группы Аквариум. Гребенщиков, в классическом чёрном костюме, смотрит через тёмные очки (в отличие от оригинального изображения в облике музыканта полностью отсутствуют красные тона). Плакат красуется справа от входа, где и находится в действительности.

Однако, помимо прочего, над тротуаром прямо напротив здания концертного зала горизонтально протянут железный шест. На нём в трёх специальных отверстиях вставлены три палочки (две сверху и одна снизу), на каждой из которых прикреплено бумажное объявление. Первое представляет собой крупный билет, приближающийся в своих размерах к книге издательства «Азбука». Второй лист также сообщает некую информацию. Похожие указания содержатся и в нижнем ряду на трёх-четырёх агитках.

Непосредственно же перед входом в филармонию установлен железный календарь. Его принцип таков. К стальной трубе припаяны смотрящие вверх «колы» – небольшие штыри средней толщины. На каждый из них надета афишка с днём месяца и соответствующим ему концертом. Кроме того, снизу к каждому

⁶⁴ Юнг К. Г. Архетип и символ.

«дню» прилагается указатель в виде одинаковых часов. На их чёрном циферблате с трудом различаются тонкие бледно-золотистые стрелки, так что образ времени получается довольно смутным, невнятным. Так, например, я заинтересовываюсь 26-м ноября и вижу: над этим днём реет бумажная афишка, а под ним – часы показывают без пяти час. Эта же картина (только в разных вариациях) повторяется и в остальных случаях; остаётся удивляться только тому, как обнаруживаю я необходимую дату при условии, что ни у одного «колышка» нет указателя на то или иное число.

Имея вполне отчётливую цель – получить достоверную и как можно более полную информацию о предстоящем концерте Аквариума – я обращаю свой взгляд на 21-е ноября. К своему удивлению, я не нахожу ни известия о концерте, ни часов.

(Примечание в черновике: «Прошлым вечером я придумал фотографический кадр для готовящегося сайта «Клепсидры»: на часах с тремя римскими цифрами (III, VI, IX и XII) циферблат заполнен фотографией. Раздумывал также о концерте Аквариума»).

Эпизод второй. На трамвайном кольце на Косой Горе я стою вместе с одной своей одnogруппницей. Совершенно меня не стесняясь, она писает слева от остановки, но только не как того требует женская физиология, а через мужской мочеиспускательный орган, стоя.

– Отойди в сторону, закрой меня, – говорит мне она, сверкая глазами куда-то вдаль, – а то видишь: мужик смотрит.

Я повинуюсь и встаю спиной к одnogруппнице в том месте, на которое она указала. Прибывший трамвай на Тулу отъезжает, но мы, по понятным причинам, на него не успеваем. Вскоре появляется следующий вагон, сразу же за ним – другой. Мы садимся в первый подошедший трамвай, но состав, уже находясь на Косой Горе, на конечной, всё равно начинает двигаться в сторону пригорода.

Эпизод третий. У незнакомого подъезда я разговариваю с тем мужчиной, который подозрительно смотрел на нас в предыдущем эпизоде, и его супругой. Мы ведём беседу об очень важных, первостепенных предметах. Поначалу в данной дискуссии

мне отводится место пассивного слушателя. Мои доводы слишком слабы, чтобы повлиять на исход спора, и я чувствую себя крайне неуверенно (в черновике: «за поясом»). Мне говорят:

– Ленин – это религиозное Божество, поскольку эмоциональное восприятие его людьми обнаруживает в нём атрибуты целокупно-совершенной личности.

Пытаясь выявить хотя бы незначительную логическую ошибку в приводимых рассуждениях, я задаю собеседникам вопрос насчёт природы человеческих эмоций и, соответственно, их эпистемологической и верификационной ценности. На мою реплику отвечают не так чётко, не так несомненно, как раньше, – и тогда пробивает мой звёздный, високосный час.

С удивительным красноречием я сообщаю об особенностях душевной организации человеческой природы, используя для иллюстрации примеры из сочинений Ницше, и вывожу из сказанного, что Ленин не Бог, а – миф, и что вся полнота истины только «во Вселенской Церкви». Оппоненты смотрят на меня с восхищением и предлагают зайти к ним домой, в квартиру на первом этаже в подъезде, возле которого мы находимся. (Прототипом данной местности послужила лавочка, у которой я остановился покурить в четверг, 10-го ноября 2005 г., пока гулял в районе улиц Смидович и Седова: после того, как в восемь утра взял у Димы Борисова плёнку с фестивалю «Тибет», я ждал открытия издательства «Визитка» в девять часов).

У окна в супружеской комнате установлен компьютер, и я немедленно сажусь за него. (В то время я работал над созданием электронной «Клепсидры»). Вскоре выясняется, что в соседнем шкафу этой незнакомой мне квартиры лежат две папки с моим личным делом: в нём зафиксированы многие факты, приложены бумаги и документы, фотографии и даже некоторые артефакты; а помещение оказывается на самом деле домом в деревне. Разозлившись на подлых хозяев, я в негодовании ухожу прочь, но вспоминаю, что забыл свою вещь на столике. Вернувшись к компьютеру, я обнаруживаю, что моя матушка, непонятно каким образом оказавшаяся в комнате, успела открыть несколько десятков сайтов и исчезла. В волнении я стараюсь закрыть окна этих веб-страниц как можно скорее до возвращения мамы, чтобы она не узнала, что я видел их.

Наконец я выполняю все свои повинности и выключаю агрегат. Но перед самым моим уходом монитор преподносит мне изысканный подарок. Завершая свою работу, он выдаёт прощальную, взрывающуюся пламенем заставку, в которой на переливающимся золотом фоне (приближающемся к зрителю) кроваво-огненными буквами загорается динамичная, будто живая надпись: «АКВАРИУМ». При этом проносится поток громopodobного (правда, несколько утишённого колонками) грохота и появляется приписка под названием группы, сообщающая, по всей видимости, время концерта: «22.35». Порадовав меня превосходным зрелищем, компьютер отходит к заслуженному сну.

В круге правом

Недаром в доме все зеркала из глины,
Чтобы с утра не разглядеть в глазах
Снов о чём-то большем.

Борис Гребенщиков⁶⁵.

1. Быстрее автобуса. Вместе с одноклассницей Настей мы едем в одном автобусе. На одной из остановок выходит пассажир, и во всём салоне мы остаёмся с ней одни. Тяжесть смущения действует на меня странным образом, и, замыкаясь в себе, желая поскорее удалиться, я выхожу за одну остановку до своей (у трамвайного кольца). При этом зная, что Настя выйдет на площади перед дк – там, где, по идее, должен выходить и я, – я решаю бежать вверх по улице, чтобы успеть её встретить.

Никаких препятствий для этого нет, и я опережаю автобус со значительным запасом времени, так что можно, к примеру, сходить ещё в магазин, купить чего-нибудь к ужину. Однако, чётко представляя, зачем я здесь нахожусь, я безотрывно наблюдаю за поворотом, откуда должен появиться общественный транспорт. Должен – но не появляется. Простояв ещё несколько минут, я расстраиваюсь и решаю идти по дороге к дому.

За перекрёстом, идя по краю тротуару, я неожиданно встречаюсь с Настей. Её голова закрыта капюшоном, на ней

⁶⁵ Аквариум. «Дети Декабря» (1985). «Сны о чём-то большем».

очень красивая кофточка золотистого цвета. Мы разговариваемся, и моя одногруппница улыбается.

2. *Мозаика БГ*. Протоиерей Лев Махно в стенах кафедры теологии читает лекцию по библеистике. (В понедельник, 14-го ноября, мы писали контрольный тест остаточных знаний по библеистике). Перед нами на партах лежат открытые книги. Как и в Библии, текст разбит на главы и стихи и приводится в два столбца. На одной из страниц напечатана красочная иллюстрация – репродукция древней, прекрасно сохранившейся мозаики. На ней изображены два круга, в левом из которых восседает языческий бог, а в правом, на золотом фоне – Бог истинный. Вокруг каждой сферы в молитвенных позах предстоят, соответственно, язычники и христианские праведники. К левому кругу нет никакой подписи, под правым же выведены две буквы: «БГ». Студенты читают священный текст и комментируют, толкуют его. Когда дело доходит до меня, я добавляю ко всему сказанному:

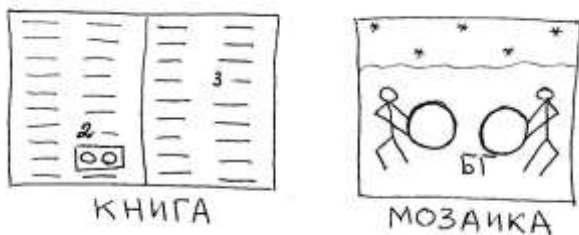

Рисунок 13.

– Видите, отец Лев: слева нет никакого имени. Это означает, что языческих богов много и выбрать из них какого-либо одного нельзя. Истинный же Бог один, и к тому же одно из Его свойств – твёрдо заявлять о себе, говорить правду, ничего не скрывая, и объединять людей. Поэтому есть и имя: БГ.

Первохристианка

Гекуба, жена Приама, видела во сне, что она разрешилась от бремени зажжённым факелом, который сжёг город Трои. Этот факел означал Париса, одного из сыновей Гекубы, которого она родила вскоре после рокового сна. Парис действительно был причиной гибели Трои: город сожгли греки, отомстив таким образом за честь Мене-

лая, у которого Парис похитил жену – Прекрасную Елену⁶⁶.

Снилась девушка со второго курса кафедры, лицом напоминающая мозаику с изображением первых христиан.

Циферблат

Камиль Фламарион в своей замечательной книге «Вещие сны и предсказание будущего» говорит: «С самого начала я решительно утверждаю, что феномен сновидений, точно предсказывающих будущие события, должен быть признан как несомненный факт».

К. Г. Юнг⁶⁷.

Эпизод первый. В деревне Кресты я дышу свежим воздухом перед оградой нашего дома (проданного несколько лет назад). По асфальтовой дорожке вразвалку бредёт местный бедняк-пропойца, мой вальжный знакомый. Скорее всего, идёт «клянчить» у кого-то на разбавленную водку. Я стою у деревянного забора напротив того места, где мы обычно съезжаем к дому. Опухший мужик проходит мимо меня, и мы с ним приветственно здороваемся, как самые настоящие старожилы (в черновике: «как свойственно людям уже давним»): то ли перебранкой, то ли ругательным приободрением; но руки друг другу не жмём. Деревенский поселянин направляется дальше, как неожиданно замечает в траве стенные часы высотой, наверное, в метр, на которые я раньше почему-то не обращал внимания.

Быстрыми шагами пьяница возвращается к хронографу, и с большим интересом к первоисследователю присоединяюсь и я. Человек бывалый, мой знакомый вскрывает стекло и вытаскивает изнутри некую бронзовую (или слегка позолочённую, что вряд ли) плоскую чашу, а за ней – правильной формы прямоугольный циферблат 1906 г. На прекрасно сохранившем свою яркость классически-белом фоне красивом шрифтом нанесены числа от 1 до 12; причём эти обозначения занимают только лишь половину всего пространства. В левой же части циферблата – между «девяткой» и центром, в котором сходятся основания

⁶⁶ Юнг К. Г. Архетип и символ.

⁶⁷ Юнг К. Г. Архетип и символ.

стрелок, – таким же строгим чёрным цветом выведена гордая антикварная надпись: «1906 г.». Под нею значится ещё некий текст (тем же классическим «почерком»), но его содержание, к сожалению, мною совершенно забыто.

Зрелище старинного предмета часового искусства настолько поражает, взбудораживает меня своей совершенной красотой и утончённостью, что я немедленно сохраняю циферблат в своей памяти – для этого я нажимаю соответствующий визуальный значок на краю поля зрения, как в компьютерном окне.

Вопрос о «разделе» добытого артефакта снимается сам собой, когда за одним циферблатом оказывается ещё и второй. Оба довольные, мы с мужиком расходимся каждый по своим делам.

(Только вечером я обнаружил связь увиденного во сне циферблата с заставкой готовящегося сайта «Клепсидры», в котором встречаются четыре числа по четырём «сторонам света»: III, VI, IX и XII).

Эпизод второй. На скамейках у главного университетского корпуса мы разговариваем с Костей-психологом. Он уходит домой, а на его место «заступает» появившаяся Юля Василенко (которая 20-го ноября как раз празднует свой день рождения). Спустя некоторое время я замечаю приближающийся к остановке 28-й автобус и, сорвавшись с места, гигантскими шагами впрыгиваю в него на огромной скорости. В салоне я устраиваюсь у дальнего от дверей окна и наблюдаю за происходящим на нечётной стороне проспекта Ленина. Проезжая мимо остановки «Пединститут», я становлюсь невольным свидетелем удивительной картины. В несколько рядов, по шесть-восемь машин в колонне, аварийными огнями мигают врезавшиеся друг в друга заснеженные транспортные средства. (Вероятно, такое удивительное дорожное происшествие связано с увиденной в газете фотографией: трамвай сошёл с рельсов и по инерции выехал до середины проспекта (прямо до двойной сплошной линии) у супермаркета «Семь столиц»). Поразительно, но в сторону издательства «Визитка» я даже и не оглядываюсь.

(Проснувшись, я вспомнил о прошлогодней находке мобильного телефона (подаренного матушке), 20-го ноября 2004 г., на несостоявшемся концерте Аквариума в Москве; а также – о концерте предстоящем, 21-го ноября 2005 г. в тульской филармонии, когда «Клепсидра» уже несколько часов как

будет получена мною в издательстве и подписана в честь дня рождения Гребенщикова. И настроение моё утром было летающим).

Тарелки

Сновидящий способен использовать свои сны как выход из ловушки или как щель в бесконечность.

К. Кастанеда⁶⁸.

В небольшой квартире спальня располагается прямо по коридору до конца и направо. Внутри в комнате установлена большая кровать, в которой друг рядом с другом устроились четыре человека. У стенки уже спят дама и её маленькая дочка. Ближе к краю постели я беседую со своим «отцом», который на самом деле является киноперсонажем. Мужчина достаёт из рукава треугольную бутылку с коньяком (такую я видел в четверг или пятницу у Павла на кафедре) и с улыбкой вертит её передо мной. В этот момент я, однако, чихаю и мгновенно укладываюсь головой к ногам всех остальных «ночующих», «засыпаю», чтобы не выдать себя. В тревоге пробуждается женщина, тонким голосом спрашивает, что произошло. «Отец» отвечает, что ей всего лишь показалось, что всё хорошо; он успокаивает её, и та снова поворачивается к стенке. Я же, напротив, открываю глаза и продолжаю разговор, правда, немного тише и осторожнее.

В следующей сцене все мы вместе покупаем в супермаркете продукты, хотя при этом в наших руках одна посуда – целые стопки новых тарелок. По условиям магазина, мы можем получить скидку, если приобретём товар на определённую сумму, но до неё нам не хватает всего 40 рублей. Нервно, судорожно ищем мы на прилавках хоть какой-нибудь товар указанной стоимости или немного выше, но никак не можем подобрать подходящий предмет. Уже отчаявшись, женщина подходит к хрусталу и берёт в руки изящный бокал на длинной прозрачной ножке.

– Сколько? – спрашивает она у консультанта.

– 95 рублей, – отвечает тот.

Я понимаю, что такая сумма нам не по карману (в черновике: «что это перебор»), возможно, у нас и денег таких нет. – Но жен-

⁶⁸ Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 51.

щина победоносно вскидывает свободную руку и торжественно заявляет:

– Три бокала!

После этих её слов вялые до тех пор сотрудники маркета начинают резво бегать с бумажными упаковками и заботливо укладывать наш товар. Чуть позже раздаётся некий голос за кадром, как будто от автора, который комментирует, кому предназначен тот или иной подарок:

– «Для Мэгги», – и я вижу перед собой младшую дочь Симпсонов, сидящую за столом: ей ставят одну из только что приобретённых нами тарелок.

– «Для Сельмы», – и передо мной возникает ужасная сестра Марж. Бр-р, противно.

Позитивная философия, или Рыбак, достающий чудо-рыбу

Пастушки, сон княжны прелестной

Не походил на ваши сны.

А. С. Пушкин. Руслан и Людмила. Песнь пятая⁶⁹.

В один из учебных дней я вхожу в университетский корпус. Несмотря на то, что это мой родной вуз, обстановка внутри мне незнакома. По узким лестницам мы поднимаемся наверх вчетвером: первые двое студентов идут поодаль, кажется даже, что отдельно от нас; а за ними шествуем я и Настя из Дубны, моя хорошая приятельница. (На тот момент я даже не успел отослать ей вышедшую декаду назад «Клепсидру»). Настя держит в руках шапку, а я постоянно отнимаю её у неё и отбегаю на несколько ступенек. Затем я останавливаюсь и бросаю головной убор обратно, а Настя его ловит. Так почему-то повторяется три или четыре раза. Наконец, когда я уже оказываюсь у входа в аудиторию, я кидаю предмет настолько неосторожно, что моя спутница, находящаяся между этажей, роняет шапку на пол. Мимикой я извиняюсь и поскорее скрываюсь от праведного гнева в открытых дверях.

В аудитории в несколько рядов установлены столы. Причём первые парты, ближние к преподавательнице, сдвинуты, как

⁶⁹ Пушкин А. С. Стихотворения. Поэмы. М., 1984. С. 344.

баррикады, так что мимо них невозможно пройти. Дальше столы следуют «змейкой»: сперва правая половина пуста, затем левая, опять правая и снова левая и т. д. Этот лабиринт и представляет собой проход, по которому можно пробраться к своему месту. Я занимаю первую парту в третьем ряду слева. Следом за мной появляется Настя, и я с жадностью ожидаю её вердикта: в зависимости от того, как сильно испачкался её убор, куда он упал, зависит моё положение в аудитории, то есть где я буду сидеть в дальнейшем. (Возникает элемент *гадания*. Действительно, как, во-первых, возможен закон, усматривающий взаимосвязь «шапка – кабинет». А, во-вторых, я не видел точного положения обронённой беретки, однако во сне этот факт принимается как в высшей степени научный и достоверный). Моя подруга констатирует:

– Моя шапка упала так, что тебе выпало сидеть там, где ты сидишь сейчас.

Загвоздка в том, что Настя обычно занимает первую парту в *первом* ряду слева, то есть через человека от меня, и я, не желая расставаться с ней, резонно возражаю:

– Давай перекинем, чтобы я пересел к тебе!

– Нет, нельзя, – с сожалением произносит моя спутница.

Теперь в нашу беседу с негодованием вступает молодая преподавательница:

– Я не понимаю: о чём это вы разговариваете, когда занятие уже началось? – и зрачками в форме вопросов смотрит она на меня.

Совершенно честно, но только с грустью и отвлечённым мечтанием в голосе я отвечаю ей, глядя мимо в высокое окно:

– О позитивной философии...

Скривив губы в недовольной гримасе, преподавательница приказывает теперь уже всем присутствующим в аудитории взять листки и письменно отвечать на любой из трёх вопросов. Я поднимаю глаза на доску, но вижу там только одно задание, которое озаглавлено цифрой «1.». Второго и третьего номеров там нет: научный сотрудник диктует их устно, так что через пару минут они полностью выветриваются из моей памяти.

– А что, сегодня зачёт? – шёпотом спрашивает подсевшая ко мне Настя. По другую сторону от меня оказывается мой одноклассник Павел, и я постепенно забываю о Насте: утренним туманом она рассеивается и исчезает из помещения.

Не имея никакого желания писать работу, я погружаюсь в многоликий художественный мир. У меня в руках возникает сборник красочных открыток (у него есть реальный прототип: такой я привёз из Германии ещё гимназистом), и мы с Пашей пытаемся выбрать из картинок самую красивую, чтобы подарить преподавательнице и таким образом получить зачёт. Поставленной цели мы ни от кого не скрываем и делаем всё, что называется, «в открытую». Преподавательница слушает наше обсуждение и смеётся всё задорнее и слаще: сперва я хвалю открытку, а Павел критикует, другую ругаю, а он – восхищается. Так мы пролистываем до десяти штук; среди них встречаются самые разнообразные. Одна картинка нецветная, с монотонно-горчичным фоном. На другой изображена женщина, сидящая с ружьём в лодке и смотрящая куда-то вдаль, где небо сходится с морем. Массивное ружьё занимает почти всю диагональ прямоугольника, и я громко восторгаюсь этим художественным решением.

Наконец, я открываю репродукцию «Рыбак, достающий чудо-рыбу». На ней рыбак с измученным лицом и «усталой» щетиной, стоя по горло в воде, пытается выбраться на берег со своей добычей. Море насыщенное, сине-зелёное, почти мифическое, оно не пускает водяного борца на сушу. В левой руке мужчины держит рыбу, почти всю, кроме головы, скрытую в пучине. Порождение океана, это создание, действительно, чудесно: от королевского хребта в разные стороны отходят по четыре снежные кости, покрытые красноватым мясом и блестящей, полупрозрачной чешуёй. Прослойки между скелетом и рядами костей заняты массивной мускулистой плотью, поэтому рыба не кажется каким-то чудовищем. Она, по-видимому, мертва, потому что, находясь в своей родной стихии – воде, не оказывает никакого сопротивления еле стоящему от усталости на ногах, почти засыпающему рыбаку.

Торт «Аквариум»

Пятак на пятак – и колокол льётся,
Но спящий всё равно не проснётся.

Борис Гребенщиков⁷⁰.

Эпизод первый. Заблудившись в городских зданиях, я захожу в некий офис, очень светлый, но доверху забитый всякими бумагами и материалами. Везде теснятся огромные шкафы, многочисленные полки, «колонны» из документов до потолка. В глубине помещения стоит стол, за которым сидят две девушки. Я спрашиваю у них, как мне пройти в нужную комнату, и одна из них клонит голову к груди и перестаёт на меня как бы то ни было реагировать, а вторая начинает *докладывать* мне. Сперва она обрисовывает мне общую картину сидя, не отрываясь от канцелярских обязанностей. Но вскоре полностью откладывает свои личные дела, встаёт в рост и, держа перед собой крупный блокнот, зачитывает последние новости внятными, поставленным голосом. Докладывает минуту, докладывает другую и никак не заканчивает. У меня уже не хватает ни времени, ни терпения слушать добровольную «секретаршу», но мне неудобно прерывать её стройный монолог, – и я засыпаю.

Во втором сне я сижу в кресле с пультом в руках и переключая каналы. А по телевизору всё равно – на всех девяти кнопках – та самая девушка, как на пленуме, продолжает свой пламенный спич. И всегда в правом верхнем углу горит надпись: «Rambler-TV». (В действительности, Рамблер-ТВ у меня нет. Возможно, появление этого названия связано с моей электронной почтой, действующей на одноимённом сайте). Однако даже такой устремлённый оратор, как моя «секретарша», иногда отступает от своих принципов. Так, между двумя смысловыми блоками своей тирады она вставляет прогноз погоды:

– В декабре нас ожидают морозы до минус 20-ти градусов Цельсия. (Я спал в зале при включенном телевизоре, и прогноз погоды, действительно, имел место в реальности).

Эпизод второй. В вечерних сумерках комната темна и наполнена игрой чёрных теней. Немного привыкнув к недостат-

⁷⁰ Аквариум. «Пси» (1999). «Маша и медведь».

ку света, можно легко различать действующие лица. На краю кровати сидит одинокая девушка, хозяйка дома. В темноте она не видит меня, скорее всего, она даже не подозревает о моём существовании, не то чтобы о присутствии здесь. Я же внимательно всматриваюсь в девушкины черты и платье, но никак не могу зафиксировать их в своём сознании, запомнить их. Получается, что я выступаю кем-то вроде тайного наблюдателя.

Рядом с барышней дрыгает и виляет всеми своими чреслами неугомонный красный змей. По форме он похож на осьминога, лишённого семи ног, с содранной кожей и пожухшей дырой на месте лица. При этом существо вертикально висит в воздухе, постоянно издавая шипяще-шелестящие льстивые звуки. У меня не возникает никаких сомнений в том, что это дьявол. Конечно, не в библейском или нравственном смысле, – а в обычном, народном. О нём в глухих деревнях говорят, что это он является ведьмам в обличье красивого мужчины, или козла, или страшного чудища, как в нашем случае.

«Красный змей» (будем называть его так) никак не может успокоиться. Видно, что он чем-то сильно обеспокоен. Спустя некоторое время он, наконец, не выдерживает и сам раскрывает все свои карты. Змей спрашивает у девушки:

– А Женя, случайно, не дьявол? Вот бы мне – ради власти и чудес – наняться к нему на службу.

(Оказывается, самого дьявола обвели вокруг пальца! Обманули, перехитрили, поймали на удочку! По всей видимости, – думаю я про себя, – некий мудрец внушил змею мысль, что дьяволом является вовсе не он, а кто-то другой, и что, продавшись этому «кому-то», можно получить соблазнительные дары мира сего).

Как только слово произносится, знамение неизбежно происходит. В дверь звонят *два* раза, это Евгений (мой одноклассник). Змей реагирует незамедлительно:

– Это он, он! Позвонил два раза. Он позвонил два раза.

При этом уродец выводит в воздухе светящуюся светлосиним цветом арифметическую формулу, из которой понятно с очевидной неизбежностью: звонящий дважды – обязательно

дьявол. За власть над явлениями мира ему можно себя продать. (К слову, математика вычислений элементарно проста. Змей как бы сводит вместе два факта: 1) «сейчас почти четыре часа» и 2) «я уже наполовину истерзан от ожидания»; и выводит из них указанное заключение: «позвонить должны два раза»).

Женя входит в покои. Змей вертится вокруг своей оси от удовольствия. Пришедший гость, видя ничтожность и отвратительность льстивого слуги зла, забирает последние остатки света и безмолвно удаляется. Комната меркнет передо мной, как задушенная свеча, и я, как слепой, начинаю спотыкаться об окружающие предметы, ища спасительного выхода.

Позже я узнаю, что *Евгений с круглым тортом «Аквариум»* приходит в типографию.

Губернаторское кресло

Цицерон рассказывает историю о двух путешественниках из Аркадии, остановившихся на ночлег в разных местах: один – на постоялом дворе, другой – в частном доме. Ночью последнему приснилось, что друг зовёт его на помощь. Он проснулся, но, подумав, что дело не заслуживает внимания, снова уснул. Во второй раз друг снова явился к нему во сне и сказал, что уже слишком поздно, ибо он убит, а тело его спрятано в телеге под навозом. Позднее стали разыскивать телегу и нашли тело. Цицерон также замечает: «Если боги любят людей, они непременно раскроют им свои намерения во сне».

К. Г. Юнг⁷¹.

Внутреннее знание извещает меня, что я приглашён на некий концерт. Тотчас у меня в руках оказывается своеобразная визитка с номером моего места в зрительном зале: 31 537 (без ряда, но с порядковым числом: нумерация сплошная) (в черновике: «и не удивляйтесь, что я так хорошо его запомнил»). Одновременно с этим я понимаю, что на концерте в качестве почётного гостя будет присутствовать нынешний тульский губернатор – Дудка, и что его сиденье будет на одно отстоять от моего: 31 539.

Собравшись, я прихожу в назначенное время в указанную местность. Передо мной возвышается красивый сельский храм

⁷¹ Юнг К. Г. Архетип и символ.

(чем-то похожий на Благовещенскую церковь у кремля) в центре почти бескрайнего поля; только где-то вдали виднеется кусок леса. С первым лучом солнца (восходящего или заходящего?) на горизонте появляются орды каких-то варваров-кочевников наподобие орков у Толкина. Сначала их несколько сотен, затем – целые тысячи, и в конце концов вся земля засеивается чёрными побегими этих воинственных пришельцев. Все они, безобразные и оборванные, с ужасным рёвом врываются в церковные ворота, занимая всё пространство от входа до иконостаса одной только десятой частью своей численности. Совершенно беспрепятственно – как будто никого поблизости нет вообще – захожу внутрь и занимаю своё кресло в первом ряду.

На месте алтаря установлена сцена с аппаратурой и музыкальными инструментами. Технический персонал «концертного зала» в нетерпении выглядывает из-за кулис, чтобы не пропустить тот момент, когда войдёт губернатор. Его место пусто недолго. Дудка появляется спустя полминуты после меня и усаживается в кресло. Между нами никого нет, однако областной голова не поворачивается ко мне и не только не здоровается со мной, а словно бы специально не обращает на меня никакого внимания. При этом понятно, что подтекстом всего выступления является наше тайное соглашение, к которому мы должны будем придти после более близкого общения во время концертных номеров. Само событие и организовано, кажется, для того, чтобы ускорить этот процесс.

На сцену выходят первые участники фестиваля. Я не ожидаюсь начала их песни и в две секунды удаляюсь из церкви. Когда я выхожу на улицу, вокруг уже лежит снег. Около близлежащей пятиэтажки я встречаю Диму Борисова с приятелем, они с удовольствием соглашаются составить мне компанию по прогулке. Несмотря на холод, Дима одет в матроску, а на парне накинута одна хилая рубашонка. При этом, однако, они совсем не мёрзнут и не трясутся. Точнее, трясутся, конечно, но только от похмелья: оба бледные до ужаса, оба бедные до копейки. Ребята спрашивают меня, какими судьбами я оказался в их краю. Я отвечаю, что должен был пойти на концерт с Дудкой, но не

захотел. Мы разговариваем недолго, и через полминуты я прощаюсь с ними.

Самолёткрушение

И вот мне приснилось, что сердце моё не болит.
Оно колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае,
На пагоде пёстрой висит и тихонько звенит,
В эмалевом небе дразня журавлиные стаи.

Борис Гребенщиков⁷².

Эпизод первый. Воздушное путешествие подходит к концу. Самолёт начинает снижаться, но лётчики волнуются, что из-за густых облаков увидят полосу для посадки очень поздно. Наконец, внизу появляется земля, и оказывается, что мы летим слишком низко. Значит, у пилотов остаётся мало времени, чтобы сориентироваться и посадить машину ровно на полосу: наблюдается некоторое смещение от курса. Пилоты предпринимают все необходимые меры, корректируя траектория движения. Аэробус касается асфальта; но левое шасси всё же задевает траву на самом краю, и самолёт уже на земле начинает заносить. Лётчики берут вправо, однако скорость слишком велика для резких манёвров. В итоге, летательный аппарат кое-как удаётся всё-таки сохранить в условном равновесии, он не опрокидывается. Однако вовремя затормозить ему так и не удаётся – самолёт вылетает за грань посадочной полосы.

По иронии судьбы на нашем пути оказывается большой бассейн. В него-то и сваливается небесный перевозчик, разбиваясь на мелкие, размером с ящик, куски. В живых остаются только двое: я и молодой мужчина. По всей видимости, нас спасло то, что мы оказались на краю бассейна, а не под водой, замутнённой теперь от крушения. К водоёму подбегают сотрудники аэропорта и авиапассажиры других рейсов, многие ныряют в пучину в надежде спасти тонущих. Не оставаясь в стороне от чужого горя, я тоже прыгаю в воду, но в непроглядной жиже не нахожу ничего, кроме остатков обшивки, штурвалов и кресел. Ни одного человеческого тела достать на сушу так и не удаётся.

⁷² БГ. «Radio Silence» (1989). «Китай» // А. Вертинский – Н. Гумилёв.

Баловни судьбы, «выжившие», мы вдвоём бредём по направлению к моему дому. По пути меня осеняет довольно приятная мысль: так как в самолёте были мои одноклассники, то теперь у меня больше шансов выиграть потанинскую стипендию (через два дня, в понедельник), потому что Оля и Настя – утонули (их появление в сновидении связано, видимо, с тем удивлением, что они отлично отучились последние два семестра).

Но, с другой стороны, гораздо большая печаль охватывает всё моё существо: ведь в самолёте оказался погребённым Борис Рубекин! (появление Рубекина связано, конечно, с известием о предстоящей ему операции в 51-м выпуске новостей Аквариума; там же встречаются стихи про *самолёт* и Шато-Петрюс).

Пока я осмысливаю в своей голове выгоды и потери от произошедшей трагедии, под козырьком крыльца одного из потемневших ближе к ночи домов мне встречаются одноклассницы Оля и Ирина. Ошеломлённый, я спрашиваю их в полнейшем недоумении:

– А как вы выжили?

Ирина, в свойственной ей манере раздражения, отвечает очень резко, с вызовом:

– Это ты где был, когда мы спасались!?

Эпизод второй. Вместе со своей музыкальной группой я исполняю песню «Белая» в инструментальном варианте. Ритм на треть замедленнее в сравнении с оригиналом. Неожиданно появляется человек и говорит:

– Да ритм не должен быть таким, как сейчас! Просто вы должны успевать сыграть то же самое за время на треть короче.

Полностью осознав эту гениальную мысль, все музыканты, не исключая меня, облегчённо вздыхают, словно узнавшие великую истину:

– А-а! Да, верно. Точно, – слышится со всех сторон.

И мы продолжаем уже как надо. Я вожу по струнам своей гитары чаще и слышу, даже чувствую телом, что получается значительно лучше, чем прежде. Группа получает огромное удовольствие от согласованности, «симфоничности» своих дей-

ствий. Проигрыши завораживают, увлекают с собой в мир музыкальных хитросплетений и неведомых мотивов.

Вскоре почему-то все исчезают, и я остаюсь наедине со студийным компьютером занятый созданием сборника своих рассказов. В голову мне приходит замечательная мысль о том, что нужно совместить готовящуюся книгу с теми инструментальными мелодиями, которые мы записываем одновременно с моим литературным проектом. И я представляю перед собой красочное издание с изящно оформленной обложкой со вложенным внутрь полиэтиленовой упаковки компакт-диском, похожим на плоскую аудиокассету, даже на коробку альбома. (Проснувшись, утром я придумал, как решить проблему дисгармонии размеров компакт-диска и небольшой книги: следует записать маленький диск, который часто можно встретить в магазинах и который вмещает около 200 мб).

Инициация в чаны

...не имеется прочного критерия того, было ли то сновидение или живая действительность, кроме простого факта пробуждения, да и то лишь вообще практически.

Дельбёф⁷³.

Эпизод первый. Утром просыпаюсь в углу дедушкиной комнаты, с похмелья. С грустью в глазах на меня смотрит молчаливая Настя. Тяжело вздохнув, она встаёт и уходит. Мой знакомый, специально дожидавшийся, когда я проснусь, начинает посвящать меня в последние, горячие сплетни.

– Вчера богослужение было, – оглядываясь по сторонам, шёпотом докладывает он мне, – отец Евгений служил. Чашу без молитвенного усердия поставил, она всю ночь по храму и пролетала.

Устало посмотрев на информатора, я встаю, чтобы умыться. Ко мне на телефон приходит сообщение: за стеной звучит короткая мелодия. Я выхожу из комнаты и направляюсь за сотовым на кухню, но в коридоре мне его передаёт Ирина, жена брата, уже собирающаяся уезжать к себе домой. На экране телефона

⁷³ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 66.

я открываю сообщение. Приславший его записан у меня в книжке как «Zaschitnik Otechestva». Оказывается, вчера он был на службе и его рукоположили в придворную должность, и посвящённый зовёт меня праздновать это событие.

Эпизод второй. Мэр города посвящает Джеки Чана в профессионалы. По улице шествует торжественная церемония. По пятам за актёром-трюкачом крадутся пятеро следящих. Когда Чан выходит на мост, с другой стороны дорогу награждаемому перегораживает автобус, а мэр бьёт в метровый гонг, и по этому сигналу начинается погоня. На помощь одинокому воину торопится Брюс Ли, но даже действующих вместе их нещадно избивают по пятнадцать человек на каждого. Измождённых бойцов приводят в столовую, полную чанов, кастрюль и половников, и продолжают буквально истреблять, молотить в пыль. Тяжела доля праведника.

Эпизод третий. Вместе с одногруппником Андреем мы покупаем новый автомобиль. Мы расходимся во взглядах, и я позволяю сделать выбор своему напарнику. Он пытается договориться о приобретении определённой модели, но так и не завершает начатое. В итоге, мы возвращаемся к первой машине, за которую выступал я, и уже покупателями уезжаем на ней домой.

Около кремлёвской стены Андрей останавливается прямо на травяном газоне и нетерпеливо смотрит на часы. Через полминуты под нами возникают рельсы, а со стороны музея самоваров на нас несётся грозная дрезина, которая, долго совсем не снижая скорости, успеваает затормозить в самый последний момент и делает это очень уверенно. Из нашего авто выходит мой инструктор по вождению, которого мы раньше не замечали, и начинает болтать со знакомым машинистом. Последний решает дать себе отдыха и загоняет вагон в кремль.

Рисунок 14.

Эпизод четвёртый. Припарковав машину у кремля, я поднимаюсь наверх и на стене у угловой башни наблюдаю за отдыхающими внутри крепости. Одна девочка рассказывает моей маме, что ждёт своего брата, который в кремлёвском подвале курит траву. Матушка осуждает это, и девочка отходит; я начинаю смеяться. Везде внизу царствует веселье, радостные люди общаются между собой. Через минуту моего величавого дозора ко мне подходит незнакомец, которого я, однако, и ожидаю. Он сообщает мне некоторые секретные сведения о купленном автомобиле.

Эпизод пятый. Во второй половине дня я возвращаюсь к своей семье. Отец рассказывает моему брату о преимуществах машины перед общественным транспортом. Мимоходом я упоминаю о своей покупке. Вместе мы идём в гараж. Я достаю из кармана связку из семи-восьми ключей, как из класса примыкающей школы выбегают ругающиеся люди. Видя, что я отвлекаюсь на происходящее, отец забирает у меня один ключ и помогает открыть замок. Ко мне подбегает Настя и начинает кричать про дым. Я хватаю её буквально в охапку, несу в ванну и подставляю головой под струю воды. Чтобы успокоить одноклассницу (а затем целовать её), – я знаю, – нужно её намочить, особенно волосы.

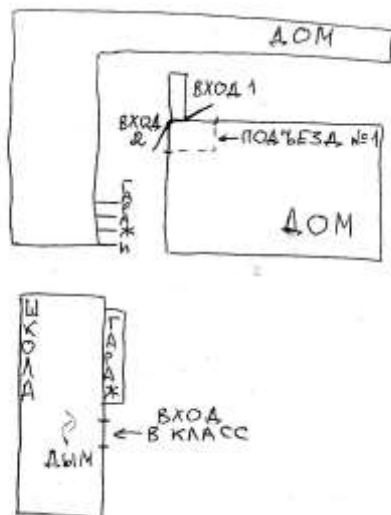

Рисунок 15.

Два хорепископа, или Рисовая бомба

Когда Ксеркс перед походом на греков не послушался добрых советов, а последовал воздействию постоянных сновидений, старый толкователь снов, перс Аггабан, сказал ему очень метко, что сновидения в большинстве случаев содержат то, о чём думает человек в бодрственном состоянии⁷⁴.

В одну из ночей на границе осени и зимы я гуляю в одном из развлекательных заведений. В разгар веселья я по своему обычаю исчезаю и оказываюсь в воображаемом районе частных домов. Вначале об их расположении ничего нельзя заключить, но позже выясняется, что они находятся около артиллерийского института. В кромешной тьме я оказываюсь в ветхом доме с деревянным настилом из досок на полу. Чувствуя себя, как рыба в воде, я расхаживаю взад-вперёд по комнате с гитарой в руках и наигрываю какую-то песню. Головой при этом я иногда касаюсь острых ветвей высокого кустарника, растущего поблизости, и все мои неудобства усугубляются тем, что на улице идёт дождь, и противная холодная вода капает через громадные дыры в

⁷⁴ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 23.

крыше. В определённой части мелодии появляются Мария и Ирина с психологии (Маша участвовала во втором туре потанинского конкурса). Обе они внимательно смотрят на меня и с удовольствием меня слушают, правда, так сладко при этом улыбаясь, как будто замышляют что-то хитрое. Неожиданно меня начинает клонить в сон, и я странным образом засыпаю, так что не замечаю этого факта до тех пор, пока не просыпаюсь из более глубокого сна.

Открывая глаза, я понимаю, что уже утро, что на улице светло. Моим первым желанием является поскорее покинуть приютивший меня заброшенный дом, и по пути к «парадному» забору (там, где «официальный» выход) я оказываюсь на углу с пограничным, соседним владением. С тяжёлой головой я осматриваю местность: это улица Мира, примыкающая к проспекту Ленина. От тротуара и асфальтовой дороги меня отделяет только старая оградка с дырой от прогнивших досок, в которую легко можно пролезть (в черновике: «это выход из положения»). Что я и делаю. Выбираюсь из зловещего логова в город, смотрю на часы на телефоне. Время раннее, 08:09 (это я хорошо помню). С огромным дискомфортом нравственного характера я замечаю, что иду в одном нижнем исподнем. И, чтобы не потерпеть позора от чужих глаз, я внутренне сосредотачиваюсь и усилием мысли через секунду переношу себя в гимназию.

Первым человеком здесь я встречаю отца Льва (его появление в сновидении связано с воспоминанием об экзаменационной «тройке» и невозможностью в связи с этим участвовать в потанинском конкурсе в прошлом году). Протоиерей *всё* про меня знает. Чтобы удостовериться это для меня, он сообщает мне, что я делал вчера, о чём думаю сейчас, чего хочу достичь завтра. Другими словами, проявляют полную осведомлённость, даже всеведение относительно меня. Затем священник уходит в свой кабинет, а я собираюсь подняться на второй этаж.

Но у первой ступени лестницы мне встречаются два церковных иерарха. Оба они одеты в ризы белого духовенства цвета чая с молоком, причём молока больше. Несмотря на это, а, скорее, в силу стремления давать всему существу имена, я называю

их про себя «хорепископами» (это должность в древней Церкви, нечто вроде викарного епископа). С первым из них я здороваюсь традиционным образом: мы жмём друг другу руки и единокрратно лобызаемся. А со вторым выходит небольшая заминка. Я пытаюсь поприветствовать его так же, как и первого, но он оказывается более строгим. Дозволяя мне только пожать ему руку, хорепископ одновременно с этим принуждает, не отпуская соединённых ладоней, поклониться чуть влево, хотя в ответ кланяется мне и сам.

По окончании этого церемониала мне, наконец, удаётся достигнуть второго гимназического этажа, где я немедленно сажусь на диван. Поблизости прогуливается человека три, по виду все они гимназисты. К моему соседу слева, мальчику лет двенадцати, с испытующим видом подходит учитель и, показывая пакет с варёным рисом, задаёт задачку:

– Почему из этого, – спрашивает он, – может получиться бомба?

Мальчик не знает ответа на эту уловку и досадливо молчит. Тогда я, известный сноб, непременно хочу похвастаться своими знаниями. С некоторой настойчивостью, хотя и довольно корректно, я выдвигаю свою кандидатуру на объяснение и даю исчерпывающий комментарий.

– Во-первых, – начинаю я, – рис созревает, и из одной рисинки получается много риса. Во-вторых, при разварке семена риса становятся активными и увеличиваются в размерах многократно в короткий срок, в результате чего и взрываются.

Я остаюсь настолько доволен своим ответом, что несколько не сомневаюсь не только в его правильности, но и в обоснованности и красноречивости изложения. (Это следствие вытекает, очевидно, из рассуждений и надежд на завоевание второй потанинской стипендии).

Интермедия №2

Во сне мы видим себя птицей и взмываем в поднебесье, а то вдруг видим себя рыбой и погружаемся в пучину вод. И никто не знает, спит ли, бодрствует ли тот, кто сейчас произносит эти слова.

(i).

Меня пригласили на вечеринку, и я уже подходил к означенному месту (на Ивановских дачах), как во дворе соседнего дома меня за руку укусил кот. Точнее, сначала он спросил, на какой он группе инвалидности; а так как я не ответил и хотел пройти мимо, он меня и укусил. Тогда я был вынужден ответить коту, что он на II-й группе.

* * *

(ii).

В телеэфире Борис Гребенщиков поёт одну-единственную песню – «Белую». Однако «песней» это выступление можно назвать лишь условно. Вначале звучит мелодичный проигрыш, вступление, после чего музыкант декламирует стихи. Обращение состоит из восьми строк, первая из которых общеизвестна. Последние шесть строк я забыл, но могу с достоверностью сообщить, что и в них ни разу не встречается рифмы.

– «Люблю грозу в начале мая, // С его *попыткой* вспомнить лето...».

* * *

(iii).

Три ночи подряд видел во снах поезда.

Ночь первая. В глубоких сумерках по лугу едет поезд дальнего следования. Действие длится минут десять, однако за всё это время (даже и с учётом остановок) состав не преодолевает даже одного поля, с трёх сторон ограниченного густыми посадками леса.

По чёрной земле ходят тёмные тени. Они далеко и явно не представляют для нас, пассажиров, опасности, так как думается, что наши пути и пересечься никак не могут. На одной из «станций» я выхожу из вагона и начинаю рыть лопатой землю. Оттуда я выкапываю (или, наоборот: закапываю?) разное оружие: военный нож, чёрный пистолет и тяжёлый пулемёт. Не успеваю я закончить начатое, как откуда-то начинает звучать Аквариум,

⁷⁵ Чжуан-цзы. Даосские каноны / Пер., вступит. ст., коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 103.

и я, по традиции, оставляю все свои дела и вытягиваюсь в молитвенную струну. Не могу назвать, какая именно песня раздаётся в воздухе, но её настроение, вкус – её *картинку* я знаю наизусть, как что-то своё. Именно «картинку»: это даже не набор звуков, а некое фотографическое впечатление, нестираемый образ ассоциации. И по этому *снимку* (хотя во сне я не помню ни единого слова) я могу с уверенностью указать воспроизводимый трек – «Под мостом, как Чкалов». Кажется даже, что само ощущение песни сродни фону всего происходящего в ночи действия – такое же тёмное.

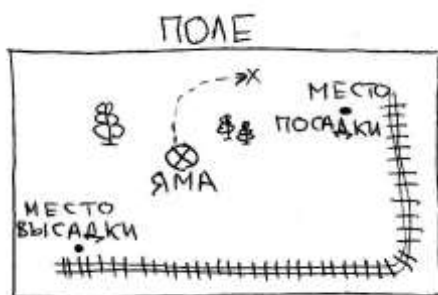

Рисунок 16.

Музыка застаёт меня в центре поля (которое, кстати, размером всего тридцать на тридцать метров или, возможно, сорок на сорок), и, раскопав тайник, я резво выбегаю к его краю и впрыгиваю на подножку поезда. В поисках одного человека, я прохожу весь состав от головы до хвоста и в последнем вагоне наталкиваюсь на тридцать вооружённых молодых мужчин в камуфляже, с автоматами на плечах, почему-то очень весёлых и смеющихся. Они горячо разговаривают между собой, и их ноги выставлены друг к другу в проход между скамеек, поэтому мне приходится их обходить. Военные никак на меня не реагируют (они меня попросту не замечают), и я с трудом пробираюсь между их огромных сапог. В последнем тамбуре оказывается пусто, и через ненавистный мне милитаризированный вагон я возвращаюсь в предпоследний и дальше назад.

Ночь вторая. В пять часов дня вместе с моим инструктором по вождению Иваном Ильичом мы вышли из седьмого или

восьмого подъезда моего дома. Иван Ильич тут же направился в сторону остановки и дал мне указание, чтобы я следовал за ним. Однако я остановился поболтать с одноклассницей Лерой (вместе с её знакомым, мне незнакомым) и простоял с ней ровно 35 минут. Этот отрезок был просчитан у меня в голове с точностью, так, что, не смотря на часы, я знал, что сейчас 5:35.

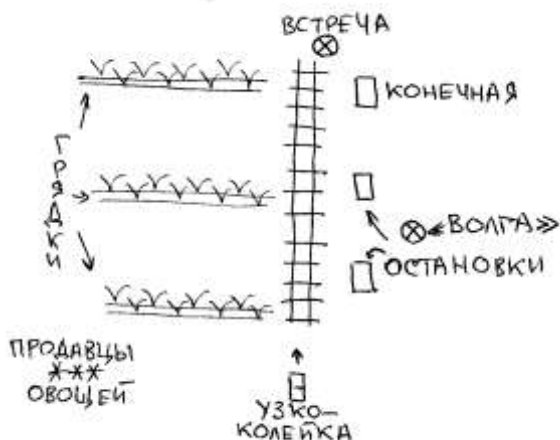

Рисунок 17.

За истёкший срок инструктор уже успел далеко скрыться, и я, естественно, никак не мог его догнать. Мне оставался лишь один выход – искать его на грядках, где сидели продавцы овощей. Чтобы не терять время, я сел в «малолитражный поезд» – узкоколейку с просторным салоном, обитым зеленоватым сукном. Через три остановки я вышел на конечной и уже вскоре встретил своего учителя по вождению. Он был в хорошем расположении духа и отдал мне ключи от моей машины (не от автошкольной, а именно от моей), но всё-таки не удержался от незлобно-злого словца по поводу моего непослушания. Я засеменил в обратную сторону и открыл свою «Волгу». «А если бы не смог, – подумал при этом я, – отец наверняка бы ругался».

* * *

(iv).

Мимо прекрасного, зелёного казанского парка я следую к семнадцатизэтажному отелю с разноцветным двориком, детской площадкой и бассейном при входе. Уже внутри я с интересом прогуливаюсь по длинным и загадочным коридорам, стены которого обиты тёмно-вишнёвым бархатом. Заглядывая иногда в роскошные гостиничные номера, я обнаруживаю, что из-за портьеры на меня заглядывает старый служитель, так же, как и я, округляя горящие глаза. Помню, что одни апартаменты протянулись от одной стены здания до другой метров на двадцать. Как это таинственно.

* * *

(v).

Экзаменатор придирается к моему ответу:

– Вы что, недосопоставили письма в «Старом труде» и «Старом труженике»? Кто из мастеров словесности больше помог автору?

* * *

(vi).

Снится роскошная синяя борода в десять метров.

Кожыев

Вставь отъ молитвы, Онъ пришёлъ к ученикамъ, и нашёлъ ихъ спящими отъ печали. И сказалъ имъ: что вы спите? Встаньте и молитесь, чтобы не впасть въ искушение (Лк. XXII, 45 – 46).

Эпизод первый. На втором этаже кафедры очень светло. На улице тихий декабрьский вечер, а здесь ярко горят солнечные лампы, освещая жёлто-деревянные двери, коридор и просторную площадку. В центре помещения (между доской объявлений и перилами) стоит радостный, улыбающийся Борис Гребенщиков. Теперь он в своём новом проявлении, без непреодолимой границы недостижимости. Музыкант стоит здесь, рядом, совсем близко, как самый что ни на есть хороший знакомый; можно сказать, что «в коже» – в своём человеческом естестве. Конечно же, с бородой молодым вихрем.

Мы разговариваем «запросто», безо всяких церемоний, даже как давние со-трудники. Обсуждая свои творческие планы –

в том числе и совместные – мы с Борисом Борисовичем проводим пару минут, пока из динамиков сверху не начинает греметь в высшей степени некрасивая и нахальная песня.

– Потише! – с неистовством кричу я местному звукорежиссёру, стучась к нему в дверь (в реальности это глухое место в стене справа от окна).

Как бы по достоинству оценивая мою настойчивость и решимость в верных вещах, Гребенщиков утвердительно кивает мне головой:

– Вот это хорошо. Вот это правильно (дословная цитата из тульского интервью музыканта).

(Это воспоминание связано, по всей видимости, с отмечанием потанинской стипендии, когда мой одноклассник Павел спросил, что Аквариум, наверное, не обязательно слушать громко, а я отшутился, что обязательно).

Эпизод второй. Посещая в тот же день занятия, я захожу на пару «православия и русской литературы». В руках у меня скреплённая курсовая работа (которую я уже сдал и по которой давно проставлены баллы; кроме того, такой предмет недавно вообще закончился). В аудитории сидит литератор и несколько студентов перед ним, причём многие из них – с младших курсов. Заняв своё место и немного послушав старые бредни, я встаю и решительным шагом выхожу вон. Пройдя ещё несколько комнат, встретившись в одной из них со своей старостой Викой, я окончательно прощаюсь на сегодня и покидаю родную кафедру.

Эпизод третий. В толстой газете я останавливаю взгляд на рекламе одежды «из кожи». Бульварное издание лежит ко мне перевёрнутым своим «верхом», поэтому все тексты я читаю наоборот. Странная мысль пробегает в моей голове: почему это во встретившемся объявлении «-жи» пишется через «ы»? «Неужели, – думаю я, – если существительное стоит в косвенном падеже, то *по правилу* в нём нужно писать “ы”?». Немного поразмышляв на заданную тему, я прихожу к выводу, что всё-таки в любых падежах – даже если это и противоречит современному русскому языку – надо ставить «-жи». Принятое решение успокаивает меня, и, счастливый, я просыпаюсь с улыбкой на лице.

(Весь сон навеян моей задумкой книги о русском языке, в которой были бы перемешаны различные каламбуры, нелепости и глупые «правильности»; а также, естественно, с почтением к букве «ы»).

Эфиопский амфитеатр

“Вот девушка видит сон, ей кажется, что она трамвай, она едет и звенит, ей очень весело, она чувствует, что наполнена людьми. Хороший сон, очень хороший сон, – подумал Анфертьев, – может быть, она, милая, была беременна и страдала, а вот во сне получила облегчение”.

К. Вагинов. «Гарпагопиана», III⁷⁶.

Эпизод первый. Окрестности города закрывает теперь от наблюдателя только небольшой холм, покрытый редкой, глиняного цвета травой. Вечер клонится к закату, и медные лучи солнца превращает пустынный пейзаж в нескончаемые золотые россыпи. Наконец, на горизонте появляется огромный полуразрушенный амфитеатр. Его огромные своды резко выделяются на фоне плавных очертаний природы. Несмотря на то, что от архитектурного сооружения меня отделяет ещё полчаса ходьбы, уже в следующую секунду я оказываюсь внутри мрачного цирка.

Амфитеатр освещён горящими факелами, но даже так представляет собой – особенно сейчас, в ночное время – «закопчённый», заколдованный круг. Всё здание поделено на две части. Левую половину занимают светлокожие мужи в белых туниках, каждый с свитком в руке. Правая полусфера забита коричневыми людьми, по виду напоминающими эфиопов, очень воинственными, явно враждебно настроенными по отношению к своим *противникам*. В цирке постоянно раздаётся оглушительный гул, бешеные удары барабана, иногда кто-то выкрикивает призывы к столкновению или ругательства.

Спустя некоторое время на арене появляется главный участник состязания. В львиной шкуре, с коротким, но острым мечом из железной клетки выходит доблестный воин. Его глаза горят мужеством, разбавленным неизвестностью; ноги полусогнуты в коленях; он ожидает своего противника. Наконец, зрелище начинается.

⁷⁶ Вагинов Конст. Романы. М., 1991. С. 389.

Из квадратной дыры в самом низу округлой стены выползает тонкая, как струна, змея и направляется прямо к герою. В неистовом рёве публика приветствует подобный поворот событий. Всего одним точным ударом оружия гладиатор рассекает гадину надвое; расстроенная толпа недовольно вздыхает. На место убитой гадюки заступает другая змея, шипящая и описывающая круги вокруг воина. Выждав время, храбрец отрубает ползущей голову. Так ещё несколько рептилий поочерёдно выбрасываются на арену, но всех их уничтожает блестящее остриё.

Наконец, под самый занавес выступления из-под купола выпадает огромная в своих размерах двуголовая змея – амфибена. Сгибаясь в подкову, она набрасывается на свою жертву сразу двумя пастями, издавая неимоверное и ужасающее шипение. Иногда она сворачивается бумерангом и, раскрутившись на земле, взлетает вверх на человеческий рост и бьёт достойного мужа «хвостом» в голову. Так продолжается несколько раз, и невольный солдат уже начинает отходить от центра к окружности зала, как останавливается, словно ужаленный неожиданной мыслью, и что есть сил кричит на змею:

– Ура, Борис! Ўра, Бóрис! Уробо-орос!

Ошеломлённая ударом судьбы рептилия застывает на месте и, как бы следуя тайному заклинанию, ртом одной головы пожирает другую. Из раны начинает течь густая кровь, а смиренная змея неподвижно повисает вертикально в воздухе в самом центре амфитеатра; весь зал единогласно замолкает в общем невольном вздохе. Тогда хитроумный воин подбегает к онемевшей змее и, как по канату, взбирается на самый верх, на всю длину угрожающе-страшной нечисти. Гладиатор просовывает свою руку змее в пасть и вытаскивает оттуда красное яблоко, после чего обхватывает склизкую шкуру и спускается вниз, как по пожарной трубе. Под ногами прыгивающего победителя проламывается земля, и тот исчезает в неизвестном подземелье.

Эпизод второй. В здании моей бывшей гимназии я оказываюсь в коридоре левого корпуса. В ночной тишине неслышно даже храпа сторожа, но с периодическим противным трением о кафельный пол я передвигаю к кабинету химии огромный аква-

риум с свиноматкой внутри. Животное ужасно визжит и бьёт своими чудовищными копытами в стёкла высокой ёмкости. Устав от долгого и изнурительного труда, я останавливаюсь под свиной аккомпанемент, чтобы вытереть с лица крупный пот и передохнуть.

В это время из аудитории выходит лично Борис Гребенщиков. Одетый в классический чёрный фрак, он делает несколько шагов по направлению ко мне, оставляя после себя вместо двух по четыре следа в виде раздвоенных копыт.

– Тяжело тебе? – спрашивает у меня музыкант с лицом невозмутимого секретного агента спецслужб.

– Вы что, не знаете закона всемирного тяготения? – не без иронии отвечаю я вопросом, которым будто бы можно разъяснить ситуацию.

Гребенщиков немедленно меняется в лице и, дрожащими руками доставая кнут, остервенело начинает хлестать меня... по стене. Руководитель Аквариума бьёт по штукатурке, а у меня на коже появляются кровавые рубцы; с покрытия отлетают куски краски, а на мне открываются глубокие язвы. Не выдерживая невыносимой боли, я завываю волком, но не могу ничего предпринять для собственной обороны. Видя мою слабость и беззащитность, свинья перестаёт визжать и начинает безудержно хохотать, заливаясь от смеха. Вскоре, однако, она не выдерживает накала коллизии и взрывается на несколько десятков миниатюрных поросят, которые за неё продолжают хихикать своими тихими, но задорными голосами.

Опиум из бутылки с бобами

В сновидении мужчины, вызванном болезненными ощущениями в половых органах, субъекту снится, что он находит на улице верхнюю часть кларнета, рядом с нею трубку и шубу. Кларнет и трубка изображают penis, шуба – растительность. В аналогичном сновидении женщины узкая паховая область изображается тесным двором, а влагалище – узкой, клейко-вязкой тропинкой, по которой ей приходится идти, чтобы отнести письмо какому-то мужчине.

Поздней ночью я захожу в незнакомый притон на первый этаж. По периметру заведения располагаются несколько дверей, ведущие, видимо, в комнаты для уединённого наркотического досуга. В центре плохо освещённого зала стоят три или четыре стола; за одним из них сидят двое мужчин. Я сажусь за соседний с ними стол: он крайний слева. Не давая времени привыкнуть к обстановке, ко мне подходит владелец «таверны» и тоном незаинтересованного человека спрашивает, чего я изволю.

– Опиума! – неожиданно громко даже для самого себя говорю ему я.

Тот достаёт из складок своей одежды початую бутылку (отпито только до «плечей») и спрашивает у одного из мужчин:

– Сколько я тебе налил?

– Пятьдесят (граммов), – быстро отвечает тот, и я понимаю, что заседает он здесь преимущественно в долг и поэтому находится у хозяина в полном повиновении.

Владелец снова поворачивается ко мне и наливает в мой стакан те же пятьдесят граммов, что и моему соседу. После этого жидкости в ёмкости остаётся чуть-чуть на доннышке, а содержимое при этом заметно мутнеет. Кроме того, в напиток появляются два плавающих боба.

(Уже проснувшись, я задал себе закономерный вопрос: а причём здесь опиум?).

Апрельский концерт

Взгляд влево был бы признаком страха,

Взгляд вправо был бы знаком сна.

Борис Гребенщиков⁷⁸.

Эпизод первый. В свежей газете мне встречается полиграфический буклет-объявление. На синем фоне выведены красивые белоснежные буквы: «Сольный концерт Бориса Гребенщикова». Под текстом содержится подпись с указанием даты. Вна-

⁷⁷ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 101.

⁷⁸ Аквариум. «Любимые песни Рамзеса IV» (1993). «Как нам вернуться домой».

чале я плохо вижу её и предполагаю, что событие состоится в текущем месяце, декабре. Однако, присмотревшись получше, я узнаю день (боюсь соврать, какое именно число) и месяц: «апрель 2006 г.».

(Вероятно, этот фрагмент связан с прошедшим концертом Аквариума 21-го ноября. По этому поводу моя матушка замечает: «Как хорошо: в прошлом году приезжали, в этом тоже»; а я отвечаю ей полусерьёзно: «И в следующем году приедут. В апреле!»).

Эпизод второй. В очень светлой комнате спит ребёнок в пелёнках. Утром он просыпается, а на его теле ночью кто-то проставил отчётливые знаки. На локтях грудничка виден отпечаток лап кошки или рыси, игрушечно-зелёного цвета. На ногах – по красному пистолету, мирно направленных друг к другу.

Выстрел в Краснодаре

Существует семь этапов сновидения. Первый заключается в том, чтобы осознать, что вы засыпаете. Это позволит вам сохранить сознание на протяжении сна. Затем, однажды достигнув такого состояния, вы сможете удерживать его так долго, что вам и не снилось. Однажды начав просыпаться в ваших снах, вы начнёте приобретать больше энергии.

К. Кастанеда⁷⁹.

Во сне я просыпаюсь и в волнении смотрю на часы: на дворе десять утра. «О нет! – хватаюсь я за голову. – Я пропустил Фролову! Как мне оправдаться перед преподавательницей?». Начинаю «непщевати вину», искать отговорки. Придумываю себе следующую превосходную по убедительности легенду: я был в Краснодаре, и там в меня стреляли.

Представляю летний цветущий сад. Вокруг благоухают кусты сирени и яркие цветы на красивых газонах. У меня в руке чёрный пистолет, и я машу им, жестикулирую, указываю в разные стороны, как жезлом. Вместе с девушкой мы идём к зданию кинотеатра советских времён. Помещение наполовину напоминает вход в столичное метро, наполовину – космотариум. С лёг-

⁷⁹ Кастанеда К. Лекции и интервью. М., 2006. С. 53.

ким сердцем, в предвосхищении удивительного сеанса, мы заходим внутрь.

В холле двенадцать-пятнадцать человек поочерёдно заглядывают в трубу, направленную к небу. Мне на ум приходит мысль, что это испытание для студентов, уже ставших потанинскими стипендиатами, проходящее в другом городе (накануне в газете как раз вышли фотографии победителей конкурса). В центре пространства проделана огромная дыра с крутым спуском вниз и многочисленными ступеньками. Все присутствующие делятся на две команды и выбирают себе капитанов. Группу слева веду за собой я, правой же руководит мой одноклассник Андрей. Держась за деревянные перила, я правлю своими «подопечными» очень медленно, потому что боюсь расшибиться. Однако когда до дна импровизированной «шахты» остаётся совсем поддать рукой, когда на карту оказывается поставлено всё, я почему-то забываю про меры предосторожности и буквально несусь вниз, увлекая команду за собой. Под нами возникает широкая деревянная доска вроде длинной лыжи, и мы начинаем скользить на ней по наклонной поверхности с огромной скоростью, причём меня иногда выносит вверх, словно на гребне волны.

По сюжету игры за выполненным заданием следуют различные конкурсы. Участникам раздают футболки с номерами; мне достанется 30-й. Однако вместо того, чтобы постоянно находиться между 29-м и 31-м, я всегда оказываюсь на другом краю круга непосредственно перед первым по списку.

(С утра в ванной я придумал формулу для увиденного сна: «Сегодня меня волновали ночные цикады»).

Итальянское пиво

Я проснулся смеясь.
Я спустился вниз, я вернулся назад,
Я проснулся смеясь
Над тем, какие мы здесь...

Борис Гребенщиков⁸⁰.

⁸⁰ Аквариум. «Любимые песни Рамзеса IV» (1993). «Лётчик».

Первый этаж высотной гостиницы непривычно полон людьми. Все они, подобно прислуге, стоят по двум сторонам от церемониального прохода, покрытого яркой ковровой дорожкой. Среди ожидающей толпы нахожусь и я, как и все, взволнованный желаемой и предвосхищаемой встречей с именитым гостем. Как будто не замечая окружающих, в холле появляется говорящий с организатором мероприятия, шествующим рядом, Борис Гребенщиков. Быстро окинув взглядом присутствующих, музыкант внимательно смотрит на меня, однако проходит мимо не останавливаясь.

Спустя несколько минут мы вдвоём с БГ оказываемся за столиком ресторана гостиницы на втором этаже. Старые знакомые, мы беседуем очень тепло и оживлённо, одним словом, за просто. Неожиданно Гребенщиков спрашивает меня, как если бы давно хотел узнать моё мнение:

– А почему ты продаёшь журнал дешевле себестоимости?

При этом он, конечно же, имеет в виду «Клепсидру», которую я подарил ему на прошлогоднем концерте в тульской филармонии. Стараясь принять как можно более умный вид, я отвечаю важным, даже деловитым тоном:

– Во-первых, если продавать его дороже, его никто не купит. А, во-вторых, когда клепсидра переворачивается, вода из неё вытекает. Не нужно нарушать порядок в поднебесной.

Гребенщиков явно остаётся довольным моей репликой и, приветливо улыбаясь, чокается со мной. Постепенно к нам присоединяются ещё двое собеседников; причём это происходит незаметно и как-то легко, неотягощающе. Входя в раж, я начинаю выплёскивать целые группы афоризмов и остроумных мыслей, попутно отхлёбывая из бокала некий напиток. Я обращаю на него внимание только в тот момент, когда беру паузу в своей декламации, чтобы перевести дух. Оказывается, это классическое итальянское пиво с давней историей, я помню, что его название начинается с «Ма...» и что его иногда рекламирует толстый усатый сеньор на вытянутых щитах во время футбольных трансляций на канале нтв.

Четырнадцать лет

Четырнадцать лет я не спал, чтобы не тревожить тебя.

Борис Гребенщиков⁸¹.

С чёрной густой бородой а ля 90-е годы, в классическом иконографическом типе, Гребенщиков признаётся в одном интервью:

– Четырнадцать лет я каждый день ходил на православную службу.

Взятка в особо трупном размере

Если бы Юлий Цезарь больше доверял сновидениям, он бы прислушался к предостережению своей жены Кальпурнии, которое она получила во сне.

К. Г. Юнг⁸².

На «Ниве» моего брата я везу всю семью по родному городу. Улицы мне незнакомы, но я понимаю, что эта местность находится в районе Рязанского шоссе и депо 12-го трамвая. По свободной асфальтовой дороге мы выезжаем к мосту, сразу за которым следует развилка в две стороны. Я поворачиваю направо и неизбежно попадаю на другой мост, столь же пустынный, как и предыдущий, на котором нет ни одной машины. На середине пути установлен знак 3.1 «Въезд запрещён». Я внимательно смотрю на белый кирпич на фоне красного круга и безуспешно пытаюсь вспомнить, что он означает. Понимая, что знаки такой формы являются запрещающими, что за их нарушение последует неотвратимое наказание (в черновике: что «будет плохо»), я всё же проезжаю мимо в прямом направлении.

Спустя двадцать метров из близлежащих кустов, взъерошенный, появляется мой брат, владелец автомобиля. Я останавливаюсь возле него. Выглядев взволнованным, Роман подходит к моему сидящему впереди отцу и начинает с ним разговор. В то время, как брат ведёт свой путаный и пуганый рассказ, машина неприметно для присутствующих разворачивается на месте.

⁸¹ Аквариум. «Zoom Zoom Zoom» (2005). «Забадай».

⁸² Юнг К. Г. Архетип и символ.

– Меня тут гаишники останавливали, – говорит брат. – Стреляли в переднее колесо, задели ведро в салоне, рядом с моей ногой.

Я перестаю слушать и выхожу на улицу, чтобы осмотреться. Через полторы сотни шагов от нас, у лесной просеки, стоит машина дпс. Двое сотрудников милиции недобро смотрят в нашу сторону. Неожиданно с другой стороны прибегают пятеро или шестеро гогочущих пожилых женщин (среди них оказывается и моя бабушка по материнской линии), и настороженные гаишники немного успокаиваются. Бабушки начинают хвалиться своими дедушками; они пляшут, веселятся, поют неприличные песни. Затем одна старушка, самая активная, останавливает на мне свой невыносимо-жгучий взгляд и сладострастно щебечет:

– Ах, какой ты выдумщик!

(В конце декабря я строил планы, как отпраздновать в бабушкиной квартире свой день рождения в середине января, когда она уедет на отдых в санаторий в Лесной Поляне).

Тогда двое участниц мистериального танца – говорившая веселушка и моя прародительница – *в шутку* начинают меня избивать, нет, не со злости, а по-дружески, в знак приязни. Чужая бабушка стоит по правую руку от меня, родная – по левую; действие происходит у водительской двери. Та, что «одесную», замахивается рукой и целит ладонью мне в шею, но я успеваю выставить блок. Затем бьёт та, что «ошую», – и также безуспешно. В такой «учебной» схватке проходит такта три, после чего незнакомая мне старушка зловеще смеётся в знак прекращения спонтанной дуэли. Убедившись, что поединок, действительно, завершён, я оборачиваюсь к автомобилю.

В салоне на пассажирском сиденье сидит мой отец, а на заднем – мама и *бабушка*. Но самое поразительное, что у водительского места в нетерпении вертится мой брат. Быстрым знаком и словесным приказом, который я не успеваю расслышать, он заставляет меня сесть назад. Это означает, по крайней мере, две вещи.

Во-первых, – что брат в своём великодушии не держит на меня зла за то, что я проехал под запрещающий знак и таким образом поставил его в сложную ситуацию: ведь в первый раз, когда это случилось с ним самим, в него стреляли.

Во-вторых, – что он полностью берёт ситуацию в свои руки.

Я сажусь в машину через мнимую заднюю дверь, которой в трёхдверной «Ниве» нет и в помине. Брат же оказывается за рулём. Буквально через мгновение с левой стороны подходит гаишник и протягивают Роману несколько банкнот в десять (или, может быть, пятьдесят) рублей и очень любезно предлагают:

– Может, давайте обсудим это дело?

Брат резко отвечает: «Нет!»; заводит двигатель и трогается. ДПС-ник ещё некоторое время бежит у стекла, продолжая увещевать потенциального «спонсора»:

– Куда же вы? Давайте поговорим.

Я понимаю, что речь идёт об увеличении суммы откупа, взятки за совершённое нарушение. Понимает это и брат: он с силой давит на газ, и машина устремляется вдаль. Размышляя про себя, я начинаю подозревать, что гаишник бежит сейчас к своему напарнику и что за нами организовывается отчаянное преследование. «Русский джип» несётся на огромной скорости, но в полукилометре впереди нас водитель замечает перегоняемый через проезжую часть скот и, чтобы пропустить этот животный поток, тормозит вплоть до остановки.

– Время, которое мы выиграли в результате своего исчезновения, уже выравнилось, – нервно теребя пальцами по ободу руля, констатирует брат.

Справа от основной дороги я вижу свободную просёлочную. Хоть она и изрезана ухабами и ямами, но я недоумеваю, почему мы стоим, а не объезжаем образовавшееся препятствие по ней. Неужели брат не видит этой спасительной «лазейки»? Тем не менее я стесняюсь заметить ему об этом и молчу, как рыба, несмотря на то, что сзади всё отчётливее и громче раздаётся милицейская сирена.

Кондуктор из примёрзшей шляпки

Сновидение, имеющее своим объектом зрительные восприятия, рисует, например, золотые монеты, рассыпанные на улице; субъект собирает их, радуется, уносит с собою.

Шернер⁸³.

Вместе с отцом мы едем в Тулу на автолайне. На повороте возле остановки Школьная транспортное средство превращается в самый настоящий автобус соответствующих его статусу размеров, к тому же ещё и следующий по 26-му маршруту. На пересечении с трамвайными путями он вдобавок не проезжает прямо, а поворачивает направо, к Ивановским дачам, куда нам с отцом совсем без надобности. Мне становится жалко уплаченных семи рублей: именно 7-ми, а не 14-ти (если платить в лайне за двоих); именно 7-ми, а не 5-ти (если платить в автобусе за одного). Я предлагаю выйти и пересесть на «родной» 28-й автобус. На остановке мы решительно покидаем салон.

По счастливому стечению обстоятельств, с противоположной стороны немедленно появляется автобус. Я отчётливо вижу, что на лобовом стекле у него написан номер маршрута «26», в то время как одновременно с этим в двух или трёх местах сбоку – «28». Отец уверяет меня:

– Это двадцать восьмой.

Недолго думая, мы заходим внутрь. Обнаружив глазами пару свободных мест, папа быстро направляется к ним. Мы садимся рядом: отец у окна, я ближе к центральному проходу. Двери закрываются, и автобус отъезжает.

У водительского стекла, ближе всего к нам, стоит незнакомый мужчина, с интересом глядящий на дорогу. С полминуты он молчит, но затем начинает громко и грозно кричать, по-прежнему не отрывая головы от уличного движения:

– Передавать будем? Или всех высадить!?

Я не отвечаю и никак не реагирую на его истерический вопль, отец также сохраняет непоколебимое спокойствие: никто

⁸³ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 100.

из нас, очевидно, и не собирается оплачивать проезд. Однако сзади нам, действительно, начинают передавать деньги. Один ссыпает монетки, другой протягивает купюру (явное влияние просмотренной в тот вечер серии «Мастера и Маргариты» с появлением Воланда в варьете). Оказавшись на месте центрального узла, я принимаю все финансовые потоки и отдаю их кондуктору. За это время автобус успевает преодолеть почти целую остановку. Последней «должницей» специально ко мне подходит молодая девушка и просит передать мелочь, я вижу в её руке монеты. Я подставляю ладонь – как в этот момент на внушительной скорости кто-то сзади врывается в наш автобус.

Придя в себя после неожиданного происшествия и испытанного шока, в первую очередь я замечаю, что моя ладонь доверху полна болтов с завинченными гайками и теми же отломившимися деталями – на каждой петелечке! – покрыт весь мой чёрный свитер. Девушка, послужившая косвенной причиной моих неудобств, извиняется и продвигается вперёд к водителю. Только теперь мне удаётся определиться на местности: мы находимся в районе трамвайного кольца.

Снаружи автобуса, примёрзшей к переднему крылу, я замечаю шлюпку-тачанку с маленькими колёсами. Лёд, «соединяющий» два транспортных средства между собой, самый натуральный, он имеет даже характерный дорожно-бурый оттенок, какой обычно приобретает снег на зимнем асфальте. Стремительная девушка стучит водителю в окно и, когда тот изнутри отодвигает заградительную ткань, сообщает, что она из «прикннувшей» шлюпки и что удар произошёл не по её вине. Но не успевает барышня завершить торопливую фразу, как понимает, что шофёр – не кто иной, как её отец.

Пока неловкая пауза не успевает перерасти в немую сцену, мужчина, сидящий спереди справа (раньше он был незаметен), начинает подговаривать обоих обратиться в бюро по обжалованиям: там, по его словам, им обязаны выплатить огромную сумму страховки. Главным же его доводом в пользу такого юридически грамотного шага является то, что временные затраты на

поездку в агентство минимальны: 90% времени, – говорит неизвестный господин, – ехать без остановки, очень быстро.

Из разговора трёх участников обсуждения, за которым я внимательно слежу, я открываю, что водитель, оказывается, работает не свою смену, что сегодня за рулём должен был быть другой, а вышел он. Однако, несколько теряя интерес к происходящему, я щёлкаю встроенным в тело переходником на груди (у сердца) сверху вниз, – и все болты, словно не подвластные теперь магнитному притяжению, с грохотом падают на пол.

Как бы реагируя на моё действие, отец встаёт со своего кресла и, выйдя в проход, становится передо мной в позу. Только сейчас я замечаю, что мой родитель на самом деле Валентин Гафт (в экранизации «Мастера и Маргариты», одну из серий которой я смотрел тем вечером, первосвященника Каиафу играет именно этот актёр), но с нелепым кожным наростом справа на голове в виде мужского уда (в черновике менее конкретно: «срамной формы»).

– Это был не толчок, – начинает он разъяснять ситуацию, говоря одну правду. – Шлюпка следовала сзади на безопасном расстоянии, но за ней нёсся крейсер. Волной от него и накрыло дочь водителя, «кондукторшу»! Никто здесь не открывает истины (о, народ лживый!). Посмотри хотя бы этого мужчину [тот, что кондуктор в самом начале]. Он делает вид, что верит сказанному. Водитель вообще молчит. Неужели ты не понимаешь: они боятся!!

На этот раз уже я, вдохновлённый зажигательной речью, становлюсь оратором и обращаюсь с призывом к согражданам. В это время автобус уже проезжает Басово, а из ржавой трубы диаметром сантиметров десять-двенадцать, которая выставлена на улицу и вверх, на падающий снег бьёт вода ростом в метр.

– Мы, – начинаю я свою пламенную и душеспасительную речь, обращаясь к пассажирам, – лучшие из лучших (это отголоски награждения потанинских стипендиатов)! И только один человек присутствует здесь не по собственному желанию – это водитель. Да и он не в свою смену.

В то время как зажжённые моей проповедью люди принимают методы подсчёта своей выгоды, сон неизбежно скатывается в пробуждение.

Варвары-головорезы

Так сбывается твой сон, как он истолковывается.

Исландская пословица.

Фрагмент первый. В актовом зале университета заканчивается одно из мероприятий конкурса на потанинскую стипендию. Всегда рядом со мной находится мой одноклассник Андрей, вместе мы выполняем разнообразные задания. Однако уже в следующей сцене, с другими четырьмя студентами, мы весело идём вверх по проспекту Ленина напротив артиллерийского института. С нами шествует и один из организаторов испытаний в этом году, тот, что с бородой. Только сейчас я узнаю, что Андрей стал потанинским стипендиатом.

Фрагмент второй. Неожиданно для самого себя я обнаруживаю внутри V-го действия игры «Diablo-II» новый уровень, действие которого происходит в каменном подземелье. Мой персонаж сражается в союзе со своей воинственной помощницей. Однако даже вдвоём мы не в силах противостоять целому отряду варваров-головорезов, которые наступают нам на пятки. Самые рядовые из них выглядят, как члены совета из III-го действия. Пытаясь хотя бы на короткое время скрыться от них бегством, мы постоянно натываемся на цепкие отростки, возникающие из-под каменных плит и жалящих нас своими ядовитыми и острыми ветвями. Такие растительные ловушки-«водоросли» встречаются обычно непосредственно в палате Лорда Ненависти в 3-м уровне Башни Камня Мира. Очень страшный сон.

Два бобра-брата

Гиппократ писал: «Когда тело засыпает, тогда дух бодрствует и переносится повсюду, где тело могло бы познать и видеть, если бы бодрствовало. Оно прикасается ко всему, к чему можно прикасаться, и даже производит

все операции, какие в состоянии было бы исполнить при своём пробуждении»⁸⁴.

В составе четырёх горемык-студентов мы понуро бредём на зачёт в один из университетских корпусов. Аудитория, в которой нам предстоит выдержать испытание, очень затхлая, ветхая, прямо на наших глазах в ней кругом осыпается штукатурка. Но самое страшное, что меня сильно тяготит, – это то, что я ни разу не был на данном предмете. Честно говоря, я даже не представляю, на какой предмет следую.

Мы проходим внутрь помещения и сразу понимаем, что прочитанный курс – не что иное, как черчение! И что ведёт его престарелая-престарелая преподавательница: она уже с трудом держит свою голову на плечах, и та, бессильная, постоянно склоняется в сторону. Рот бабушки криво приоткрыт, губы противно шевелятся, как умирающие на жаре улитки. Одним словом, ясно, что ничего хорошего ожидать сегодня не приходится.

Мы почтительно здороваемся с вековой мумией и поднимаемся по центральному проходу вверх, подальше от её мутных, полуслепых глаз. Я замечаю знакомую девушку, с которой уже давно не встречался, и, приветливо кивая, пытаюсь подсесть к ней. Однако её парта оказывается перегороженной от меня покосившимся столом, так что пройти через этот завал не представляется возможным. Поэтому я что-то ей быстро говорю и со своим одногруппником Иваном следую дальше.

Вдвоём мы устраиваемся на самом верху и лениво достаём листы для черчения. Характерно, что рамка на них появляется уже после того, как мы укладываем их на стол. Преподавательница по-прежнему молчит, за всё время зачёта она так и не произнесёт ни слова. Поэтому о своём контрольном задании мы с Иваном узнаём как бы мысленно из её доступных для чтения мысленных данных.

В верхней части страницы, там, где должна быть «шапка», мы вписываем свои темы зачёта. Но так как мы ни разу не были на занятиях и, в целом, «пройденный» курс нам совершенно

⁸⁴ Цит. по: Юнг К. Г. Архетип и символ.

безразличен, то мы начинаем писать друг другу секретные письма. Иван пишет мне:

«Брату Михаилу
от бобра».

Считая данный вариант несовершенным с точки зрения стилистики, я отвечаю теми же двумя строками, только в зримо улучшенной версии:

«Ивану
бобру от брата».

Протоиерей Александр (Коровьев)

Когда Чжуан-цзы пришёл в земли Чу, он наткнулся на голый череп, уже побелевший от времени, но ещё крепкий... Чжуан-цзы поговорил с черепом, а потом положил его себе под голову и лёг спать. В полночь череп явился ему во сне и сказал: ...«Для мёртвого нет ни государя наверху, ни подданных внизу, ни времён года. Безмятежно следует он круговороту Неба и Земли, и даже утехи державного владыки не сравнятся с его счастьем».

Чжуан-цзы⁸⁵.

В районе остановки Гоголевской, возле филармонии, мы с матушкой сидим в кафе. Я встаю из-за стола, чтобы подойти к стойке сделать заказ, как непонятным образом оказываюсь у дверей. В этот момент снаружи появляется отец Александр (Нагайцев) и спрашивает меня, хочу ли я пойти с ним. Я утвердительно киваю в ответ и, не предупредив маму, выхожу за священником, едва успевая захватить с вешалки своё пальто.

В строгом классическом пальто чёрного цвета, в идеально скроенных перчатках и лакированных ботинках, отец Александр выглядит степенным и важным. В дополнение к прочему он строг и немногословен. Мы шествуем по улице Гоголевской или Пушкинской в сторону от Всехсвятского кладбища. Вскоре мы оказываемся перед пешеходным переходом. Горит зелёный свет, однако мы только подходим к проезжей части, до неё ещё довольно далеко, и я не знаю, успеем мы пересечь дорогу или нет.

⁸⁵ Чжуан-цзы. Даосские каноны / Пер., вступит. ст., коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 185.

В последний момент я решаю, что успеем, и прибавляю шаг. Протоиерей же движется по-прежнему, без ускорения. Но когда я уже заносу ногу через бордюр, он холодно говорит мне:

– Должен предупредить вас: вы не успеете.

Одновременно с его словами, в эту самую секунду, загорается красный, и я упираюсь каблуками в рыхлый снег. Но инерция не позволяет мне остановиться мгновенно: я начинаю скользить, теряю равновесие, падаю и беспомощно цепляюсь руками за ледяную корку.

Когда инцидент исчерпывается, когда мы уже идём по тротуару дальше, я начинаю отставать от своего руководителя. Отец Александр шагает столь же размеренно, как и раньше, как и всегда, но независимо от моих потуг постоянно опережает меня на добрую сажень. Я прибавляю ход – те же непреодолимые два метра разделяют нас. Перехожу на рысцу – тот же результат. Всё это сильно напоминает коровьевскую издёвку, когда помощник Воланда не даёт догнать себя Ивану Бездомному (в первой серии фильма «Мастер и Маргарита»), который показывали на той неделе).

Дело о тайных 25.000 рублей (с разоблачением)

Числа занимали Иноди больше всего на свете: он редко думал о чём-нибудь другом, они ему снились, а иногда он даже решал задачи во сне⁸⁶.

Кафедральная аудитория, располагающаяся сразу при входе направо, оказывается кабинетом отца Льва. Наша группа, подобно взбалмошным цыганам, с песнями и плясками (разве что без медведя) гурьбой вваливается внутрь. Заслуженный протоиерей уже здесь. Я стою при входе, в дверях, но чувствую себя немного сконфуженно, так как хочу в уборную и не дотерплю, если туда не схожу. Поэтому я резко разворачиваюсь и иду по направлению к женскому туалету, который находится рядом с гардеробом.

У двери в желанное помещение стоит худенькая и элегантная девушка на курс младше меня. Её красивые ресницы порха-

⁸⁶ Болл У., Коксетер Г. Математические эссе и развлечения. М., 1986. С. 401.

ют бабочкой, как бы приглашая прильнуть к сладкому нектару трепещущих алым губ. Я делаю к барышне шаг, обнимаю её за талию и, решительно наклоняя, страстно целую. Меня посещает ощущение небывало манящего вкуса, приятного и пчелино-живого. Поцелуй длится довольно долго, принося томное наслаждение.

В это время из «кабинета» появляются мои одноклассницы Настя и Таня и пытаются затащить меня обратно на экзамен. Мне удаётся укрыться внутри туалета, однако я не успеваю закрыть дверь на защёлку. Девушки, как пантеры, с силой и настойчивостью рвут заградительный щит на себя, и я не выдерживаю их натиска. Они берут меня под руки и ведут обратно (при этом, что не может не радовать, я совершенно забываю о своей нужде).

Подневольный, я захожу внутрь. Отец Лев, замечая меня, с надменностью произносит:

– Иди первым, будешь сдавать.

Я ступаю очень неуклюже, грузно и медленно. Отчасти это объясняется той степенью заставленности, которой отличается география «потайного» кабинета. В центре комнаты стоит большой круглый стол, за которым сидят, как минимум, двенадцать моих одноклассников. В метре перед ними заседает отец Лев за своим старинным бюро, по всей поверхности занятым старинными книгами и ценными вещами. За круглым столом установлены несколько разрозненных парт. Однако, чтобы пройти к протоиерею, нужно ещё протиснуться между его бюро и непонятно зачем поставленной подставкой (в черновике: «зазор меньше полуметра»).

Конечно же, я готов идти быстро, насколько могу, но делаю это так, как будто злая чужая воля насильно удерживает меня. Кроме того, полы моего пальто (раньше я был в одном свитере) постоянно цепляются за «преграды», кажется, специально выстроенные против меня. Я передвигаю ноги медленно и неуверенно и чувствую, что эта неторопливость дорого обойдётся мне в глазах отца Льва. Когда я уже преодолеваю круглый

стол, священник спрашивает меня со всей строгостью, но в то же время и играясь, как с мышкой:

– Что ты не торопишься?

Наконец, я приближаюсь к бюро заслуженного протоиерея, ощущая себя чем-то нагруженным, неуклюжим и неповоротливым. В руках у меня мой портфель, добавляющий мне изрядную долю рассеянности. Передо мной стоят стул и кресло, и я не знаю, на что из них сесть. Стул находится далеко от стола, тем более что он даже не придвинут к проёму. Поэтому я решаю выбрать стильное тонкое кожаное кресло, стоящее вплотную к бюро с правой стороны. Поднимаю его, но долго не могу сориентироваться, как поставить; одним словом, вожусь с ним. Отец Лев бросает даже не на меня, а на кресло быстрый взгляд и, не отрываясь от бумаг (он пишет) говорит мне:

– Это кресло называется «Метро», я купил его в Москве.

Естественно, я окончательно отказываюсь от затеи занять именно этот предмет интерьера. Придвигаю, тоже, кстати, недешёвый, стул и смиренно ожидаю, когда строгий экзаменатор обратит на меня внимание и задаст свой первый коварный вопрос. Через несколько секунд он, действительно, откладывает свои записи и обращает взгляд на меня. Вопросы задаёт не по теме – все они направлены на то, что дезориентировать меня, запутать, подчеркнуть мою ничтожность и своё величие и могущественность. Далее протоиерей – у него даже загораются глаза – размеренно, но с настойчивостью спрашивает:

– Так, сколько денег ты заработал за этот месяц?

С удивлением я осознаю, что рассматривается дело о курсовых работах на заказ, и становлюсь в тупик. Я даже не отвожу взгляда – просто открываю рот от изумления, откуда это стало ему известно.

Отец Лев апеллирует к аудитории (кстати, запрещённый в данном контексте риторический приём) и то ли спрашивает, то ли констатирует, указывая на моих одноклассников:

– Ему писал, – указывает на студента, – писал тебе? Ей писал, – указывает на студентку, – писал тебе?

Затем смотрит на меня в упор и утверждает с красноречивым оживлением:

– Двадцать пять тысяч!

И снова к залу:

– Слышали?: двадцать пять тысяч рублей!

И начинает без остановки произносить, обращаясь ко всем, но в первую очередь, естественно, с укором в мою сторону:

– Вы видели, чтобы у меня когда-нибудь были такие деньги? Вот (поднимает со стола банкноты): две тысячи, заработанные мной. Столько в месяц я могу получить. Вот (теперь достаёт из рукава преимущественно тысячи, «Петров Архангельска»): за месяц я – самое крупное – получил двенадцать тысяч рублей. Я, за месяц!

Словно завершив всё намеченное к декламации, протоиерей выразительно смотрит на меня, сверлит меня, виртуозно играя развитыми мимическими мышцами.

(Конечно же, на сон повлиял фильм «Мастер и Маргарита», полный махинаций и разоблачений; только это некий «религиозный» вариант).

Биологическое оружие

Архистратиг Михаил, явившись в сонном видении отцу немой девицы, ещё не просвещённому святым Крещением, открыл ему, что его дочь получит дар речи, испив воды из источника. Девица действительно получила при источнике исцеление и начала говорить. После этого чуда отец с дочерью и всё его семейство крестились, и усердием благодарного отца был воздвигнут храм в честь святого Архистратига Михаила⁸⁷.

Эпизод первый. За стеклом большого инкубатора стоит по пояс голый мужчина. На вид он красив и молод, лет 30 – 35-ти, крепкого телосложения. Вероятно, он бы имел успех у женщин вследствие своей привлекательности, если бы сейчас не был умучен страшными существами.

С внутренней стороны стекла, в верхней его части, находится огромное количество мелких гадов двух видов. Во-первых, это тёмные жуки величиной чуть меньше спичечного

⁸⁷ Акафист святому архангелу Михаилу. М., 2005. С. 29.

коробка. У них есть прочный костяной панцирь и острые роговые лапки. Во-вторых, это ярко-красные, цвета кожаных сидений в спортивных автомобилях, насекомые. Так как вторые вредители меньше первых, как минимум, в четыре раза, – то и количество их раза в четыре превосходит жуков (и тоже, как минимум). Все эти отвратительные твари копошатся сверху на прозрачной поверхности; их очень много, и через появляющиеся между ними просветы подчас непросто разглядеть мужчину.

Бедный, тот вжался в холодный пол, парализованный нескрываемым ужасом при одном взгляде на опасных тварей. Будучи жертвой чьих-то беспощадных испытаний, мужчина растерян, забит и испуган до смерти. Он не в силах пошевелиться и не пытается что-либо предпринять, тем более что его руки жёстко привязаны к железным петлям. Единственное, почему он ещё жив, – попросту насекомые ещё не замечают его. Однако именно это обстоятельство привносит в ситуацию ещё больше нервозности.

В соседней комнате в таком же инкубаторе заперта женщина. В то время, когда я перехожу к ней (а в обоих случаях я оказываюсь на месте пыток как будто случайно), её уже начинают безжалостно истязать. Мучения эти слишком антигуманны, чтобы их можно было описать. Однако я могу сказать, что, видя пытку лишь мельком, тем не менее замечаю, что раздетую даму изводит всего один-единственный серовато-светлый червь, может быть, даже ещё личинка. Можно представить, какие страдания доставляет это чудовище, если ему отдают явное предпочтение перед пытателями от людского рода.

Эпизод второй. Под окнами нашего дома на Косой Горе припаркована отцовская «Волга». Мы с семьёй садимся в машину, я за рулём. Разворачиваюсь на маленьком пяточке, начинаю выезжать к дороге. Навстречу нам едет BMW. Водитель осторожно и максимально аккуратно проезжает мимо нас, но я вижу, что он сейчас заденет автомобиль у третьего подъезда. Тогда я, быстро приняв решение, разгоняюсь и с силой бью иномарку сзади в правый бок. Необъяснимым образом немецкая машина возвращается на своё прежнее место – сквозь «Волгу».

Степенно открывается правая задняя дверь, и внутри я замечаю элегантно одетую женщину. Я подаю ей руку, госпожа выходит и – начинает меня благодарить. Однако в глубине сиденья, с которого она только что встала, благодаря действию нехитрого механизма появляется небольшой ящик, открытый сверху. В нём содержатся пять пластмассовых цилиндров синего цвета. Все они расположены в линию, и только четвёртый от меня несколько смещён вперёд: 1 2 3 ⁴ 5. Пока я размышляю по поводу странного устройства, благодарная дама присаживается обратно на край сиденья, так что четвёртый поршень отскакивает назад, «закрывая» цепь. Начинается необратимая реакция.

Из-под крыши автомобиля (как кислородные маски в разгерметизированных самолётах) спадают пять тонких шлангов, из которых начинается струиться молоко, смешанное с белым, дающим немного дыма порошком. В очередной раз я спасаю бедную женщину, она отделяется лёгким испугом. Зато за ней на сиденье оказывается ещё и незнакомый мужчина, которого я отчего-то не замечал раньше. Я хватаю его за плечо – он в бессознательном состоянии – и волоком вытаскиваю наружу. На его теле видны несколько химических ожогов, но состояние, в целом, стабильное, жизнь страдальца вне опасности. Вот какие страшные разновидности биологического оружия появляются в последнее время.

Слой воздуха на дне бассейна, или:

Да!, первая половина XVIII века

В 1796 году, 5 ноября, цесаревич Павел Петрович обедал на Гатчинской мельнице в 5 вёрстах от своего дворца. Перед обедом, когда собрались гости, составлявшие гатчинское общество, цесаревич и супруга его рассказали Плещееву, Кулешову, графу Вильегорскому и Бибикову своё сновидение в ту ночь. Павел Петрович во сне сознавал, как некая невидимая сила возносила его к небу. Он часто от этого просыпался и опять засыпал. После обеда он получил известие о внезапной смерти Императрицы Екатерины, постигшей её утром того же дня.

Из «Книги бытия моего – неожиданное

возвышение епископа Порфирия Успенского»⁸⁸.

Эпизод первый. Втроём с Викой и плохо знакомым парнем мы заходим в магазин в деревне Кресты. Внутреннее пространство в несколько раз превышает реальные размеры дома. К тому же, здесь оказывается бассейн, за две-три секунды доверху наполняемый водой. Мы с моей одноклассницей ныряем и с огромным удовольствием плаваем. Иногда я погружаюсь и нахожусь под водой долгое время: гораздо больше того, чем могу физически в действительности. Поднявшись на поверхность, я замечаю, что Вика находится в противоположном конце. Тогда я погружаюсь повторно и плыву метров десять. Приблизившись вплотную, я заныриваю ещё глубже, до самого дна, и с удивлением замечаю, что нижний слой бассейна непосредственно у кафеля – пятнадцать-двадцать сантиметров – заполнен не жидкостью, а воздухом. Держась таким образом на глубине, я вижу девушкины ступни, стоящие в воздухе, и спокойно дышу.

Эпизод второй. В аудитории на кафедре отец Александр читает лекцию. Будучи отличником, я сижу на первой парте слева. Всего на первом ряду четверо студентов, вторая справа из них – староста Вика. Не проявляя интереса к теме занятия, я постоянно верчусь, просматриваю книжные полки библиотеки за моей спиной. Беру в руки одно издание, пролистав, кладу его на место; тянусь за другим. Протоиерей же, сообщая некий материал, указывает на ошибку известного историка прошлого, который определяет некую тенденцию как принадлежащую по времени к 1820-м годам, хотя на самом деле это могло произойти только... И тут отец Александр глазами спрашивает продолжения у присутствующих: когда же это могло произойти?

Хоть и рассеянный посторонними занятиями, я тем не менее поворачиваюсь к преподавателю и уверенно отвечаю:

– В начале первой половины XVIII века, – при этом я искренне подразумеваю начало *второй* половины XVIII века, про Екатерину II и 1760-е годы.

Однако отец Александр воспринимает мой ответ именно в том смысле, который я внутренне вкладываю в него, и подтвер-

⁸⁸ Цит. по: Энциклопедия гаданий. М., 2000. С. 422.

ждает моё предположение, также имея в виду «вторая половина»:

– Да!, первая половина XVIII века.

Лекция продолжается своим чередом, а Вика достаёт свою курсовую, замужнюю протоиерею. С заметной претензией одноклассница обращается к студенту, сидящему между нами. Однако я забираю у него из рук Викин труд и просматриваю его с середины. Мой взгляд невольно останавливается на подчёркнутой фломастером фразе: «Я выразил»; и я начинаю неистово хохотать, понимая, что студентка могла написать только «выразила» и что, стало быть, работу ей делал кто-то другой (этим человеком был я), а она не проверила.

Ямецкий язык, или Коллекционная евхаристия

Если кто-нибудь высказывает в сновидении еретические мысли, то это должно послужить для инквизиторов поводом испытать его поведение в жизни, ибо во сне обычно возвращается то, что занимает человека в течение дня.

Thomas Caren.
Tractatus de Officio sanctissimae
Inquisitionis (Лион, 1659)⁸⁹.

Эпизод первый. До двенадцати часов ночи мне нужно сдать курсовую работу по истории Русской Православной Церкви у Фроловой: это последний срок. При этом я знаю, что сегодня вечером по телевидению будет программа про музыкальный инструмент дудук и приключения в стиле «Властелина колец» или «Diablo-II» (в который я много играл в тот день: прошёл в следующий уровень, обнаружил много ценных артефактов и усовершенствовался). Ожидаемую передачу я уже смотрел. Она представляет собой цикл из пяти частей, четыре из которых у меня уже записаны на видео: во всех них участвует Гребенщиков. А заключительной, пятой части – про кельтскую и средневековую музыку – до полного собрания мне и недостаёт. (Несомненно, такая телевизионная передача вызвана тем обстоятельством, что в среду с утра я подумал про «Аэростат», а

⁸⁹ Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 85.

вечером забыл, так что опомнился только ночью, когда было уже поздно). Поэтому я достаю из запасников кассету и начинаю скрупулёзно просматривать все полтора часа записей.

На часах шесть вечера, программы ещё нет, а работу Фроловой нужно сдавать уже в полночь. Я думаю про себя, что с такими обязательствами вполне можно и подождать, что духовное важнее, и в течение двух следующих часов безотрывно занимаюсь любимым занятием. Чем, однако, заканчивается эфир, мне не удаётся узнать.

Эпизод второй. На кафедре часть нашей студенческой группы встречается с Людмилой Петровной Фроловой. Неожиданно для меня выясняется, что свою работу я уже сдал и преподавательница оценила её положительно. Однако у меня сохраняются обязательства по отношению к одноклассникам, которым я пишу на заказ. Поэтому, когда Фролова отходит за ведомостью, я с жаром оправдываюсь:

– Заматываюсь! – по-актёрски душу себя руками. – Времени вообще не хватает!

Рядом со мной стоят одноклассницы Оля и Вика (последней я готовил курсовую работу по каноническому праву, отец Александр оценил её в 75 баллов); я спрашиваю у них:

– Вам до полуночи сделать?

Первая ухмыляется, а вторая иронизирует:

– Хотя бы словарик.

Эти слова означают: не целую работу, не до конца, а хотя бы некое частичное задание. (Вообще же термин «словарик» происходит из подготовки к экзамену по древнегреческому языку, когда Лера просила меня составить ей *словарик* для 12-й главы 1 послания к Коринфянам).

Фролова тем временем возвращается из кабинета и приглашает всех за стол, пить чай с вареньем. Я с удовольствием следую за преподавательницей, но вскоре осознаю, что остаюсь с ней наедине, так как остальные решают спешно покинуть кафедру. Смотря на внутренний циферблат, я узнаю, что время без пяти двенадцать, а, значит, работу необходимо сдать через пять минут. Учтиво кланяясь, я извиняюсь перед Людмилой Петровной и удаляюсь.

Эпизод третий. В те же без пяти полночь я оказываюсь в алтаре древнего собора. Внутри благолепное и красивое убранство, свечи и золото, и некий – серебряно-заиндевелый, полукисельно-туманный покров. Во всём храме, кроме меня, находится всего один человек – служащий архиерей неизвестной епархии. Чувствуя неловкость положения, я извиняюсь за неожиданное появление и выхожу сквозь невидимую дверь в апсиде.

Эпизод четвёртый. Выходя из алтаря, я тут же перехожу в длинный – метров в сорок длиной – крытый павильон, выполненный в стиле узорных антикварных перекрытий ручной работы в золотистых оттенках. В самом конце этого «коридора» в столь ранний, предутренний час всё же открыт магазинчик слева. В нём разбирает коробки одинокая продавщица. К ней заходит стройный мужчина со своим маленьким сыном лет пяти. Отец отдаёт ребёнка женщине и, уплачивая определённую сумму, выходит обратно в здание павильона. Пока он шагает к выходу, постоянно оборачивается, видимо, волнуясь за своего наследника. А волноваться, к слову сказать, есть из-за чего.

Работница магазинчика, успокаивая и глядя малыша по голове, держит его на руках, а сама подносит к его губам чашу причастия, взятую из алтаря смежного собора. Мальчик принимает истинные Плоть и Кровь, но тут же вырывается ими. При виде бедняжки (я наблюдаю за происходящей сценой на расстоянии нескольких метров) мне в голову приходит гениальная мысль. Необходимо найти мощи Христа (догмат о телесном Вознесении в сновидении не является истиной) и, по кусочкам отделяя частицы тела, медицинскими способами «выжать» кровь Спасителя. Смешав же этот «экстракт» в коллекционную, *раритетную евхаристию*, подавать его при причастии самым важным церковным иерархам.

(Во сне подобная евхаристия сравнивается с употреблением «дорогущих» алкогольных напитков: на Новый год я пил «Hennessy»).

Эпизод пятый. Спустя некоторое время я оказываюсь на пути к своей даче (возможно, это связано с заметкой в газете о дачном убийце-сумасшедшем). Передо мной зияет крутой склон. Тропинка пуста, однако пройти по ней я никак не решаюсь: это очень

опасно. Со второй или третьей попытки я всё же начинаю осторожно передвигать ноги. В это время снизу появляется фигура дедушки-друга моей бабушки, и, чтобы не встречаться с ним, я срочно скрываюсь в зарослях.

Тем не менее мне нужно добраться до дачи, поэтому я применяю другую тактику – иду в обход через другой, незнакомый «проезд». Я передвигаюсь предельно тихо, партизаном. Зайду, думаю, с другой стороны (от ручья), оттуда и буду за всем наблюдать. Однако и теперь сковывающий страх не позволяет мне реализовать замысел до конца, и я возвращаюсь на исходное место. Когда же я решаюсь достичь дачи во что бы то ни стало, – меня ловят трое полупризраков, полутеней (среди них одна женщина).

Разбойники начинают безудержно хохотать надо мной, всячески подкалывать и измываться. Их цель – не пропустить меня дальше. Пытаясь с ними договориться, я в первую очередь, в обход их воли, узнаю их происхождение: все они родом из Ногинского автономного края. (Это название, несомненно, связано с объединением несколько месяцев назад Пермской области с другим субъектом России в один новый субъект под именем, по-моему, автономного края). Поэтому я начинаю говорить с ними на их родном ямецком языке (оригинальное название языка забыто, но восстановлено по звучанию и структуре, в целом, очень похоже). Мы перекидываемся парой-тройкой фраз, и захватчики неожиданно исчезают, а я вновь оказываюсь на той же развилке, что и в самом начале.

Путь наверх неблизок, и по направлению к дому мирно бредёт дедушка. Я быстро подбегаю к нему с вопросом:

– Ты с дачи?

Несколько удивлённый, он, впрочем, отвечает:

– Да, с дачи.

– Тогда я должен тебя кое о чём спросить.

Тот утвердительно кивает, как бы приглашая меня к беседе. Мне в голову приходит спросить его по-ямецки, и я прошу:

– Ямецкий знаешь? Скажи что-нибудь.

Дедушка начинает говорить на чистейшем ямецком, но я понимаю, что ровным счётом ничего не понимаю из его слов.

Тем не менее я пытаюсь подмяукивать в ответ, что-то бормочу, но ничего дельного из этого не выходит.

– Ладно, давай по-русски, – смиряюсь я со своим незнанием, и мы продолжаем разговор на родном языке.

Бутерброд с Андреем Болконским

В эротических снах молодого дворника

Ты будешь пойман в трубе.

И надменные девы привяжут тебя к столбу,

И они коронуют тебя цветами и

С песнями бросятся прочь...

Борис Гребенщиков⁹⁰.

Эпизод первый. В московском издательстве выходит моя третья книга – про игральные карты. Вчера я написал в типографию письмо и вместе с ним вложил в конверт деньги: если они согласны, то пусть напечатают. И вот уже сегодня я держу в руках готовую книгу. Формат издания небольшой, как «Карманное богословие» Поля Гольбаха, только более вытянутое в длину. Тираж сочинения составляет 50 экземпляров. Не зря, получается, я думал про себя: эта столичная типография печатает сотни тысяч в неделю, что же ей, сложно с дискеты пятьдесят копий снять?

Раскрывая книгу, я в первую очередь обращаю внимание на цвет страниц: бумага желтоватая, точь-в-точь как у Гольбаха. На первом же открытом листе мне попадает гравюра с изображением дамы неизвестной масти. Здесь, как и в других местах издания, текст перемежается с иллюстрациями. Единственное, что меня немного смущает в оформлении, – то, что некоторые изображения заходят на две страницы: большая часть здесь, а остаток картинки – на развороте.

Дома я расставляю весь тираж по полкам. Кроме того, я купил две новые – неизвестные! – книги Акунина и освобождаю для них целый ряд. Первая книга толстая, раза в два с половиной больше второй. Цвет названия на обоих корешках очень красивый, стильный – розовый на чёрном фоне. Причём шрифт букв

⁹⁰ Аквариум. «Десять стрел» (1986). «Каменный уголь».

напоминает каллиграфическую роспись с лёгкими завитками. (Розовый цвет так сильно запечатлился в моей памяти, что в дремоте засыпания после записи снов я услышал изменённую строку из Аквариума: «Как розовым на голубом»). С левой нижней полки я вытаскиваю все книги и ставлю туда два тома Акунина. Решив все вопросы с классикой, я совсем не знаю, что делать со своей книгой.

Эпизод второй. Окончив дела, я покидаю Москву. Сперва я иду вдоль проезжей части, затем подхожу к метро. В кассах покупаю железнодорожный билет за 80 руб. (цены выросли) отправлением в 8:40 вечера. (Особенного внимания заслуживает формулировка «8:40 вечера»: почему не просто «20:40»). Думаю, это связано с одним обстоятельством предыдущего дня. Я написал, но не отправил одной даме ругательное сообщение, в котором содержалось выражение «подол двадцати-**евый». Вместо него я сначала хотел употребить «подол сорока-***евый». Для лучшего понимания можно привести следующую аналогию: маска двадцати-носовая и маска сорока-глазовая; только в оригинале вместо слов «нос» и «глаз» употреблены нецензурные термины).

С верха площадки смотрю на длинный каскад ступеней, у самого основания которых внизу стоит гимназистка Оля Молотова. Время сейчас восемь часов, а каждому купившему билет предоставляется бесплатный номер в гостинице для ожидания поезда. Я захожу в свой номер, ставлю портфель у входной двери, ботинки – перед портфелем. Устало напеваю песенку, я следую в ванную, умываюсь холодной водой. На специальной подставке лежит мыло с мёдом, и у меня возникает желание принять душ. Я раздеваюсь, но, вспоминая, что входная дверь не заперта (она в точности напоминает дверь у меня в квартире), выхожу закрыть её на замок.

В дверь вделано два замка. Первый представляет собой элементарный засов, снаружи открывающийся ключом, а изнутри – рукой. Второй работает как защёлка, которую можно фиксировать только из комнаты. Я закрываю дверь на один замок, но вижу, что она по-прежнему открывается; я даже вижу, как снизу по лестнице поднимаются два южанина.

– Я жду отправления, – не стесняясь своего вида, говорю я им, и они тут же разворачиваются и уходят.

– Я через сорок минут ухожу, вы ещё можете прийти сюда, – вослед кидаю я, но ребята отрицательно кивают и молчаливо удаляются в неизвестность.

Тогда я начинаю закрывать второй замок, но даже и в этом случае дверь всё равно не запирается до конца. Теперь снизу появляется семья из трёх человек: родители и их дочь Оля Молотова. Мужчина приоткрывает дверь и спрашивает:

– Михаил?

Смущаясь своего неглиже, я подтверждаю:

– Да, – и, пока он не успевает опередить меня следующей фразой, быстро вставляю: – Куда?

– В Тулу.

– Откуда?

С лёгким недоумением счастливый отец произносит, грациозно пожимая плечами:

– ...из Москвы.

– Да нет, – отмахиваюсь я рукой, – откуда вы знаете, что меня зовут Михаил?

На этой моей реплике разговор оканчивается. Последнее впечатление, которое сохраняется в моей памяти, – как я прикрываю свою наготу дверным косяком, а говорю, высовывая одну голову.

Эпизод третий. Министерство транспорта недавно приняло новые обозначения на автомобильных знаках: теперь под номером региона будет красоваться не иностранное «гus», а отечественное «рм». Только организаторы не продумали, какое словосочетание зашифровано в этой аббревиатуре, и устроили конкурс с целью найти лучший образец, воплощение для своих брендовых замыслов. С раннего утра мы с Костей-психологом сидим за столом и обсуждаем различные формулировки.

В моём списке значатся уже семь или восемь вариантов, но фантазия постепенно начинает иссякать. Наконец, мне на ум приходит заключительное выражение.

– «РМ» – это «русская машина», – объясняю я другу. – Ты у меня спросишь: «А какие мы знаем русские машины?»; я от-

вечу: «“Козёл”»); и мы оба заключим: «Значит, рм – это русская машина». Так пройдёт защита нашего проекта.

Радостные, мы встаём из-за стола и передвигаемся в соседнюю аудиторию (в читальный зал, в котором традиционно проходит второй тур потанинской стипендии; только теперь вход располагается почему-то слева). Проход в комнату, где заседает комиссия, закрыт, лишь из-за двери сочится приплюснутый, плоский свет. Непосредственно в зале студенты играют в настольный теннис. Мы с Костей берём в руки ракетки и устраиваем свою партию, не сводя глаз с заветной двери.словно «случайно» я попадаю в неё шариком в надежде, что нам всё-таки откроют. К нашему сожалению, ровным счётом ничего не происходит.

Неожиданно появляется деловитая девушка и, постучавшись, беспрепятственно входит внутрь. Пока дверь открыта, мы в волнении торопимся успеть проскочить в неё. Там, за нею мы сразу оказываемся у квадратного стола, за которым сидят восемь человек. Однако активное участие в дискуссии принимает только крайний справа мужчина. Слева сосредоточенно вертит в руках карандаш Елена Евгеньевна Сапогова (заведующая кафедрой психологии в университете). Между двумя этими докторами и занимаем места мы с Костей.

Без приглашения я начинаю презентацию нашей задумки.

– РМ – это русская машина, – беру я, что называется, с места в карьер.

А мой товарищ, как бы подхватывая мою мысль, делает неожиданный ход и обращается к девушке, которая вошла непосредственно перед нами:

– Дороги какого цвета вы знаете? – зачем-то спрашивает он у неё. – Красные, синие, жёлтые, зелёные или чёрные?

Одновременно с этим перед моим внутренним зрением («на краю картинки») возникает связка из пяти проводов каждого упомянутого цвета. Я прекрасно понимаю, что если девушка назовёт не чёрный, то весь наш дальнейший замысел лопнет, как мыльный пузырь. В связи с этим я про себя критикую Костю, недовольный тем, что он так бессмысленно рискует. Однако к

моему облегчению ситуация благополучно разрешается, причём крайне неожиданным способом: в дело вмешивается Сапогова:

– Константин, назовите сами этот цвет и продолжайте дальше!

Моему другу не остаётся ничего другого, как произнести очевидное:

– Чёрный цвет дорог.

Тогда я заключаю, как если бы это логически вытекало одно из другого с несомненной необходимостью:

– А по чёрным дорогам ездит УАЗ, – и сам себя осекаю за то, что открыто называю марку автомобиля, – то есть «Козёл».

Этот последний мой вариант вызывал во мне больше всего сомнений, однако его быстро принимают и Сапогова теперь обращается ко мне:

– Михаил, – говорит она. – Я хочу испытать вас с помощью одного задания.

– С удовольствием, – с неподдельной готовностью откликаюсь я.

Тогда, по сигналу Елены Евгеньевны, в комнату вносят свёрнутое полотенце, раскладывают передо мной и расглаживают так, что на нём не остаётся не одной неровности. Сапогова выдвигает требование сделать столько возвышений или неровностей, сколько мне кажется необходимым. Поставленный в тупик, я сижу и глупо молчу, не зная, как решить эту в высшей степени интересную задачу.

– Что же вы, не можете справиться? – с удивлением спрашивает Елена Евгеньевна и смотрит на меня испытующе.

Проходит пауза, и кто-то из присутствующих убирает полотенце со стола. Оказывается, в него был завёрнут лист бумаги. Он представляет собой некий документ, на котором жирным шрифтом указаны названия нескольких организаций и проставлены подписи, а большее пространство страницы заполнено таблицей. Таблица состоит из 31-го пункта. Графа, в которой, по всей видимости, должно стоять наименование, в каждой строке пуста. Другие графы гораздо уже; в одной из них содержится

пояснение, в другой – указание. Причём один из этих столбцов также нигде не заполнен.

– А сейчас вы можете сделать столько изгибов, сколько требуется? – с более настойчивой интонацией обращается ко мне Сапогова.

Я снова молчу. Тогда Елена Евгеньевна не выдерживает и с негодованием – правда, немного актёрским – восклицает:

– Неужели вы такой глупый, что не можете решить даже такой простой задачи!

Несколько повышенным тоном на этот раз отвечаю и я:

– Я не могу решать, когда не понимаю, что от меня требуется.

Смирившись с моей тупостью, Сапогова демонстративно поднимает бумагу, проводит в воздухе туда-сюда пальцами и показывает мне, что листов два. На другом из них таблица, тоже состоящая из 31-го пункта, продолжается с 32-го по 62-й номера.

– Неужели, – сверлит меня глазами Елена Евгеньевна, – сложно сделать 63 изгиба!

Затем берёт рукой за первую строку и проминает её, как тонкий почтовый ящик в подъезде. Так она продолжает ниже и ниже. Считаю себя не вполне неправым, я резонно возражаю:

– И откуда же возникает это странное число: 63?

Сапогова разводит руками, как бы констатируя крайнюю степень моей умственной отсталости, а Костя берёт на себя задачу всё мне, глупому, объяснить:

– В расчёт берутся не сами строки, а те линии, которые их обрамляют сверху и снизу. «Креплений» всегда на одно больше, чем «почтовых ящиков». Это как в библиотеке: чтобы сделать три полки, тебе понадобятся четыре доски.

По окончании испытания мы с другом спускаемся к раздевалке на первый этаж. Ключей ни у кого из нас нет: они хранятся в специальном железном шкафчике. Я беру разводной ключ и начинаю откручивать им гайку «на двенадцать». За время моей работы у меня за спиной образовывается целая толпа из пота-

нинских стипендиатов и моих знакомых. Маша, староста группы психологов, обращается ко мне громко и с весельем:

– Что же ты так слабо-то, а?

Некоторые из очереди тоже начинают критиковать меня. В конце появляется наш кафедральный корреспондент Надежда Константиновна Тюленева и начинает главную обвинительную речь. Даже всегда дружелюбная ко мне Ирина (тоже с психологии) кидает в мой адрес:

– Всюду опоздал! Вот уже и пара, – смотрит на часы, – пять минут, как началась, а он всё замок открыть не может.

Раздосадованный своим положением, я поворачиваюсь к ненавистному железному ящику и начинаю с поразительной скоростью крутить ключом – гайка отвинчивается за три секунды. Внутри «тайника» оказывается связка ключей. Впрочем, их не видно: ячейка подвешена высоко, её содержимое можно только пощупать. Я достаю свои ключи на розовой верёвочке и кладу в карман, где обнаруживаю две сотенных купюры и один полтинник (это ровно там сумма, которая осталась у меня в пальто после Нового года).

Эпизод четвёртый. Мало кто знает, что происходит с персонажами романов по окончании действия. Вряд ли широко известна судьба Андрея Болконского после «Войны и мира».

Болконский убит, Наташа Ростова жутко тоскует по нему. Тело главного героя тем временем самыми различными способами употребляется в быту. Поэтому голос автора за кадром постоянно повторяет программную фразу свидетельства:

– «А в романе он всё это поминал Андреев».

«Андреев» в данном случае стоит во множественном числе: имеется в виду: Андреев Болконских.

Перед моим взором проносится один из фрагментов, когда тело Болконского применяется не по назначению. На лесной поляне стоит плетёная квадратиками берестяная корзинка-кошёлка по типу лукошка. Внутри находится двойной бутерброд с начинкой: между двумя кусками хлебами вкривь и вкось лежит покойный Болконский размером с ладонь. Также уменьшенная Наташа Ростова стоит за корзинкой и тихо плачет в платочек, не

видя своего возлюбленного. Наконец, она оглядывается и встречает глазами мёртвого Андрея, «погребённого» в булке, и начинает горько реветь от несчастья. Во время этой сцены голос за кадром, собственно, и произносит густо-красиво, размеренно и немного печально:

– А в романе он всё это поминал Андреев...

В постели с Указом СовНарКом от 1945 г., или *Врождённая перевёрнутость природы*

«Я не хочу быть хранимой Вами, но Самой быть вашей заступницей в здешней и будущей жизни», – сказала праведному иноку Гавриилу во сне Божия Матерь в Иверской обители на Горе Афонской. И стала вратарницей над входом в обитель⁹¹.

Эпизод первый. Суровой зимой сложно согреться, если спать в постели поодиночке. Сейчас, когда за окном минус двадцать пять по Цельсию, рядом со мной мирно отдыхает красивая женщина. Но под одеяло к нам стремятся пролезть ещё, как минимум, трое мужчин. Причём в своей физической оболочке они являются не людьми, – а красными воплощениями законодательных актов советского правительства. Например, спим мы вдвоём, а тут из-под кровати появляется Постановление СовНарКома от 1945 г. с красивыми ярко-алыми краями. Документ прижимается к нам своими листами и засыпает.

Эпизод второй. С закрытыми, «полубессознательными» глазами я вижу перед собой часовой циферблат, на котором чёрным цветом выделен сектор от 6-ти до 9-ти часов. Одновременно с этим густой голос нараспев произносит:

– «С девяти до шести».

Так как я ещё не вполне подвержен власти сна, то открываю глаза и крещусь. Дело в том, что прозвучавшая фраза напоминает мне строку Гребенщикова из «Блюза НТР»: «Вершу НТР с девяти до пяти». Перекрестившись – это «древний» благочестивый обычай, креститься при возникающей строке Аквариума

⁹¹ Вратарница. О чём скорбит Богородица? М., 1997. С. 77 – 78.

или образе музыканта, – я снова закрываю глаза. Ко мне приходит странная мысль: почему голос в дремоте сказал «с девяти до шести», когда правильнее указывать обыкновенным способом, по возрастающей, «с шести до девяти».

Как бы реагируя на моё недоумение, передо мной возникает всё тот же циферблат, только с гораздо более узким сектором – с семи часов до восьми. Голос же бессонницы опять возвещает *наоборот*:

– «С восьми до семи».

Почти окончательно разбуженный увиденным и услышанным, я задумываюсь над этим феноменом, когда устно сообщается *обратное* по отношению к картинке. Наконец, я понимаю, в чём дело.

За несколько минут до сна я прочёл в книге Абу Рейхана Бируни «Индия» XVI, 91: «Сколько бы я ни встречал индийских подростков, недавно попавших в страну ислама и ещё не привыкших к обычаям её жителей, каждый из них без исключения ставил сандалии перед своим господином в обратном порядке, не так, как их по-настоящему следует ставить, то есть правую [сандалию] к левой ноге; одежду складывал вывернутой наизнанку; ковры стелил наоборот и тому подобное. Всё это – вследствие *врождённой перевёрнутости натуры*» (с. 187), выделяю я курсивом последние три слова.

Истекая красной икрой

Можно множить, например, во сне $3 \times 3 = 20$; нас ничуть не удивит, если собака будет читать стихотворение, если покойник сам ляжет в гроб...

Гильдебрандт⁹².

У своего одноклассника Жени я работаю наёмным охранником в его кафе. Претенденту на эту должность, правда, предъявляется необходимое требование: он должен подтягиваться двадцать раз; однако при трудоустройстве на данный пункт контракта мы с успехом закрыли глаза.

⁹² Цит. по: Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 71.

В мои обязанности входит с восьми утра до восьми вечера сторожить здание кафе (так, только в точности наоборот, работал в тот день мой брат: с восьми вечера до восьми утра). Как и обычно, я открываю своими ключами дверь и вхожу внутрь помещения. Комнаты разделяют одна от другой десятком дверей, и через каждую из них – совершенно непонятно, как это возможно! – проходят сейчас толпы людей. Глядя на это форменное безобразия, я в негодовании тороплюсь поскорее выбраться на улицу и сообщить об ужасном инциденте Евгению. Но как только я оказываюсь на крыльце – с грохотом падаю на асфальт: один из «запертых» посетителей вонзает мне в печень (правда, с левой стороны) нож, и я истекаю... красной зернистой икрой. Икра так и сыпется из моего бока, принося мучительные страдания. Вцепившись рукой в живот, я со слабым хрипом корчусь минуты две.

Из заведения появляется незнакомая мне девушка.

– Ты что, серьёзно, ранен, – с удивлением спрашивает она, – или это только твой сон?

– Конечно, сон, – отвечаю я ей и открываю глаза. Проснувшись, я обнаруживаю себя лежащим на том же крыльце в той же позе, с той лишь разницей, что «наяву» я совершенно целый и здоровый.

Лестница на второй этаж

Свершив свой земной путь, я усну глубоким сном, вернувшись к началу – вновь пробужусь.

Чжуан-цзы⁹³.

За 11-м корпусом университета, где в реальности стоит высокая труба, располагается теперь двухэтажный кирпичный дом (кирпич красный). За этим объектом я наблюдаю больше двух суток: подмечаю, кто выходит и кто заходит, в какие часы проход внутрь свободен. Наконец, я решаюсь выйти из засады и приближаюсь к лестнице: она поднимается слева направо по стене дома вверх, ко второму этажу. На двери висит железный

⁹³ Чжуан-цзы. Даосские каноны / Пер., вступит. ст., коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 101.

засов с замком. Я достаю из кармана зелёную записку для Кости и вкладываю её под засов. Но моё сообщение там слишком заметно, и я отодвигаю массивную железную ручку в сторону – и вижу, что под ней ещё пять-шесть штук таких же зелёных записочек. С усмешкой я всё же добавляю к ним свою седьмую.

В следующее мгновение я оказываюсь уже внутри дома. Наверху обставлено очень прилично, роскошно и даже антикварно; теперь здесь полным ходом идёт вечеринка. Между двух зал на диване сидят много молодых людей. Они благосклонно отодвигаются, уступая мне место в центре, и я с удовольствием подсаживаюсь к ним. Только теперь я замечаю, что справа от меня мирно держит в руке бокал Олег Меньшиков в костюме Остапа Бендера (в понедельник 6-го февраля была 6-я серия «Золотого телёнка»); а слева – в воздушном платье очаровательно улыбается прелестная Ольга Красько. (Мечта увидеть во сне эту прекрасную актрису сбылась!!).

Поздним вечером я остаюсь во всём доме один и тщательно обыскиваю выдвижные ящички и полки. Неожиданно открывается запертая до того дверь, и из проёма появляются несколько чекистов. Скрываясь от них, я выбегаю к чёрному ходу на втором этаже (там тоже есть лестница), но останавливаюсь перед слишком большой высотой. Двое нквдешников с силой хватают меня за руки и ведут вниз по той же лестнице. «И почему я не воспользовался ею», – посещает меня горькая и безутешная мысль. Тем более что на крутом склоне, в темноту и помойку которого я побоялся спрыгнуть, – я замечаю это только теперь – друг на друге в несколько рядов стоят деревянные табуретки (как у меня на кухне), составляя метра четыре в высоту.

Обессилевший от собственности глупости и трусости, я громко вопрошаю в пустоту:

– О, горе мне! Почему я не спрыгнул!?

Один из чекистов тогда с прищуром интересуется у меня:

– А если бы спрыгнул, как бы действовал дальше?

Совершенно успокоившись, я начинаю объяснять чётко и подробно:

– По табуреткам, как по ступеням, спустился бы вниз, ничего бы себе не сломал. А вы бы не догнали, потому что табуретки я бы свалил!

ТРИ СНА ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ

А вот идёт по полю девушка, – как странно! – и лицо, и походка, всё меняется, беспрестанно меняется в ней; вот она англичанка, французенка, вот она уж немка, полячка, вот стала и русская, опять англичанка, опять немка, опять русская, – как же это у ней всё одно лицо? Ведь англичанка не похожа на французенку, немка на русскую, а у ней и меняется лицо, и всё одно лицо, – какая странная!

Н. Г. Чернышевский.

Что делать? Глава вторая, XII.

Первый сон Верочки⁹⁴.

Я ведьма, Вера Павловна, я умею колдовать, я могу исполнить ваше желание. Извольте смотреть, Вера Павловна, ваше желание исполняется: я, злая, исчезаю; смотрите на добрую мать и её дочь.

Н. Г. Чернышевский.

Что делать? Глава третья, III.

Второй сон Веры Павловны⁹⁵.

– Верочка, что с тобой? – муж обнимает её. – Ты вся дрожишь. – Муж целует её. – У тебя на щеках слёзы, у тебя холодный пот на лбу. Ты босая бежала по холодному полу, моя милая; я целую твои ножки, чтобы согреть их.

– Да, ласкай меня, спаси меня! мне снился гадкий сон, мне снилось, что я не люблю тебя.

– Милая моя, кого же ты любишь, как не меня? Нет, это пустой, смешной сон!

Н. Г. Чернышевский.

Что делать? Глава третья, XIX.

Третий сон Веры Павловны⁹⁶.

⁹⁴ Чернышевский Н. Г. Что делать? Ростов-на-Дону, 2002. С. 84.

⁹⁵ Чернышевский Н. Г. Что делать? Ростов-на-Дону, 2002. С. 134.

⁹⁶ Чернышевский Н. Г. Что делать? Ростов-на-Дону, 2002. С. 190.

ТРИ КИТА

Однажды я, Чжуан Чжоу, увидел себя во сне бабочкой – весёлой бабочкой, которая порхала среди цветов в своё удовольствие и знать не знала, что она – Чжуан Чжоу. Тут я проснулся и увидел, что я – Чжуан Чжоу. И я не мог понять, то ли я Чжуан Чжоу, которому приснилось, что он – бабочка, то ли – бабочка, которой приснилось, что она – Чжуан Чжоу. А ведь между Чжуан Чжоу и бабочкой должно быть различие. Вот что такое превращение вещей!

Чжуан-цзы⁹⁷.

– Эх, Петька, Петька, – сказал Чапаев, – знал я одного китайского коммуниста по имени Цзе Чжуан. Ему часто снился один сон – что он красная бабочка, летающая среди травы. И когда он просыпался, он часто не мог взять в толк, то ли это бабочке приснилось, что она занимается революционной работой, то ли это подпольщик видел сон, в котором он порхал среди цветов. Так вот, когда этого Цзе Чжуана арестовали в Монголии за саботаж, он на допросе так и сказал, что он на самом деле бабочка, которой всё это снится...

– И что с ним случилось?

– Ничего. Поставили его к стенке и разбудили.

Виктор Пелевин⁹⁸.

Мне снилось, что я ткачиха,
которая часто бывает мною во сне.
Я долго не мог понять,
то ли я снюсь ей, то ли это она снится мне.
Да, я знаю, что об этом писали китайцы,
но теория суха, а древо жизни зеленеет в листах.
Придётся проснуться и поехать в Иваново,
проверить, как реально обстоят там дела на местах.
Борис Гребенщиков⁹⁹.

⁹⁷ Чжуан-цзы. Даосские каноны / Пер., вступит. ст., коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 71.

⁹⁸ Пелевин В. Чапаев и Пустота. Седьмая часть.

⁹⁹ Аквариум. «Беспечный русский бродяга» (2006). «Ткачиха».

НеоЫизм

В одну из тёмных ночей года мне приснился удивительно красивый, но таинственный сон. Мне приснился глубочайший подвал мира, в котором, как в котле, были собраны все духовные составляющие мира. *«Алеф. Место, в котором, не смешиваясь, находятся все места земного шара, и видишь их там со всех сторон»*. Да, я, действительно, обнаружил в своём видении целое сущее, но выраженное в значимых смыслах. То был не борхесовский глобус, не географическая карта, чудесном образом вмещённая в маленький шар в потолке, а – небольшая шкапулка, сокровищница, где подобно микробу хранился *корень* мира и бытия.

«Всякий язык представляет собою алфавит символов, употребление которых предполагает некое общее с собеседником прошлое. Но как описать другим Алеф, чья беспредельность непостижима и для моего робкого разума». Я мог бы вслед за Борхесом подписаться под этой исповедью собственного описательного бессилия, но не смею даже претендовать на такую честь. Возникшие передо мной картины имели мало отношения к своим реальным прототипам. Как ядовитые грибы, в своих белых одеяниях кружились мусульманские суфии, но вместо того, чтобы распознать их как суфиев, в моём сознании возникало еле уловимое ощущение: «алхимия». Передо мной, как на ладони, раскрылся *конспект* мира, если бы его осуществил сам Бог. Многослойные пагоды, многоярусные колокольни, многоэтажные катакомбы сливались в единый, возвращающий к чему-то исконно общему, архетип. Коллекция самых разнообразных мифов сжалась в один всеобщий миф. Все видимые цвета слились в фокусе объединяющего все света; но свет этот был сумрачным, «вечером вселенной», мутным стеклом непонимания слишком близкого Божества.

Один суфий просил Бога избавить его от молитвы, так как она разделяет человека и его создателя. Эта просьба, мне кажется, исполнилась – хотя бы и в крайне предвосхищённом виде – в моём сне. Суть наличных вещей обнажила передо мной свою сокровенность; я почуял её аромат, вдохнул в себя воздух этой

непосредственности. Но как младенца кормят молоком, пока он не может есть твёрдую пищу, так и мне, едва родившемуся, беззащитному птенцу, показали только то, что меня заворожило, но не оставило болезненного, огнём выжженного следа – клейма. Поэтому я и вынужден обращаться к аргентинскому автору, что он так удивительно верно описал мистические ощущения, в которых я хотя бы отчасти узнаю сюжет своего сновидения.

«В диаметре Алеф имел два-три сантиметра, но было в нём всё пространство вселенной, причём ничуть не уменьшенное». Да, увиденный мною образ переливался парадоксами через край. Я не могу сказать, что встретился со всеми людьми и буквами всех книг на земле, как того сподобился Борхес, но настойчивое ожидание, что всё это близко, за углом, «при дверях», никогда не покидало меня на протяжении всего погружённого плавания.

Проснувшись, я неожиданно почувствовал, что, может быть, и сам «Алеф» был в моём сновидении включён как часть чего-то глубинного, свидетелем чего я удостоился стать. Моя душа требовала, пусть и в примитивных выражениях, зафиксировать открывшийся «обзорный пункт», замочную скважину в божественную мастерскую. И по определённом размышлении я пришёл к выводу, что одним общим словом, обозначающим понятие совокупности моих видений, должно стать «неоБизм».

Здесь я неизбежно перехожу от содержания сна к его интерпретации и комментарию. Наверное, эта неразделённость непосредственного видения и его философского осмысления эстетического посыла применительно к жизни – многое говорит о синкретичности, «древности» человеческого сознания; но думаю, что подобный процесс неизбежен в том случае, если сон соединяет наблюдателя с областью религиозного просветления. В моём случае произошла отождествляющая связка: возможность созерцания всего сущего в единый момент времени без пространственных потерь и при их совершенном неслиянии – была приписана, как один из атрибутов творческого гения, Борису Гребенщикову.

Почему именно ему и каким образом вообще музыкант появился при воспоминании сна? Ответ на этот вопрос (тем более, что мы переходим в область особенного, необычного толкования явлений) потребует некоторых замечаний. Ещё будучи гимназистом, я обратил внимание на название кинофильма «Операция «Ы!»» и подумал, что если к каждой из двух отдельных частей последней буквы прибавить сверху по горизонтальной черте вправо, то получится символическая трансформация: Ы → БГ. После этого моего самого первого наблюдения двадцать девятая буква русского алфавита была окружена с моей стороны самым уважительным почтением. Было даже время, когда сам — я согласен, несколько дикарский — звук «ы-ы» приравнялся мною к высшему проявлению божественного голоса.

Переходя разумные границы в почитании буквы «Ы», я наделял самыми прекрасными качествами те предметы, для словесного обозначения которых используется наибольшее число указанной литеры. Так, среди российских городов особенного внимания заслужили Сыктывкар и Кызыл. С другой стороны, многие слова несли в себе смысл, в целом, несовместимый с божественным изливанием, и тогда нерв такого несоответствия доставлял мне особенное страдание. Представьте, например, существительное «дыры» или глагол «вымыты». Их вряд ли можно наделить благоговейным трепетом, а тот факт, что они могут быть преобразованы с наибольшим количеством сочетаний «БГ» (о ужас!: дБГрБГ; ещё страшнее!/: вБГмБГтБГ), уродует их до неузнаваемости.

Позднее практика почитания буквы «Ы» переросла в настоящий Ы-изм. Однако при подготовке первого тома «Полного собрания сновидений» данная концепция была переименована в режущее слух «неоЫизм» сразу по двум причинам. Во-первых, так это словосочетание звучит всё-таки более естественно. А, во-вторых, приставка «нео-» обычно присоединяется к терминам уже существующих явлений: например, платонизм — неоплатонизм. Но, обладая *перевёрнутым* сознанием, я решил перескочить через вводную ступень и поменял местами Ыизм, как основу, и неоЫизм, как её развитие.

ЧУЖИЕ СНЫ

Гребенщиков-будильник

Утром пятницы, 25-го ноября 2005 г. (за два дня до дня рождения Гребенщикова) я встретился на кафедре с Евгением Бедняковым, моим одноклассником, который рассказал следующий удивительный сон.

Женя вторым купил у меня вышедшую в понедельник «Клепсидру» и за два дня прочёл её полностью. Более половины журнала прочла и его матушка. Вечером она много рассказывала своему сыну о Гребенщикове, а утром подошла, чтобы разбудить в университет. Женя откликнулся: «Хорошо, сейчас встану»; и задремал на пять минут. В эти мгновения ему снится сон.

В некоей комнате Женя играет в бильярд с Макаревичем. Рядом же в кресле сидит серьёзный Гребенщиков и уещевает моего одноклассника: «Ты же опоздаешь!».

Утром Женя признался мне: «Макаревич вообще не умеет играть в бильярд». Мой сокурсник был невероятно возбуждён и приятно удивлён сновидением, веселился и не мог поверить, что ему такое приснилось. Как он заметил, немаловажную роль в подготовке к эпизоду сыграла и «Клепсидра». Характерно, что в связи с выходом журнала Женя вполне расчётливо спросил у меня: «А как сделать так (то есть что прочитать?), чтобы приснился Снежный Лев!».

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОН О ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Анфертьев – Локонову:

Будет ли государственное учреждение покупать у меня сны? А между тем мой товар ценен, не вам мне об этом говорить. Ведь если б до нас дошли сны французской революции, сны бабёфовцев, сны якобинцев, сны времён Директории и времён Парижской Коммуны, какой бы это был ценный вклад в бытовую историю революции, – так сказал бы я.

Анфертьев – Локонову.

К. Вагинов. Гарпагониана, IV¹⁰⁰.

Большой известности достигло сновидение, испытанное Мори... Он был болен и лежал в своей комнате на постели; рядом с ним сидела мать. Ему снилось господство террора в эпоху революции; он присутствовал при страшных убийствах и предстал сам, наконец, перед трибуналом. Там он увидел Робеспьера, Марата, Функье-Тенвиля и всех других печальных героев этой страшной эпохи, отвечал на их вопросы, был осуждён и в сопровождении огромной толпы отправился на место казни. Он входит на эшафот, палачи связывают ему руки; нож гильотины падает, он чувствует, как голова отделяется от туловища, пробуждается в неопишемом ужасе – и видит, что валик дивана, на котором он спал, откинулся назад и что он опирается затылком о край дивана.

(Фрейд З. Толкование сновидений. С.-Пб., 1999. С. 41).

СОН РЫЛЕЕВОЙ

25-го ноября 1825 года, на день памяти святителей Климента, епископа Римского и Петра Александрийского, в сонном видении Матерь Божия в сопровождении святых, явившись о. Серафиму, разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь¹⁰¹.

...В январской книжке «Исторического Вестника», за 1895 г., в небольшой статье под заглавием: «Сон Рылеевой», рассказывается о том, как мать казнённого декабриста Кондратия Рылеева заранее предвидела печальную судьбу своего сына, на основании одного вещего, знаменательного сна. Вот что она сама рассказывала (как сообщает о том г-жа Савина – автор статьи, напечатанной в «Историч. Вестн.») в кругу своих знакомых об этом знаменательном сне.

¹⁰⁰ Вагинов Конст. Романы. М., 1991. С. 393.

¹⁰¹ Житие старца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха, пустынножителя и затворника. М., 2003 (отпечатано по изданию 1863 г.). С. 95.

«Коне было всего три года, когда он, дорогой, любимый мой мальчик, опасно, безнадежно занемог. Вероятно, то был круп или дифтерит, – доктора не объяснили мне; они, созванные на консилиум, только качали головой, соznавая всю невозможность выздоровления ребёнка. Он не проживёт и до утра, – сказали они няне, плакавшей о Коничке. Мне, видя моё полное отчаяние, они не решались говорить об этом, но разве я не замечала сама всей опасности положения бедняжки. Он, задыхаясь, метался по постельке, сжимаемая тоненькие исхудавшие, бледные ручки, уже не узнавая меня, своей матери.

Радость, счастье, сокровище моё, неужели ты уйдёшь от меня!? Уйдёшь!.. Нет, это невозможно, немислимо!.. Разве могу я пережить тебя! – шептала я, обливая слезами эти дорогие мне ручки. – Разве нет спасения!.. Есть оно, есть... Спасение – одно милосердие Божие... Спаситель, Царица небесная возвратят мне моего мальчика, возвратят, и снова он, здоровенький, весело улыбнётся мне!.. А если нет!.. О, Боже, поддержи меня несчастную!..

И в страшном отчаянии своём упала я пред ликами Спасителя и Богородицы, освещёнными мерцающим светом лампы, и жарко, горячо молилась о выздоровлении моего крошки. Молилась так, как никогда потом не могла пламенно сосредоточиться на молитве. Тогда я всю душу свою вложила в слова незаученного обращения к Господу.

Не знаю, сколько времени длился молитвенный экстаз мой... Помню только, что всем существом моим овладела какая-то непонятная, светлая радость, какое-то тихое чувство покоя... Меня точно что-то убаюкивало, навеивая сон. Веки мои отяжелели. Я едва поднялась с колен и, сев у кровати больного, облокотясь на неё, тотчас же забылась лёгким сном. До сих пор не могу отдать себе отчёта, был ли то сон, или я действительно услышала... О, как ясно услышала я чей-то незнакомый, но такой сладкозвучный голос, говорящий мне:

– Опомнись, не моли Господа о выздоровлении... Он, Всеведущий, знает, зачем нужна теперь смерть ребёнка... Из благости, из милосердия Своего хочет Он избавить его и тебя от будущих страданий... Что, если я тебе покажу их... Неужели и тогда будешь ты, всё-таки, молить о выздоровлении!

– Да... да... буду... буду... всё... всё... отдам... приму сама какие угодно страдания, лишь бы он, счастье моей жизни, остался жив!.. – говорила я, с мольбой обращаясь в ту сторону, откуда слышался голос, тщетно стараясь разглядеть, кому он может принадлежать.

– Ну, так следуй за мной...

И я, повинувшись чудному голосу, шла сама не зная куда. Пред собой видела я только длинный ряд комнат. Первая из них по всей обстановке своей была та же самая, где теперь лежал мой умирающий ребёнок.

Но он уже не умирал... Не слышно было более свиста, или как бы предсмертного хрипа, выходившего из горлышка. Нет, он тихо, сладко спал, с лёгким румянцем на щеках, улыбаясь во сне... Крошка мой был совсем

здоров! Я хотела подойти к кровати его, но голос звал уж меня в другую комнату.

Там крепкий, сильный, резвый мальчик; он начинает уже учиться, кругом на столе лежали книжки, тетради.

Далее, постепенно, видела я его юношей, затем взрослым... на службе...

Но вот уже предпоследняя комната. В ней сидело много совсем мне незнакомых лиц. Они оживлённо совещались, спорили, шумели. Сын мой с видимым возбуждением говорит им о чём-то. Но тут снова слышу я голос, и звуках как бы более грозные, резкие ноты.

– Смотри: одумайся, безумная!.. Когда ты увидишь то, что скрывается за этим занавесом, отделяющим последнюю комнату от других, будет уже поздно!.. Лучше покорись, не проси жизни ребёнку, теперь ещё такому ангелу, не знающему житейского зла...

Но я с криком: «нет, нет, хочу, чтоб жил он»... задышавшись, спешила к занавесу. Тогда он медленно приподнялся, – и я увидела виселицу!..

Я громко вскрикнула и очнулась. Первым движением моим было наклониться к ребёнку, и, как выразить удивление моё..., он спокойно, сладко спал, ровное, тихое дыхание сменило болезненный свист в горле; щёчки порозовели, и вскоре, просыпаясь, он протянул ко мне ручки, зовя «маму». Я стояла, как очарованная, и ничего не могла понять и сообразить... Что это такое?.. Всё тот же ли сон, или радостная действительность?.. Но ведь всё точно как было во сне там, в первой комнате!..

Всё ещё не доверяя глазам своим, я кликнула няню и вместе с нею убедилась в чуде исцеления приговорённого к смерти младенца. Няня передала мне решение докторов о невозможности его выздоровления. И надо было видеть изумление одного из этих эскулапов, приехавшего на другой день осведомиться о часе кончины мальчика, когда няня вместо трупа показала ему спокойно сидящего на постельке Коню, здорового и весёлого.

– Да ведь это ж чудо, чудо!.. – твердил он.

Время шло, а сон мой исполнялся с буквальной точностью во всех, даже самых мелких подробностях... и юность его и, наконец, те тайные сборища.

Более не могу продолжать!.. Вы поймёте... эта смерть... виселица... О, Боже!..».

(Дьяченко Г., свящ. Область таинственного. М., 1900 – 1992. С. 475 – 476).

СОН О ДВУХЭТАЖНОМ ДОМЕ

Фрейда в этом сне больше всего заинтересовали два черепа. Он снова и снова переводил разговор на них, объясняя мне, что я должен обнаружить связанное с ними *желание*. ...я понял, что перед такими снами он бессилён,

и потому ищет убежища в своей теории. Мне же необходимо было найти настоящее объяснение моего сна...

Эти сны несли в себе некое коллективное содержание и были полны символики. Один такой сон был особенно важен для меня, он привёл меня к понятию «коллективного бессознательного» и положил начало моей книги «Метаморфозы и символы либидо».

К. Г. Юнг¹⁰².

Сон был такой: Я находился в незнакомом двухэтажном доме. Это был «мой дом». Я оказался на верхнем этаже, там было что-то вроде квартиры с прекрасной старой мебелью в стиле рококо. На стенах висели старые картины в дорогих рамах. Я удивился, что этот дом – мой и подумал: «Ничего себе!». Но потом мне пришло в голову, что я ещё не был внизу. Спустившись по ступенькам, я попал на первый этаж. Здесь всё было много старше, и я понял, что эта часть дома существует с XV или XVI века. Средневековое убранство, полы, выложенные красным кирпичом – всё казалось тусклым, покрытым патиной. Я переходил из комнаты в комнату и думал: «Я должен обойти весь этот дом». Я подошёл к тяжёлой двери и открыл её. Я обнаружил каменную лестницу, которая вела в подвал. Спустившись по ней, я очутился в красивом сводчатом зале. Осматривая стены, я заметил слой кирпича в кладке, в строительном растворе тоже были кусочки кирпича. Так я догадался, что стены были построены ещё при римлянах. Моё любопытство достигло предела. Я исследовал каменные плиты пола: в одной из них я нашёл кольцо. Я потянул за него, – плита приподнялась и я снова увидел каменную лестницу, узкие ступени которой вели в глубину. Я спустился вниз и очутился в низкой пещере. Среди толстого слоя пыли, на полу, лежали кости и черепки, словно останки какой-то примитивной культуры. Я обнаружил там два очевидно очень древних полуистлевших человеческих черепа. – В этот момент я проснулся. <...>.

Мне было ясно, что дом – это в некотором роде образ души, т. е. образ тогдашнего состояния моего сознания. Моё сознание выглядело как жилое пространство, вполне обжитое, хотя и несколько архаичное.

На нижнем этаже начиналось бессознательное. Чем глубже я спускался, тем более чуждым и тёмным оно было. В пещере я нашёл остатки примитивной культуры, т. е. то, что оставалось во мне от примитивного человека, и что едва ли когда-нибудь могло быть постигнуто или освещено сознанием. Душа примитивного человека граничит с душами животных, так же как и пещеры в древности были населены большей частью животными, прежде чем их заняли люди.

(Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 163 – 165).

¹⁰² Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Киев, 1994. С. 164, 163.

ПРИМЕЧАНИЯ

Синий дом

Содержится в рукописи.

Сон, записанный на 10-ке пик.

Оконный монастырь.

Сон, виденный утром 3-го февраля 2004 г.

Вечером 2-го февраля я простился с родителями, ушедшими спать, и сел читать первый том Макса Фрая, которого мне всячески рекомендовал Костя-психолог. Заснул чуть более чем через два часа, прочитав страниц шестьдесят или шестьдесят четыре. Проснулся на минуту полдевятого утра, встретил собирающуюся уходить по делам маму. Она напомнила мне, чтобы я не забыл налить дедушке чая и дать сухариков или хлеба до того времени как она вернётся, так как надеяться на более изысканные кулинарные способности не приходится, а оставлять дедушку голодным не хорошо. Заснул опять. Проснулся без пятнадцати одиннадцать: звонил телефон. Бабушка спросила, дома ли мама, слабым и хрипящим голосом я ответил, что нет. Повесив трубку, я решил, что пора умыться и умылся. Снова сел за Фрая, но прочёл страниц двадцать пять, как рухнул спать. Как раз в это время мне и приснился один (один ли?) странный сон.

Первая моя мысль: а вдруг это тоже сон (хотя почти уверен, что я проснулся), тогда в чём смысл жизни. Был час дня. [Записано через несколько минут после пробуждения].

ДТП и театр

Три рисунка к первому эпизоду содержатся в рукописи (кПСС т. I, лист №10).

(«Этот поезд в огне...»: сходство сна со строкой выяснилось совершенно случайно, при редакции текста).

23-го июня 2004 г. я лёг спать около часа ночи. Я помню, что видел несколько снов, если их только можно назвать снами – лучше фрагментами или зарисовками. Однако один цельный сон я запомнил более чем хорошо.

На этом я просыпаюсь и, стараясь не забыть сна, срочно бегу рассказать всё отцу (он любит послушать о подобных происшествиях), но выходя из комнаты в коридор, вспоминаю, что он работает в первую смену, то есть сейчас он работе. На часах без четверти десять, я захожу на кухню сделать глоток чая и возвращаюсь спать. И вижу второй сон. [24.июня 2004 г.]

Para bellum (вариации на военную тему)

В ночь на 5-е июля мне приснилось сразу пять сновидений, по крайней мере, именно столько я помню, чтобы мне приснились, хотя восстановить в памяти могу лишь четыре из них.

Из пяти снов, о которых я знаю, что видел их в эту ночь, я не знаю, какой именно я забыл, третий или четвёртый, и какой именно я помню, четвёртый или третий. Но тот из них, коему я был свидетель, мне по неизвестным самому мне причинам, мне не хотелось бы рассказывать. Пусть это будет своего рода тайной.

Бумажный коридор японских женщин

Сон, виденный в одну из ночей августа 2004 г.

Куриная тухлятина

Сон, виденный в ночь с 24-го на 25-е августа 2004 г.

Марафон от Кремля до Первомайской и Поезд и Сталин

Сон, виденный в ночь с 25-го на 26-е августа 2004 г. Первый сон был от первого лица. Появление репортажа и интервью лишь приём преподнесения текста.

Во втором сне диалог о ХХХ-м веке вставлен для украшения и перехода от одной части к другой. В действительности, в сновидении офицер, говорящий это, присутствует, однако не говорит этого.

БГ: разговор с парижанином; и Аквариум: концерт на НТВ

Сон, виденный в ночь на 7-е сентября 2004 г.

Первый сон до пяти утра. Второй – до половины седьмого.

В черновике есть запись, характеризующая процесс конспектирования и литературной обработки сновидений, связанных с Аквариумом:

«Многие мои сны не могут быть записываемы когда угодно. Для этого необходимо войти в определённое состояние возвышенного духа. Такое состояние может быть охарактеризовано особым творческим одухотворением, чувствованием в себе безоблачного, но активного деятельного настроения, переживанием радости, получаемой от жизни. Но, конечно, в итоге главное, чем вызвано это состояние, какова его причина. Причина, я понимаю, заключается в уходе (пусть и кратковременном) от ощущения собственной греховности. А это бывает, в основном, либо при настрое и желании слушать Аквариум, либо после прослушивания Аквариума, вносящего в душу не поддающиеся словесному описанию энергию и радость.

Так случилось и со сновидением БГ и парижанина. Я видел его в ночь на 7-е сентября. Но сел записывать только сегодня, 10-го октября 2004 г. (после просмотра «Антропологии» 1999 г. с участием Аквариума и телевизионных интервью, приуроченных к юбилею Бориса Гребенщикова (на cassette, предоставленной Димой Борисовым)).

Получилось так, что сразу на утро после сна я записал краткий конспект, но оказалось, что многое, что должно было вызвать во мне ассоциации, не поддаётся расшифровке. Конспект первого сна (в записи от утра 8-

го сентября) начинается так: «Множество разъездов рельсов. Тачанки и всевозможные средства передвижения. Перемена обстановки». Но что это и о чём, не знаю, не помню, представить не могу. Слава Богу, далее относительно всё понятно. Итак. (После «перемены обстановки»)).

Джон Леннон и книжный магазин

В ночь на 12-е декабря 2004 г.

«Незавершённые песни»

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №9).

В ночь на 5-е февраля 2005 г. 6 утра.

III. Название альбома – «Незавершённые песни» – восстановлено предположительно по надписи в два ряда и количеству букв в каждом из них.

Новый Патриарх!

В ночь на с 24-го на 25-е февраля 2005 г.

Фамилия Курбицын и название монастыря Курдынский выдуманы. В конспекте в этих местах пропуски: «Рахимат Ольга (). Архимандрит К-го монастыря».

Псевдо-Эйовин

В ночь с 25-го на 26-е февраля 2005 г.

Сравнение с мелодией «албанского радио», услышанной в магазине, – реальный случай, произошедший в августе 2006 г.

Интерсити – Хитровка

В ночь на 3-е (четверг) или на 4-е (пятница) марта 2005 г.

Монгол-японец

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №6).

На 10-е марта 2005 г.

Охранники потерянного портфеля

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №6).

На 16-е марта 2005 г. (с половины четвёртого до без четверти шесть).

Детский врач Гитлер – вонючий козёл

На 25-е марта 2005 г.

Чёрная картина

На 1-е апреля 2005 г.

Относительно трёхчастного названия картины в черновике есть комментарий к третьей части: «[не сохранилось в памяти]». Поэтому вариант «о родстве среди евреев» носит пробный характер.

В черновике содержится подробный отчёт о прочитанном и просмотренном в тот вечер. Перечень отделён от основного текста сновидения двойными скобками: «Перепечатывал для «Клепсидры» фрагмент из «Статского советника» («Фандорин учится летать»)). Читал первые две главы пророка Даниила и толкование на них Ефрема Сирина. В этот день вечером второй раз смотрел «Мелкого беса» с Сергеем Тарамаевым. Читал “Евангелие от Пелагии”»).

В эпизоде с «предъявлением аргумента» указание на «цитату из БГ» также обрамлено двойными скобками.

Порох стреляет в коже

Сон на 5-е апреля 2005 г., спяню.

Относительно названия страны в черновике содержится следующая заметка: «Первая буква – «G». Потом идёт странное сочетание гласных: YU или что-то подобное. «GYUIYU», примерно так».

Эйфелева башня из белого шоколада

(Сон на седмице Марии Египетской).

На пятницу, 15-е апреля 2005 г.

Ось от колеса

Черновое название – «Криминальные пассажи».

На вторник, 19-е апреля 2005 г.

1. Поезд в Симферополь.
2. Девушка с кафедры – проститутка. Рассказывает, что больна и ночует в милиции.
4. После указания на 1856-й год в черновике есть приписка: «Что это значит, не сказано».

Потайная библиотека

Видено в ночь на Великую Субботу, на 30-е апреля 2005 г. (в частности, после частичного перечитывания «Москвы – Петушков»).

Три фрагмента.

Третий фрагмент, первый по хронологии, запомнен смутно. В нём говорится о том, что я в деревне (в Крестах) стал дома торговать водкой. Что-то про kota и про печь.

Две ржавые трубы

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №7).

На 7-е мая 2005 г. (Записан в 7.15 – 7.30).

О. Евгения видел в тот день на кафедре, говорил с ним о последнем сроке сдачи курсовых.

Относительно тестового задания в черновике есть другой, правда, менее вероятный вариант: «1) Иоанн, Иоанн, Иоанн, Иоанн; 2) Матфей, Матфей, Матфей, Матфей; 3) Марк, Марк, Марк, Марк; 4) Иоанн, Матфей, Марк, Лука».

Ниндзя выкрали Ефрема Сирина!

Иллюстрация содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №7, оборот).

В ночь на 60-летие Победы, 9-е мая 2005 г.

Отрубим ему руку?

Иллюстрация содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №5).

С половины четвертого утра ночи на 22-е мая 2005 г.

(После «Открытого проекта» с Борисом Гребенщиковым).

Первый и второй эпизоды могли идти в обратной последовательности.

Третий эпизод предваряется в черновике следующим плохотолкуемым текстом, данным в скобках: «Ксюша с листом вопросов к экзамену или чему-то такому: показываю пальцем на плохо составленный вопрос, поднимаю глаза, а после не могу этого вопроса найти в листе».

Глазированная лампочка зуба

Иллюстрация содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №5).

Днём 26-го мая 2005 г., придя из университета (с часу до пяти дня).

В черновике содержится примечание: «Первый фрагмент непотребен с точки зрения чистоты нравственного отношения к женщине».

Не бей ответчика, Астахов!; и Тяжёлая молитва

Сон днём 31-го мая 2005 г. (с 15:25 до 16:45).

Несколько эпизодов.

Примечание к первому эпизоду. Появление в сновидении Павла Астахова совсем не случайно. Дело в том, что в 2005 г. любимый мною мультсериал «Симпсоны», транслируемый по каналу Rep-TV, предварялся программой «Час суда» с адвокатом Астаховым в роли ведущего. Поэтому тем или иным образом я всегда сталкивался с его персоной (хотя во сне, как кажется, наделил его хулиганским характером Гомера Симпсона).

Относительно термина «тяжёлая молитва» в черновике записано, что настоящее словосочетание по пробуждению было забыто, оставалось известным только, что оно состоит из двух слов, на месте которых и оказалось представленное пробное «тяжёлая молитва».

Про каменный переход (из второго эпизода) ростом с человека, шириной с повозку мне сообщала матушка, когда говорила о церкви в её родном городе Плавске.

При редактировании 5-го эпизода неожиданно был обнаружен источник фразы отца «Двенадцать, наверно», сравните у Б. Гребенщикова и А. Васильева в новогодних «Звездочётах»: «Который час? – Двенадцатый примерно». Стоит обратить также внимание на тот факт, что год рождения Гребенщикова – 1953-й.

Последнее предложение 6-го эпизода выдуманно для придания отрывку законченности. В черновике вместо него содержится указание: «Сон плавно ретируется в неизвестном направлении».

7-й эпизод оставлен без заключительного предложения, присутствие которого в тексте сновидения привело бы к «обрубленности» концовки: «На Насте эффектная красная маечка; но, по-моему, сегодня она была в синей».

В конце сновидения в черновом варианте содержится пометка: «Записывал с 16:50 до 17:55. Всё это время молчал (не раскрывал рта) и не ел».

Икона ZOOM ZOOM ZOOM

На 2-е июня 2005 г.

1-го июня в 0.15 я впервые прослушал по «Русскому радио» программу Бориса Гребенщикова «Аэростат». Днём читал отчёт об одном из апрельских концертов Аквариума, в котором, на мой взгляд, некстати была упомянута строка из Цоя о красно-жёлтых днях.

О самом сне я вспомнил 2-го числа в полдень. Понимание связи красно-жёлтого цвета в связи с Цоем пришло вечером, часов в 10, когда я курил на балконе.

Елизавета знатных кровей

На 2-е июня 2005 г.

В черновике содержатся предельно смутные комментарии к событиям предшествующего дня: «На 2-е июня лёг то ли в полтретьего, то ли нет. «Встаю за пять минут до будильника...». Просыпался раза в три: в 4 с чем-то, в 5.5х и 6.3х. Совершенно разные эпизоды и сновидения, постоянно забывал. Эпизод с В**ой (ого!). Эпизод с аркой старого дома, о чьём-то избиении и двух людях: оч. высоком и оч. низком.

На 1-е июня. Эпизод с ледяным мостом через реку в Черни. Эпизод с карательным проходом по лесу двухсот человек, пять человек убивают друг друга, последний – себя».

17-й том Льва Толстого – исключительно для музыки reggae

Днём 6-го июня 2005 г., в день рождения Пушкина.

Воледа Заварзин в этот день сдавал отцу Льву выпускную квалификационную работу. Появление Будды связано с его упоминанием у Синявского (Абрам Терц) в главе «Анекдот в анекдоте».

Две ладьи БГ

Днём 9-го июня 2005 г. В дремоте при пробуждении.

Деревянное велосипедное колесо

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №4).

10-го июня 2005 г.

Западные коты Церкви

Сон днём 22-го июня 2005 г. (после ночёвки у Ж. Харченко).

Два эпизода.

Содержание табличек при котях документально не зафиксировано, выражения составлены на основе работы с их предполагаемой стилистикой.

Механический зелёный дракон

Днём понедельника, 11-го июля 2005 г. (после справки из поликлиники до автошколы).

Ни чьерта не помню!

На 15-е июля 2005 г. После: 1) встречи с Павлом Валентиновичем в Мемориале (500 руб. за две работы); 2) литра вина «Чёрные глаза» с Костей по его приезде с юга; 3) «Аэростата».

Чешский акцент президента в первом эпизоде, по всей видимости, связан с моим знакомством со студентом Микулашем, чехом по национальности.

Колыбельные пироги

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 26).

В ночь с 20-го июля 2005 г. (среда), лёг спать в начале шестого утра.

Вторая часть интродукции, с шитым плакатом Аквариума, явно навеяна дневной покупкой в магазине «Fuji-film» чистой кассеты для «Аэростата».

Во втором эпизоде содержится фактическая ошибка в расчётах: речь идёт о литровой бутылке вермута, поэтому десятерым достанется не по пятьдесят граммов напитка на каждого, как утверждает брат, а по сто.

Три бутылки Дзержинского

На 22-е июля 2005 г. После чтения первых 10-ти глав евангелия от Матфея.

Катапульта для Хрущёва

Первоначальное название – «Белая машина, но без Хрущёва».

Сон на субботу, 23-е июля 2005 г. (После того, как меня, выпившего две бутылки пива, остановила ДПС без прав на вождение).

В первом пункте бензиновый пистолет появляется в качестве огнестрельного оружия только при редакции, в черновике об этом сказано так:

«...из чего-то-непонятно-из-чего начинаю отстреливаться». Про сновидение в первом пункте по аналогии со всасыванием японцев черновик содержит следующее высказывание: «Так же и сон – непредсказуемо, почти стирая-забывая самого себя, перетекает в другой пункт».

Три синие коровы волшебства

Сон на воскресенье, 24-е июля 2005 г.

Относительно девушки в черновике содержится указание: «Не исключая, что с Лерой, хотя довольно смутно, неоднозначно и маловероятно».

Храните деньги в банке

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 19).

Первоначальное название – «(I) Второй этаж; и (II) Храните деньги в банке».

Сон днём 28-го июля 2005 г. (часов с трёх до половины седьмого). Четверг, день после ночного «Аэростата» №9.

Эпизоды первого сна приводятся в хронологической последовательности. Надстрочные номера в скобках в конце абзаца обозначают, каким по счёту эпизод был восстановлен в памяти по пробуждению. Черновик содержит указания на источники сновидения: «/С Костей договорились встретиться завтра, в пятницу, а у меня занятия в автошколе заканчиваются в восемь, думал об этом. Вокзал и родители, не исключено, что воспоминания о поезде на базар в Черкизово. Учитывайте: «Аэростат»!/)».

Про изображение двух поз птицы в черновике есть комментарий, поставленный в скобках: «Есть предположение, появившееся только сейчас, то есть после сна, мало обоснованное подозрение, что две позы этой загадочной птицы – это изменённые изображения знаков на туалете: мальчик – девочка. Но это уже, скорее, позднейший мой домысел, попытка интерпретации».

Переход ко второму сну прокомментирован в черновике следующим образом: «После этого наступает совсем другой сон. Думаю, это связано с временным, дремотным, пробуждением: помню, как приходил брат; но фактически это ближе ко сну с небольшим, очень незначительным отклонением в явь. При этом, однако, изменились тематика и настроение сна. Поэтому эпизоды буду нумеровать заново».

Примечание в черновике ко второму сну: «Днём снимал 250 руб. с карточки для родителей. Во время дремоты помню приход брата». Во втором сне был ещё и второй, забытый эпизод, тоже на денежно-банковскую (банка) тематику.

Деление самолёта без остатка

В ночь с 3-го на 4-е августа 2005 г. Днём сломал (в черновике: «свинтил») ключ зажигания в автошкольной «семёрке». Ночью слушал «Аэростат»

№10. После читал Акунина – главу «Гнездо аспидов» в «Пелагии и белом бульдоге» (следует обратить внимание на подозрения Татищевой).

Дерево души или душа дерева?

В ночь на вторник, 9-е августа 2005 г. После чтения Чезаре Ломброзо.

Появление снежных барсов в третьей части сновидения связано с сообщением в новостях о рождении этих редких животных в одном из зоопарков.

Черновик содержит сведения об окончании: «В это время раздаётся звонок в дверь: в половине двенадцатого пришли брат с женой. И первой моей мыслью по пробуждении было не разочарование, что я не дослушал дальше, а совсем наоборот – я обрадовался: ведь если меня не разбудили и я всё досмотрел до конца, вполне возможно, что я бы забыл этот чудесный сон».

Танец Африки, или Поцелуй газели

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 59).

Сон на 11-е августа 2005 г. (После «Аэростата» №11, того самого, где монахи на весёлый лад поют «Авторская программа Бориса Гребенщикова»). После чтения Ч. Ломброзо. После вычислений «35 из 105».

«Царское» село

Содержится в рукописи (блокнот, с. 63).

На медовый спас (на 14-е августа 2005 г.).

Название сновидению дало латинское происхождение слова «Регино»: гех, regis – царь.

Интермедия №1

(i).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №2).

На 13-е июня 2005 г.

(ii).

На 14-е июня 2005 г.

Всего три эпизода. Первые два: 1) приезд Л. Кузнецовой со знакомым, прогулки по парку; 2) Н. Дубовицкая с абреком. Третий эпизод в черновике изображён менее зловеще: «...про 300 лет и Ницше».

(iii).

В понедельник, 18-го июля 2005 г. Запись в черновике: «...заболел: температура 38,6 – 38,7⁰. Днём лежал в кровати в жару. Весь день снился бред. Я даже назвал это «18 часов постоянных снов (брета)». Всё время, очень часто снился Гребенщикова. Вечером лёг спать к половине одиннадцатого».

(iv).

Скорее всего, в ночь с 17-го на 18-е августа 2005 г., на четверг после «Аэростата». Перед этим играл в «Diablo-II».

В тексте черновика Борис Гребенщиков – из благоговейных побуждений – скрыт за неопределённым «кто-то» (в начале) и «Кто-то» (далее). Однако здесь же содержится и достоверное указание на героя сновидения: «В одну из суббот августа я встречался с Димой Борисовым, перед медовым спасом он подарил мне плакат с Дэвидом Боуи с одной стороны и с Гребенщиковым в «пчелиных» очках-хаки и с бубном на голове с другой. Тогда-то я и рассказал Диме про этот сон. Он спросил меня, а не помню ли я, кто это был, кто так щедро осыпал меня драгоценностями. Я ответил: «Гребенщиков». Но!: это была правда!».

(v).

Скорее всего, ночь с 19-го /пт./ на 20-е /сб./ августа 2005 г.

Черновик сохранил схему, по которой я восстановил и сохранил в памяти выражение сновидения: «Первое слово «ханда» по пробуждении я идентифицировал по двум другим словам из сочетаний: 1) бурятская певица Бадма-Ханга и 2) слово «падме» из формулы «Ом мани падме хум». Второе слово «Ханда-комэ», очень вероятно, навеяно выбором конфет, которые я покупал для одного дня рождения: что купить: «Жоркунов» или «Комильфо»? Вот это последнее (а купил я первое) в свою очередь навеяло мне выраженьице «comme il fault» – «как следует», «как над», о котором Костя говорил мне, что встречал его у Толстого».

Характерно, что впоследствии словосочетание «Ханда-комэ» переменило своё значение на противоположное и стало осмысливаться как выражение мужской силы, непреодолимого желания.

На каменных плитах храма

Сон на 21-е августа 2005 г. (с сб. на вс.).

Комментарий в черновике относительно первого эпизода (в скобках): «С вечера брат уехал в Москву за женой. Перед этим я в гаражах развернулся на его «Ниве». «Волгу», правда, хотят продать».

Третий эпизод в черновике озаглавлен так: «Эпизод неосознанно 3 (как будто напрямую связанный со 2)».

К описанию библиотеки в четвёртом (торжественном) эпизоде в черновике прибавлено: «Помимо прочего, вижу здесь Костю и Ивана».

Коктейль Рязанова

Содержится в рукописи (блокнот, с. 55 – 56).

На 1-е сентября 2005 г.

1. С Димой Борисовым в Серпухове. Там ещё Женя Харченко. С Димой поспорили на 15 руб., мелочью. Выпили. Дело – ночь. Просыпаюсь за 2 часа ночи, дома (там). Родители ходят по пяткам, рассказывают, что проиграл, в три укладываюсь.

2. На машине (я на заднем сиденье слева) съезжаем задним ходом в «ступень». Я специально горизонтально ложусь. На синем «Запорожце», толстый водитель которой цепляет днищем, карёт фары и боковые вещи и матерится, вывозили дряхлый стройматериал. Перед этим я захожу в два пред-входа космического центра, а это – туалеты.

2^{1/2}. Смотрю фильм по большому экрану. Рассказы героев переменяются быстрым раздеванием.

В эпизоде 3. парень с гитарой показывает мне «пару и свой ночлег», эти элементы не были расшифрованы и не вошли в текст сновидения.

Воскресший Шукшин

Содержится в рукописи (блокнот, с. 47).

На Веру, Надежду, Любовь и Софию (на 30-е сентября) 2005 г.

До четырёх часов ночи (засыпал с трудом часов до двух).

Черновик содержит указание на два источника сновидения того дня: «* Шукшин – передача на телевидении в тот день. ** Нашёл забытые давно 100 руб. в паспорте (при однокласснице Насте)».

Снежная кабаниха реки

В ночь на 1-е октября 2005 г. (на субботу). (А в воскресенье я ездил в Высоцкий мужской монастырь под Серпуховом).

Корова из чёрного шёлка

В ночь на 4-е октября 2005 г., с половины первого ночи до без пятнадцати пять.

Недюжинный Табаков

В ночь на 12-е октября 2005 г. (на среду).

Первый эпизод окончательной редакции вобрал в себя первые два эпизода черновика, второй эпизод официального текста – третий и четвёртый черновые.

«Тротуарный роман»

Содержится в рукописи (блокнот, с. 46).

На 22-е октября 2005 г., на сб., с двух до половины шестого ночи. (Вечером: читал «Мелкого беса» про Людмилу и Сашу. На ночь: Гольбаха).

Первый эпизод вынесен в «Эротические сны».

Эпизод второй. В зале (теперь уже собственном) вдоль стен заставлены книги; переставлены каналы на кнопках пульта (совместно). С моей ком-

нате сидит Петрищенко (обсуждение Петрищенко с Балахниной на занятиях) с родителями: они хотят уговорить, дать взятку за чем-то. Выход в ванну. В ванной – тоже книги. Обращаю внимание: две карманные брошюры (как П. Гольбах) стоят (а не лежат), облакачиваясь на другие: англо-русский словарь (его я подкладываю между двух полноформатных книг) и Аквариум (остаётся стоять). Настя уходит. Выходит Петрищенко, собирается. Родители после её ухода жалуются: мол, Ирина (жена брата) съела сваренные для неё пельмени. Отец спрашивает, возьму ли я машину, отвести Петрищенко до остановки. Говорю, да, но она сама уходит.

Примечание в черновике к третьему эпизоду по поводу формы плиток: «21-го октября: днём: видел еврейские буквы в энциклопедии». Книга в этом эпизоде присутствует условно: из черновика сновидения прослеживается, скорее, та мысль, что романом является не бумажный текст, а поверхность самой улицы: асфальт, бордюр, плитка. Появление книги можно считать, в целом, ошибочным, хотя, наверное, и неизбежным при переводе с языка сновидения на язык действительности.

Находчивая рука

Содержится в рукописи (блокнот, с. 24).

В ночь на 27-е октября 2005 г., с 1.40 до 2.40 ночи. Со ср. (После 2-го дня лекций А. Дворкина).

Дворкин против льва

В ночь на 27-е октября 2005 г., после второго дня пребывания А. Л. Дворкина на кафедре теологии (ср).

Сон начинается предварительным замечанием в скобках: «Иду в сумерках по дороге к дому и никак не могу дозвониться до сбросившего звонок Ивана». В конце записи сновидения содержится сообщение о находке того дня: «27-го октября 2005 г., в третий день лекций Дворкина, простившись с ним, возвращался домой и на мокрой и на грязной дорожке нашёл триста рублей. («Халилюя!»)».

Старуха музыки

В ночь на пятницу, 28-е октября 2005 г. (перед этим была ещё сделана запись в блокноте).

Ю Люблю Я

В ночь на 29-е октября 2005 г. (на субботу).

«Промышленность и торговля в Москве на рубеже XIX – XX веков»

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 44).

В ночь на 30-е октября 2005 г. (на вс).

Второй эпизод охарактеризован в черновике как «футбольный пассаж».

Шампанское «Ясная Поляна»

В ночь на 1-е ноября 2005 г. (на вт).

Примечание к первому эпизоду: во вторник хотел купить чистую аудиокассету для записи авторской программы Бориса Гребенщикова.

В черновике третий эпизод назван: «Лошадиная любовь». Примечание относительно моей знакомой: «Ассоциация с Настей, которая звонила мне в тот день».

В черновой версии кусок, следующий за третьим эпизодом, был назван третье-четвёртым эпизодом, а в белой поначалу исправлен на странное «третье-четвёртое междуэпизодье». По трезвом размышлении за этим фрагментом был закреплён статус полноправного четвёртого эпизода, а за следующим – соответственно, пятого.

Семидесятилетие Гребенщикова

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 44).

1-го ноября 2005 г. (в день, когда во вторник купил кассету для «Аэростата», узнал из 49-го выпуска новостей Аквариума об их эфире в «ПроСвете» и зашёл в «Визитку» насчёт «Клепсидры») лёг спать в час ночи. Снилось всякая мелкая дребедень, самая нелепая и памятная из которых – поедание розового живого существа с двумя чёрными глазками, состоящего как будто из размякшей, увлажнённой бумаги с гибкими полосками. (Ещё снилось, как хорошо бы заменить съеденные шоколадные конфеты в коробке на дешёвые или вообще на ириске). Но в 9.15 позвонила абонент и разбудила меня. Я не пал духом, потому что предполагал, что возможен сюжет «Предпоследнего дня августа». Таким образом, второй (хронологически) сон произошёл уже утром 2-го ноября с половины десятого до половины двенадцатого (два часа).

Название было придумано гораздо позже и с большим трудом. Объяснить его можно так. Седая борода у Гребенщикова появится лет через двадцать, тогда ему будет за семьдесят. Странно именовать сон «Гребенщиков образца 2023 года» или «Седой иконографический тип Гребенщикова», поэтому я решил на утверждённый в окончательной правке вариант.

Малая «Клепсидра»

В ночь на 6-е ноября 2005 г. (после субботней работы над журналом).

Важное замечание в черновике: «Перед сном читал «Сектоведение» Дворкина: начал с листа 61 – 62-й страниц, читал про чёрно-белое восприятие реальности сектантами».

Семьдесят тысяч бесов

В ночь на 9-е ноября 2005 г. (после составления «Нутра обложки» для «Клепсидры» и чтения М. Орлова).

Эпизоды приведены в обратном хронологическом порядке.

Замечание в черновике: «Смутно припоминаю, что видел ещё два фрагмента, но выцепить их из дрёмы забвенья не могу».

Название болезни из второго эпизода, «trismegistus hermeticum», выдуманно.

Пояснение в черновике относительно цвета сыпи на ногах больного Андрея Белого: «В ту ночь, делая «Нутро обложки» для «Клепсидры», я попробовал покрасить фон и сделал его жёлтым, от чего, конечно же, отказался. Но цвет – точно такой же – жёлтый».

Розовая смородина

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 52).

В ночь на 13-е ноября 2005 г. (вс), после чтения М. Орлова про астрологию и снотолкование (с. 220 – 233).

Черновик содержит не расшифрованное вступление к сновидению: «До этого я смотрел со спящим-просыпающимся отцом телевизор: по шести из девяти каналам – сплошное «заполуночье», а пульт заедает».

«Юный андеграудный исполнитель» в сновидении – это Найк Борзов, которого я в черновике «шифровал» как «НаБор».

Дремота

(i).

Днём 13-го ноября (вс.) 2005 г. Почивал с половины четвёртого до пяти (перед этим читал М. Орлова).

(ii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №12).

На 4-е декабря 2005 г. В дремоте.

(iii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №12).

На 5-е января 2006 г., в дремоте.

(iv).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №12).

Дремота на 7-е января 2006 г.

(v).

На 5-е января 2006 г. С 4-х до 7-ми часов. Записано в сновидении «Ямецкий язык, или Коллекционная евхаристия».

(vi).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №13).

На 6-е марта 2006 г., в дремоте.

(vii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №13).

На 9-е апреля 2006 г., в дремоте.

(viii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №13).

На 10-е апреля 2006 г., в дремоте.

(ix).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №13).

На 20-е апреля 2006 г.

(x).

20-го апреля 2006 г., вечером, после «Симпсонов» (после победы на университетских чтениях по секции философии).

(xi).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №14).

На 28-е апреля 2006 г., в дремоте.

(xii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №14).

На 29-е апреля 2006 г., в дремоте.

(xiii).

Содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №14).

На 30-е апреля 2006 г., в дремоте.

Ленин как религиозное Божество

В ночь на 15-е ноября 2005 г. Лёг (в унылом состоянии) в два часа ночи после чтения двух глав «Капитанской дочки». Проснулся в 10 утра, через две минуты лёг досыпать. Окончательно проснулся без пятнадцати час. Все описанные сны относятся ко второму, утреннему сну (засыпая, я понял смысл названия песни Аквариума «Охота на единорога» в связи с прочтением у Борхеса статьи про китайского единорога ци-линь; также из «Десяти стрел»: «С ним придёт единорог...»).

Однорушница во втором эпизоде – Лера.

Третий эпизод в черновике обнаруживает «без-мониторность» видимой надписи «Аквариум». Про носитель зримого образа здесь говорится так:

«Характерно, но это был не экран телевизора и вообще – никакой не экран: ни монитора, ни чего-то другого. Просто прямоугольная плоскость внутреннего зрения, несомненно чёрная».

В круге правом

Иллюстрация содержится в рукописи (блокнот, с. 64).

В ночь на 16-е ноября 2005 г. (после чтения «Капитанской дочки» на ночь).

Первохристианка

В ночь на 19-е ноября 2005 г. (прямо перед пробуждением).

Циферблат

В ночь на 20-е ноября 2005 г. (вс). Несколько эпизодов.

Тарелки

Сон на 26-е ноября 2005 г. (на сб.), после просмотра фильма «Мужчина и женщина».

Позитивная философия, или Рыбак, достающий чудо-рыбу

В ночь на 30-е ноября 2005 г. (ср.). После выставления зачёта по литературе, после похождения в читальный зал для Фроловой; после М. Орлова перед сном.

Торт «Аквариум»

1-го декабря (чт.), вечером (даже «Симпсонов» пропустил).

Последний момент представляется мне самым поразительным. Для его расшифровки необходимо ответить, по крайней мере, на три вопроса «почему?». Во-первых, почему Евгений? – Думаю, его появление в сновидении связано с тем, что он лучше других оценил «Клепсидру», очень хвалил меня, а ему самому однажды даже приснился Гребенщиков. Во-вторых, почему торт «Аквариум»? – Почему Аквариум, в целом, понятно. Торт же, скорее всего, возник здесь оттого, что он – самое сладкое в жизни, его всегда приятно попробовать. Наконец, в-третьих, почему издательство? – Возможно, это связано с моим неосуществлённым намерением *подарить* издателям моего журнала что-нибудь винное и шоколадное.

Губернаторское кресло

Первоначальное название – «С губернатором через кресло».

На 2-е декабря 2005 г. (на пт.).

В черновике содержатся два чрезвычайно важных указания. Указание первое, насчёт Дудки: «В приложении к газете я наткнулся на рекламу «Визитки», где печатал «Клепсидру». В рекламе была приведена губернаторская

визитка. Это повлияло на сон. Кроме того, в тот день мама показала мне статью о концерте Гребенщикова в филармонии; а перед этим в той же газете я увидел: «Губернатор Дудка поменял тульский герб». Всё это не могло, как понятно сейчас, сказаться на содержании сновидения. Проблема в одном: оба события (с «Визиткой» и гербом) произошли в пятницу, а сон приснился в ночь с четверга. Мистическая неувязка».

Указание второе, насчёт номеров: «Не случайно, что я запомнил номера наших с губернатором мест. Во-первых, они были пятизначные, первые две цифры которых я, что именно, запомнил, «31». Во-вторых, наши места располагались через один, и, по-моему, у одного «**7», у другого «**9». В-третьих (заметьте, это очень важная характеристика!), все цифры в каждом числе были нечётные, более того, в последних трёх они не повторялись. Получается: 31 537 и 31 539. Это важно. Каждый час (конечно, когда встречаюсь с этим) я праздную минуту 53: 12.53, 5:53. Это связано с тем, что год рождения Гребенщикова – 1953-й. Соответственно, самое святое время в сутках – без семи восемь, 19.53. Я думал над этим и давно пришёл к выводу: в этом числе все числа нечётные. Вот, наверное, поэтому и получились такие номера».

Самолёткрушение

В ночь на 3-е декабря 2005 г. (на сб.) (после появления моего отчёта о концерте Аквариума в Туле в 51-м выпуске новостей группы). («Сомалёткрушение»).

Инициация в чаны

С иллюстрацией содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №1).

На 5-е декабря 2005 г., с полуночи до 5:50. (После «Бедных родственников» П. Лунгина; М. Орлова на ночь (про привидения, с. 110 и далее). Перед 1-м туром потанинской стипендии).

Два хорепископа, или Рисовая бомба

Сон на 7-е декабря 2005 г. (5-го числа был первый тур потанинской стипендии, 6-го – второй, соответственно, сон в ночь со второго тура в «неизвестность» среды, на объявление результатов и церемонию награждения).

Интермедия №2

(i).

В ночь на 28-е августа 2005 г., с субботы на воскресенье.

В черновике есть замечание в скобках: «Вполне возможно, что сон снился в ночь на 27-е, потому что в пятницу я был на занятиях в автошколе и один парень спрашивал меня, действие каких дорожных знаков не распространяется на I и II группы».

(ii).

Днём 28-го августа, на Успение Богородицы (мы с родителями приехали из храма, и я лёг поспать).

Примечание в черновике: «Утром слышал «Белую» по «Нашему радио», когда родители ушли на базар. Взбудоражился и о-живился. Стихи – явное воспоминание чтение Пушкина во время последнего «Аэростата», когда начало одного из стихов напомнило мне первую сегодняшнюю строку».

(iii).

Иллюстрации содержатся в рукописи (блокнот, с. 62).

Первая ночь – на 24-е сентября 2005 г., с пятницы на субботу*.

В ночи первой на связь между оружием и песней Аквариума указывает следующее место из черновика (в скобках): «Гораздо позже пришло понимание, что в песне этой есть такая строка: «...вилок, рогаток, ножей – нас спасает лишь случай»; но во сне – я ни сном ни духом не отмечал этого совпадения».

Концовка сна в черновом варианте груба и обрублена: «Здесь сон как-то затухает».

Вторая «ночь» – днём 24-го сентября 2005 г.*.

Относительно сна третьей ночи в черновике есть замечание: «Третий сон я забыл. Идёт внутренняя работа по воспоминанию. Ждите, я до сих пор стараюсь вспомнить: самому интересно. (На субботу, 25-е сентября 2005 г.*)».

* С датировкой дат существует определённая неуверенность. Я помню, что три сна снились мне: первый – с пятницы на субботу, второй – в субботу днём (я устал и заснул), третий – с субботу на воскресенье. У меня сломался компьютер, и я не мог зафиксировать эти отрывки, но само по себе это уже информационно-указательный знак: компьютер сломался на 4-й неделе сентября (т. е. с 19-го по 25-е число), а сны были явно до этого события. Но в пятницу, 16-го сентября, сон не мог мне присниться, потому что я получил права и гулял допоздна, и помню, что снов не было. Тем более, что в субботу 17-го я не мог спать днём в связи с только что сказанным. В дни до 25-го сентября тоже поезда не снились: во-первых, компьютер (см. выше), во-вторых, это поздно. Видите противоречие? Значит, либо 16-го сентября <первый сон>, что невозможно, потому что права, либо 23-го сентября <первый сон>, что тоже невозможно, так как компьютер уже был сломан и поздно. Ещё и второй эпизод путает карты: снился мне инструктор по вождению до того, как я сдал экзамены и получил права (16-го) или после? Поэтому главным выводом этой мнемонически запоздалой (полмесяца после событий) тирады будет: сны снились в предпоследние или последние пятницу и субботу сентября 2005 г. Спасибо за внимание!

(iv).

Конец сентября – начало октября 2005 г.

(v).

Содержится в рукописи (блокнот, с. 64).

Сон на 23-е сентября 2005 г., под утро – к шести часам.

(vi).

В ночь на 19-е января 2006 г. (после чтения трёх глав «Индии» Абу Рейхана Бируни).

Кожыев

В ночь на 8-е декабря 2005 г. (на чт.) (после объявления о награждении, отчисления и прослушанного «Аэростата»).

Игра с сочетанием букв «жы» в третьем эпизоде, вполне вероятно, навеяно объявлением моей всё-таки довольно экзотической для русского уха фамилии, «Кожаяев», на награждении потанинских стипендиатов. Обратите также внимание на дважды встречающееся в сновидении слово «объявление».

Эфиопский амфитеатр

Сон на 10-е декабря 2005 г.

Опиум из бутылки с бобами

В ночь на 13-е декабря 2005 г. (с пн. на вт.), после работы над курсовыми.

Апрельский концерт

В ночь на 14-е декабря 2005 г. (на ср., после пашиного дня рождения).

Выстрел в Краснодаре

Первоначальное название – «Выстрел в Краснодаре, или С доской по ступенькам».

Вечером 15-го декабря 2005 г. (ночью работал над введениями к курсовым работам по истории Русской Православной Церкви).

Выражение «непщевати вины», что означает «искать оправдания», было узнано случайно, 7-го декабря 2006 г. в чужом молитвослове, причём за пять дней до этого меня спрашивали о переводе этого высказывания (В. А. Ф. в дер. Хорошавке Ефремовского уезда).

Итальянское пиво

На воскресенье, на 18-е декабря 2005 г.

В пункте «во-вторых» моего ответа Гребенщикова в черновике не содержатся точных словесных конструкций, указано просто: «Тут что-то очень убедительное и остроумное».

Четырнадцать лет

На пн., 19-е декабря 2005 г.

Взятка в особо крупном размере

Первоначальное название – «Гаишник взяток не берёт: мало».

На вт., 20-е декабря 2005 г.

Характеристика в черновике: «Сон про «Ниву» и брата».

Кондуктор из примёрзшей шлюпки

В ночь на 22-е декабря 2005 г.: после «Мастера и Маргариты», «Аэро-стата» №30 и А. Амфитеатрова (глава «Адские мучения»).

Варвары-головорезы

В ночь на 25-е декабря 2005 г., на вс. (после выигранных в «Миллионе» пятисот рублей в пять утра).

Два бобра-брата

В ночь на 26-е декабря 2005 г., на пн.

Характеристика в черновике: «Про Ивана и зачёт по черчению».

Протоиерей Александр (Коровьев)

В ночь на 27-е декабря 2005 г., на вт. (после кафедральных разговоров о моей курсовой для отца Александра: не принял, критиковал стиль, на титульном листе сделал надпись из «Клепсидры» (Андрей) или из книги (Евгений)).

Характеристика в черновике: «Сон про отца Александра».

Во время прогулки между нами происходит диалог, но я не запомнил его.

Просыпался часа в два ночи (хотя часов под рукой не было), хотел записать, но был настолько уставшим и так хотел спать, что сон пересилил.

(Во вторник уже Евгений добавил, что о. Александр называл меня сумасшедшим и соответствующим моё творчество; говорил, что я закончу «в психушке»; по этому поводу сам Евгений добавил, что я закончу Мастером и буду искать свою Маргариту. Вика сказала: «Никто не понимает твои сочинения», я ответил ей про о. Александра: «Он один меня понял!»).

Дело о тайных 25.000 рублей (с разоблачением)

Днём 27-го декабря 2005 г. (с четырёх часов до «Симпсонов», без пятнадцати семь. Ощущение, что спал долго, проснулся – подумал, что уже

«Мастер и Маргарита» начинается, без десяти девять) (после зачёта у отца Льва курса Дворкина; в этот день (вторник) выручка с курсовых на заказ за последние три-четыре дня выросла с нуля до 2.500 руб.: я тщательно пересчитывал).

Биологическое оружие

В ночь на 3-е января 2006 г. (после чтения Ч. Ломброзо) (в эти дни, на 3-е и на 4-е, был дома, «отсыпался» после празднования, спал так: засыпал ближе к трём ночи, просыпался к двум дня) (главная особенность двух этих дней – не знаю, вследствие ли долгого сна, – много сновидений: они крутятся очень длительно, очень растянуты; приятно, одним словом).

Характеристика в черновике: «В первом эпизоде, состоящем из двух главок, видел истязания мужчины и женщины».

Слой воздуха на дней бассейна, или: Да!, первая половина XVIII века

В ночь на 4-е января 2006 г. (опять после чтения Ломброзо и тому подобное: лёг в три, проснулся в два).

Появление отца Александра Нагайцева во втором эпизоде связано с тем, что в тот день звонил мой одноклассник Александр и просил исправить ему курсовую работу именно для этого преподавателя.

Замечание в черновике: «Поутру мне казалось, что эпизодов было никак не меньше пяти, но сейчас, днём, когда я их записываю, то вспомнил только два».

Ямецкий язык, или Коллекционная евхаристия

На 5-е января 2006 г. (вновь после Ломброзо, которого читал до трёх ночи; но сегодня бессонница до пяти часов) (много думал про азартные игры) (встал в двенадцать).

В черновике содержится сумбурное пояснение к четвёртому эпизоду: «Замечу, что весь этот сюжет был вызван вопросом, который я сам себе поставил во сне. Вопрос этот считался глубоким и точным; кроме того, он не подвергался сомнению о происхождении в полном бодрствовании: как если вопрос в бодрствовании был полнейшим авторитетом для поиска ответов во сне. А вопрос этот таков: вырывался ли Христос, когда причащался? Отмечу ещё, что вопрос предполагал неоднократное причастие, сам факт чего не вызывал сомнений в умности вопроса».

Бутерброд с Андреем Болконским

Краткий конспект содержится в рукописи (кПСС т. I, лист №12).

На 6-е января 2006 г., с четырёх утра до восьми часов (будет ещё часть вторая (третий и четвёртый эпизоды с восьми утра до половины второго дня)) (снова после чтения Ломброзо).

В постели с указом СовНарКом от 1945 г., или *Врождённая перевёрнутость натуры*

В ночь на 20-е января 2006 г. Лёг спать в начале второго ночи: до половины первого дочитал лекции по истории РПЦ, ещё двадцать пять минут смотрел «Симпсонов». Уложившись, стал читать главу про письмо, арифметику и странные обычаи индийцев из книги Бируни «Индия». Отходя ко сну, выдумал сюжет про молодого мужчину, собирающего «семя» иностранных девушек, чтобы потом родить гения. Подумал, что публиковать это произведение под своим именем непристойно, и тут-то вспомнил про заготовленный женский псевдоним Веа Аир. Укрылся одеялом как бронёй, но всё равно было очень холодно (температура, по сравнению с прошлой ночью в тридцать мороза, повысилась градусов на пять, но ветер был настолько суров, что посреди ночи мне пришлось встать и одеться). Оба эпизода – в вечерней дремоте. Второй эпизод хронологически предшествует первому.

Дремотные видения первого эпизода вызваны, на мой взгляд, двумя обстоятельствами: 1) изучением лекций по истории РПЦ к экзамену 21-го числа (это про постановления и их цвет) и 2) задуманный роман для Веи Аир (про женщину и трёх мужчин).

Задумавшись в полупробуждении над феноменом «наоборот» и его связью с «врожденной перевёрнутостью натуры», я сделал два предположения, почему в дремоте голос озвучивал часы на циферблате в обратном порядке: либо сон есть перевёрнутость по отношению к действительности (первое), либо моя натура перевёрнута по отношению к другим натурам (второе).

Истекая красной икрой

Сон на 3-е февраля 2006 г. (после Кавабаты и математической книги Болла).

Два эпизода.

Лестница на второй этаж

Сон в ночь на 7-е февраля 2006 г. (после второго дня лекций диакона Андрея Кураева в Туле: в 5-м корпусе университета и семинарии).

Именной указатель¹⁰³

Абдулов Александр Гаврилович (род. 1953 г.), народный артист России, с 1975 г. актёр театра «Ленком» – **134**.

Августин блаженный Аврелий (354 – 430), епископ Гиппонский, автор сочинений «Исповедь» и «О граде Божиим» – **87**.

Акунин Борис (Чхартишвили Григорий Шалвович) (род. 1956 г.), писатель, автор «Приключений Эраста Фандорина», трилогии «Провинциальный детектив», «Внеклассного чтения» и «Кладбищенских историй», японист по образованию, переводчик (день рождения – 20.V) – **17, 52, 62, 200 – 201, 229**.

Амфитеатров Александр; автор демонологического труда «Дьявол в быту, легенде и литературе средних веков» – **240**.

Астахов Павел Алексеевич (род. 1966 г.), лейтенант, адвокат Московской городской коллегии адвокатов, выпускник Высшей школы КГБ – **77 – 78**.

Бадма-Ханда (род. 1979 г.), народная бурятская певица – **227**.

Белый Андрей (Бугаев Борис Николаевич) (1880 – 1934), поэт-символист, прозаик, литературный критик, теоретик стиха, философ – **137**.

Бендер Остап Ибрагимович (1899 – дата смерти неизвестна), сын турецко-подданного, великий комбинатор – 210.

Берлиоз Михаил Александрович (ок. 1895 – 1935?), редактор столичного художественного журнала, председатель правления крупной московской литературной ассоциации, трагически погиб – 130.

Бируни Мухаммад ибн Ахмад Абу Рейхан (973 – 1048), среднеазиатский учёный-энциклопедист, арабский писатель, глава Академии в Хорезме при дворе шаха Мамуна, автор 150-ти трудов по математике, астрономии, географии, минералогии, истории, этнографии, филологии, философии – **208**.

¹⁰³ 1) Обычным шрифтом указаны личности, увиденные или напрямую повлиявшие на виденное во сне. 2) Курсивом обозначены литературные персонажи. 3) Уменьшенным и изменённым шрифтом отмечены авторы, чьи книги я читал перед сном, или актёры/режиссёры, чьи фильмы я перед сном смотрел.

Болконский Андрей Николаевич, князь, главнокомандующий ополчения в Отечественной войне 1812 г., ранен при Аустерлице, государственный деятель в комиссии М. М. Сперанского – 200, 206.

Боуи Дэвид (Роберт Хэйвард-Джонс Дэвид) (род. 1947 г.), музыкант, организатор группы «Дэвид Джонс и королевские пчёлы», актёр, драматург и художник – **230.**

Будда (Сиддхартха Гаутама, Шакьямуни) (623 – 543 / 567 – 488 до н. э.), наследный принц Непала, просветлённый, транслятор четырёх благородных истин – **83, 226.**

Гафт Валентин Иосифович (род. 1935 г.), народный артист РФ, член Союза кинематографистов, член Союза театральных деятелей, член Московской организации Союза писателей – **185.**

Гитлер Адольф (Шикльбругер) (1889 – 1945), лидер национал-социалистической немецкой рабочей партии, глава фашистского государства Германии с 1933 г., канцлер Третьего рейха – **57 – 58, 70 – 71.**

Гольбах Поль (1723 – 1789), просветитель, критик католицизма, анонимно автор «Карманного богословия» – **200, 231, 232.**

Гребенщиков Борис Борисович (род. 1953 г.), музыкант, «патриарх русского рока», руководитель группы Аквариум с её основания в 1972 г. (день рождения – 27.XI) – **13, 15, 17, 45 – 47, 49, 59, 81 – 82, 85, 91, 99 – 100, 103 – 104, 110, 117 – 118, 130 – 131, 138, 144 – 145, 152, 168, 171 – 172, 175, 176, 179, 180, 196, 207, 212, 214, 221, 224, 225, 228, 229, 232, 235 – 236, 239.**

Дворкин Александр Леонидович (род. 1955 г.), историк, богослов и ведущий эксперт по проблемам экспансии новых религиозных движений в России; глава Центра религиоведческих исследований им. Иринея Лионского – **122 – 123, 232, 233, 241.**

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877 – 1926), участник польского и русского революционных движений, с 1917 г. председатель ВЧК, с 1919 по 1923 гг. – нарком внутренних дел – **92 – 93, 227.**

Дмитрий Иванович Донской (1359 – 1389), великий князь, духовный наследник митрополита Алексия и Сергия Радонеж-

ского, предводитель русского войска на Куликовом поле (1380 г.) – **31 – 32**.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821 – 1881), писатель, похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, герой романа Бориса Акунина «Ф.М.» (день рождения – 11.XI) – **5, 27, 67**.

Дудка Вячеслав Дмитриевич (род. 1960 г.), губернатор Тульской области – **159 – 160, 236 – 237**.

Ефрем Сирин (306 – 373), сирийский подвижник, отец Церкви, экзегет и гимнотворец – **68 – 69, 224 – 225**.

Иероним Стридонский (347 – 420), христианский писатель, богослов, отец Церкви, переводчик Библии на латынь («Вульгата»), канонизированный в XVI в. католический святой – **87**.

Коровьев, переводчик при специалисте по Герберту Аврилакскому, приглашённому в государственную библиотеку в Москву, рыцарь, неудачно пошутивший о свете и тьме; он же Фагот – 188, 240.

Красько Ольга Юрьевна (род. 1981 г.), выпускница Школы-студии МХАТ, актриса театра под руководством О. Табакова, исполнительница роли Варвары Суворовой в фильме «Турецкий гамбит» по роману Бориса Акунина – **210**.

Кураев Андрей Вячеславович (род. 1963 г.), диакон, профессор Московской Духовной академии, старший научный сотрудник кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ (выпускник кафедры истории и теории научного атеизма), референт патриарха Московского и всея Руси Алексия II (1990 – 1993 гг.), профессор Свято-Тихоновского Богословского института (с 1997 г.) – **242**.

Ленин Владимир Ильич (1870 – 1924), организатор партии большевиков на II съезде РСДРП (1903 г.), основатель «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895 г.), газеты «Искра» (1900 г.), редактор газеты «Правда», руководитель восстания октября 1917 г., глава III Интернационала (1919 г.) – **145, 147, 235**.

Леннон Джон (1940 – 1980), музыкант, гитарист группы «The Beatles», лидер группы «The Plastic Ono Band» (с 1970 г.) – **47 – 49, 223**.

Ли Брюс (Ли Юн Фан) (1940 – 1973), выдающийся мастер боевых искусств, актёр, выпускник Вашингтонского университета по специальности «философия» – **163**.

Ломброзо Чезаре (1835 – 1909), итальянский учёный и криминалист, с 1862 г. заведующий кафедрой психиатрии в Павийском университете, доктор психиатрической клиники в Пезаро; автор книги «Гениальность и помешательство» – **229, 241**.

Лотман Юрий Михайлович (1922 – 1993), культуролог, семиотик, доктор филологических наук, лауреат Пушкинской премии РАН – **134**.

Лунгин Павел Семёнович (род. 1949 г.), сценарист и кинорежиссёр – **237**.

Меньшиков Олег Евгеньевич (род. 1960 г.), народный артист России, лауреат трёх Государственных премий РФ, исполнитель роли Фандорина в фильме «Статский советник» по роману Бориса Акунина, создатель и глава «Театрального товарищества 814» – **210**.

Ницше Фридрих (1844 – 1900), философ-иррационалист, поэт, «убийца» Бога – **109, 147, 229**.

Оно Ёко (1933), японская художница-авангардистка, с 1969 г. жена (третьим браком) Джона Леннона – **48**.

Орлов Михаил; автор фундаментального труда «История сношений человека с дьяволом» - **137, 234, 236, 237**.

Путин Владимир Владимирович (род. 1952 г.), президент Российской Федерации (с 2000 г.), бывший работник КГБ, выпускник юридического факультета Ленинградского государственного университета, кандидат экомонических наук, подполковник запаса, мастер спорта по борьбе самбо и дзюдо – **89 – 90**.

Ростова Наталья Ильинична (1792), графиня, представительница древней московской фамилии – 206.

Рубекин Борис (род. к. 1960-х гг.), музыкант Аквариума: родился в джунглях острова Борнео, был вырван из лап культа вуду христианами-протестантами и обучен игре на паровом органе; не курит (день рождения – 14.VII) – **131, 133, 161**.

Сакмаров Олег Арнольдович (род. 1959 г.), музыкант, участник Аквариума (с 1989 г.), выпускник Ленинградской консерватории, музыковед, поэт, лидер группы «Sak-mar» – **47, 48**.

Сапогова Елена Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии Тульского государственного университета – **203 – 205**.

Серафим Саровский (Мошнин Прохор) (1753 – 1833), русский святой, канонизирован в 1903 г. – **53, 217**.

Симпсон Гомер (род. 1958 г.), служащий атомной станции в Спрингфилде – 8, 35 – 36, 153, 225, 235, 236, 240.

Симпсон (девич. Бувье) Марж (род. 1958 г.), супруга Гомера Симпсона (с 1979 г.) – 35.

Сталин Иосиф Виссарионович (1878 – 1953), активный участник подготовки и проведения Октябрьской революции, с 1922 г. генеральный секретарь ЦК РКП(б) (с декабря 1925 г. – ВКП(б)), с 1941 г. председатель СНК (Совет Министров) СССР, генералиссимус Советского Союза – **39, 42 – 43, 54, 222**.

Табаков Олег Павлович (род. 1935 г.), народный артист СССР, с 1957 г. актёр театра «Современник», с 1983 г. – МХАТа и с 1989 г. – МХАТа им. А. П. Чехова – **118 – 119, 231**.

Твардовский Александр Трифонович (1910 – 1971), писатель, выпускник Московского института философии, литературы и истории, военный корреспондент – **32**.

Тимофеев Игорь, музыкант Аквариума: выпускник эстрадно-джазового отделения Музыкального училища им. М. П. Мусоргского, учился в консерватории Мангейма (день рождения – 8.IV) – **131 – 132**.

Толкин Джон, автор трилогии «Властелин колец» – **51, 159**.

Толстой Лев Николаевич (1828 – 1910), граф, писатель, участник обороны Севастополя (1854 г.), отставной поручик, почётный академик Петербургской Академии Наук (с 1900 г.), церковно отлучённый (с 1901 г.) – **83, 225**.

Хрущёв Никита Сергеевич, с сентября 1953 г. по октябрь 1964 г. первый секретарь ЦК КПСС, инициатор развенчания культа личности Сталина на XX съезде партии (февраль 1956 г.) – **94 – 95, 227**.

Цветаева Марина Ивановна (1892 – 1941), поэтесса, дочь основателя Музея изящных (ныне изобразительных) искусств Ивана Владимировича Цветаева, самоубийца – **83**.

Цой Виктор Робертович (1962 – 1990), музыкант, лидер группы «Кино», лауреат фестивалей Ленинградского рок-клуба, актёр и художник – **225**.

Чан Джеки (Конг Сунг Чан) (род. 1954 г.), актёр, режиссёр – **163**.

Чонишвили Сергей Ножериевич (род. 1965 г. в Туле), заслуженный артист России, актёр театра Ленком, исполнитель роли графа Зурова в фильме «Азазель» по роману Бориса Акунина, «самый притягательный и востребованный закадровый голос российского телевидения», писатель – **144**.

Чэпмен Марк, убийца Джона Леннона, пожизненно заключённый – **47**.

Шар Олег (род. 1963 г.), музыкант Аквариума: мистическая сила природы, был уличён в игре с группами «Оле-Лукойе», «Z-Ensemble», «Krazy Krop» и Vermicelli Orchestra, «Бич Божий Русской Перкуссии» («Шаровая молния (того же)»), убеждённый духовный вегетарианец; курит даже алкоголь (день рождения – 21.VIII) – **131 – 132**.

Шах Идрис (1924 – 1996), бадшах, эмир, сирдар, шариф и хадрат, шейх суфиев, исследователь, популяризатор и практик суфизма – **35, 99 – 100**.

Шукшин Василий Макарович (1929 – 1974), писатель, киносценарист, актёр – **115 – 116, 231**.

Статистика

SACRUM

Аквариум – 26;
Акунин – 2;
Достоевский – 1;
«Первохристианка» – 1.

VULGUS

Дверь – 32;
Числа и номера – 17;
Ступени – 17;
Церковные иерархи и святые – 16;
Коридор – 14;
Тула – 14;
Косая Гора – 13;
Дата (месяц и число) и время (час и минута) – 12;
Книги – 11;
Деньги – 11;
Кафедра – 11;
Военные – 10;
Машины – 10;
Старуха – 9;
Автобус – 8;

По 7 раз: дерево, Кресты деревня, магазины, милиционеры, театр (зрительный зал, сцена), храмы и монастыри, экзаменатор-испытующий;

По 6 раз: «Diablo-II», «Волга», пистолеты, поезд, стрельба, телефоны;

По 5 раз: больница, буквы отдельные, год, компьютер, оружие огнестрельное, очки, убитые или разбившиеся, университет, фамилии, японские мотивы;

По 4 раза: дети, курсовая работа, НТВ, рестораны, сигареты (курение), трамвай, трубы, холодное оружие, шахта (яма, разлом);

По 3 раза: автобусная остановка, «Визитка» издательство, водка, врачи, газеты, гостиницы, грузовик, клип, кошка, кусты, медсёстры, метро, молоко, Москва, «Нива», потанинская стипендия, самолёт, Симпсоны, телевидение, цены, яйцо;

По 2 раза: билеты, бревно, врачи, гимназисты, госпиталь, дым, дьявол, журналисты, заправка, зубы (клыки), инвалиды, кабриолет, «Клепсидра», колесо, коровы, листы, мафиозники (преступники), объявление, огонь (пожар), ожоги, парк, Петербург, пиво, православная служба, портфель, стрелы, таблички, телега (тачанка), трамвайные пути, увеселительные заведения, футбол, циферблат, чай;

По 1-му разу: BMW, адвокат, архивные дела, Африка, банковские карты, бассейн, бильярд, бочки, бык, варвары-орки, визитка, вино, бесы, Будда, газели, гербы, Германия, деревянная лыжа, доклады, драгоценные камни, дракон, журналы, зажигалка, заложники; зеркало, икона, кабан, кабаниха, картины, касса, катапульта, кафе, Киев, китайские мотивы, клинки, кольца, коньяк, ладья, лев, лодка-пирога, мозаика, мотоциклы, музыкальная студия, мультфильм, награды, Нева, «Ока», опиум, ответчик, открытки, «ПАЗ», паланкин, Париж, парижанин, пламенная заставка, прокурор, пули, пушечные ядра, раненые, речная система, рис, рыба, рыбак, рысь, сборник рассказов, скот (перегоняемый), смородина, собака, спортсмены, студенческий билет, тарелки, типография, топи (болото), троллейбус, УАЗ «Козёл», узкоколейка, филармония, Франция, шланги, шлюпка, Шукшин, Эйфелева башня.

Лица:

1) Семья:

Родственники – 26;

2) Друзья и подруги:

Дима Борисов – 2; Лена Кузнецова (г. Котлас Архангельской обл.) и Настя (г. Дубна Московской обл.) – по – 1-му разу;

3) Друзья с психологии: Костя – 6; Ирина – 3; Маша – 3;

4) Студенты кафедры: Юра Балабаев – 2; Юлия Сикорская, Юлия Василенко и Лев Л. Махно – по 1-му разу;

5) Одногоруппники: Настя – 7; Евгений – 5; Павел – 4; Вика – 4; Андрей – 3; Антон – 3; Саша – 3; Иван – 2; Оля – 2; Таня – 2; Ксения – 2; Ирина – 1; Лера – 1;

6) Преподаватели и сотрудники кафедры:

Протоиерей Лев Махно – 10; протоиерей Александр Нагайцев – 2; Юрий Викторович – 2; Фролова – 2; Дворкин – 1; Тюленева – 1;

7) Сотрудники издательства «Визитка»:

Нина Ивановна Галкина – 1;

8) Государственные деятели:

Гитлер – 2; Ленин, Дзержинский, Сталин, Путин, Хрущёв, Брежнев и нынешний тульский губернатор Дудка – по 1-му разу.

PERSONA MAGNIFICA

Фридрих Ницше (xliv, lxiii) – 2;

Александр Абдулов (lix), блаженный Августин (xxxii), Андрей Белый (ix), Андрей Болконский (xci), Валентин Гафт (lxxxiii), Ольга Красько (xciv), Джон Леннон (ix), Брюс Ли (lxxii), Юрий Лотман (lix), Олег Меньшиков (xciv), Йоко Оно (ix), Наташа Ростова (xci), Эльдар Рязанов (xlv), Серафим Саровский (xiv), Ефрем Сириин (xxiii), Олег Табаков (l) и Джеки Чан (lxxii) – все встречаются по 1-му разу.

СОДЕРЖАНИЕ

кПСС, том I 4

- i. Синий дом **23**
- ii. Оконный монастырь **24**
- iii. Огненная цистерна и Театр одного зрителя **27**
- iv. Para bellum (вариации на военную тему) **32**
- v. Бумажный коридор японских женщин **37**
- vi. Куриная тухлятина **38**
- vii. Марафон от Кремля до Первомайской и Поезд и Сталин **39**
- viii. БГ: разговор с парижанином, и Аквариум: концерт на НТВ **43**
- ix. Джон Леннон и книжный магазин **47**
- x. «Незавершённые песни» **49**
- xi. Новый Патриарх! **50**
- xii. Псевдо-Эйовин **50**
- xiii. Интерсити – Хитровка **51**
- xiv. Монгол-японец **53**
- xv. Охранники потерянного портфеля **54**
- xvi. Детский врач Гитлер – вонючий козёл **57**
- xvii. Чёрная картина **58**
- xviii. Порох стреляет в коже **60**
- xix. Эйфелева башня из белого шоколада **61**
- xx. Ось от колеса **61**
- xxi. Потайная библиотека **62**
- xxii. Две ржавые трубы **66**
- xxiii. Ниндзя выкрали Ефрема Сирина! **68**
- xxiv. Отрубим ему руку? **71**
- xxv. Глазированная лампочка зуба **76**
- xxvi. Не бей ответчика, Астахов!; и Тяжёлая молитва **77**
- xxvii. Икона ZOOM ZOOM ZOOM **82**
- xxviii. Елизавета знатных кровей **82**
- xxix. 17-й том Льва Толстого – исключительно для музыки reggae **83**
- xxx. Две ладьи БГ **84**

- xxxi. Деревянное велосипедное колесо **85**
- xxxii. Западные коты Церкви **86**
- xxxiii. Механический зелёный дракон **87**
- xxxiv. Ни чьерта не помню! **90**
- xxxv. Колыбельные пироги **91**
- xxxvi. Три бутылки Дзержинского **92**
- xxxvii. Катапульта для Хрущёва **94**
- xxxviii. Три синие коровы волшебства **96**
- xxxix. Храните деньги в *банке* **96**
- xl. Деление самолёта без остатка **102**
- xli. Дерево души или душа дерева? **103**
- xlii. Танец Африки, или Поцелуй газели **105**
- xliiii. «Царское» село **108**
- xliv. *Интермедия №1* **109**
- xlv. На каменных плитах храма **110**
- xlvi. Коктейль Рязанова **113**
- xlvii. Воскресший Шукшин **115**
- xlviii. Снежная кабаниха реки **116**
- lix. Корова из чёрного шёлка **117**
- i. Недюжинный Табаков **118**
- ii. «Тротуарный роман» **119**
- iii. Находчивая рука **120**
- iiii. Дворкин против льва **122**
- iv. Старуха музыки **123**
- iv. Ю Люблю Я **124**
- vi. «Промышленность и торговля в Москве на рубеже XIX – XX веков» **124**
- vii. Шампанское «Ясная Поляна» **128**
- viii. Семидесятилетие Гребенщикова **130**
- lix. Малая «Клепсидра» **133**
- ix. Семьдесят тысяч бесов **135**
- lxi. Розовая смородина **137**
- lxii. *Дремота* **141**
- lxiii. Ленин как религиозное Божество **145**
- lxiv. В круге правом **148**
- lxv. Первохристианка **150**

- lxvi. Циферблат **150**
lxvii. Тарелки **152**
lxviii. Позитивная философия, или Рыбак, достающий чудорыбу **153**
lxix. Торт «Аквариум» **156**
lxx. Губернаторское кресло **158**
lxxi. Самолётоткрушение **160**
lxxii. Инициация в чаны **162**
lxxiii. Два хорепископа, или Рисовая бомба **165**
lxxiv. *Интермедия №2* **167**
lxxv. Кожыев **171**
lxxvi. Эфиопский амфитеатр **173**
lxxvii. Опиум из бутылки с бобами **175**
lxxviii. Апрельский концерт **176**
lxxix. Выстрел в Краснодаре **177**
lxxx. Итальянское пиво **178**
lxxxi. Четырнадцать лет **180**
lxxxii. Взятка в особо трупном размере **180**
lxxxiii. Кондуктор из примёрзшей шляпки **183**
lxxxiv. Варвары-головорезы **186**
lxxxv. Два бобра-брата **186**
lxxxvi. Протоиерей Александр (Коровьев) **188**
lxxxvii. Дело о тайных 25.000 рублей (с разоблачением) **189**
lxxxviii. Биологическое оружие **192**
lxxxix. Слой воздуха на дне бассейна, или: Да!, первая половина XVIII века **194**
xc. Ямецкий язык, или Коллекционная евхаристия **196**
xci. Бутерброд с Андреем Болконским **200**
xcii. В постели с указом Сов НарКом от 1945 г., или *Врождённая перевёрнутость природы* **207**
xciii. Истекая красной икрой **208**
xciv. Лестница на второй этаж **209**

ТРИ СНА ВЕРЫ ПАВЛОВНЫ 211

ТРИ КИТА 212

Необизм **213**

ЧУЖИЕ СНЫ

Гребенщиков-будильник **216**

ПРИЛОЖЕНИЯ

СОН О ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ **217**

СОН РЫЛЕЕВОЙ **217**

СОН О ДВУХЭТАЖНОМ ДОМЕ **219**

ПРИМЕЧАНИЯ **221**

Именной указатель **243**

Статистика **249**

СОДЕРЖАНИЕ **252**

* * *

Ювелирно-апокрифический камень

Михаил КОЖАЕВ

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СНОВИДЕНИЙ

Том I

Редактор Быколай Оптоед

Художественный редактор Сувлехим Такац

Технический редактор Иван Бодхидхарма

Корректоры граф Альфредо Гарсия, Минамото&Тайра

Директор издательства Уйсгиболом дум Скибгиболом

Я читал в догорающем свитке:

«Роман о Пилате». Тушили в «Визитке».

Подписано в печать XII.2006. Формат А5.

Печать сургучная. Бумага денежная. Гарнитура Часы Вечного Города.

Тираж 70 внуков.

Отпечатано в

*голове Этерафаопе Аброна, головном мозгу Мениггесстроефа,
правом глазу Астерехмена, левом глазу Фаспомохама,
правом ухе Иеронумоса, левом ухе Биссума,
пальцах левой руки Балбела, ногтях на руках Крими,
правой груди Астропоса, левой груди Баррофа,
правой подмышке Баума, левой подмышке Арарима,
животе Арехе, пупке Фтхауэ, костном мозгу Абенленархея,
кости Хнуменинорина, сердце Агромаума,
печени Сострапала, селезёнке Анесималара, кишке Фопифро, почках Библо,
правом бедре Гормакайохлабара, левом бедре Небрифа и проч.*
издательства «ШАР»

300026, г. Тула, пр-т Ленина, 104.

Тел./факс (4872) 33-60-40.